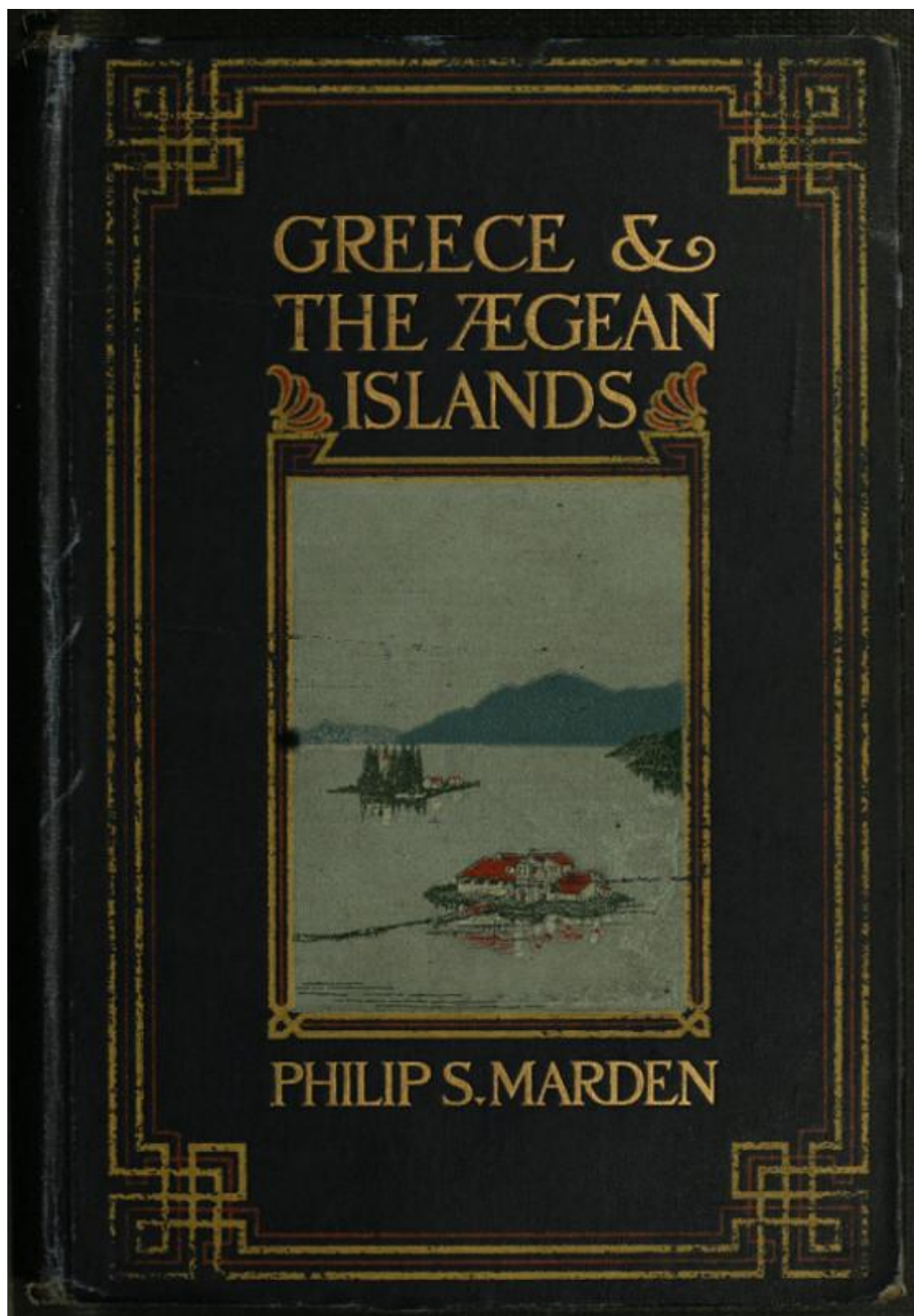

Греция и Эгейские острова

Филип Сэнфорд Марден

The Project Gutenberg eBook of Greece and the Ægean Islands.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить ее или использовать повторно на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге, или в режиме онлайн на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Греция и Эгейские острова

Автор: Филип Сэнфорд Марден

Дата выхода: 1 октября 2015 [eBook #50106]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено KD Weeks, Shaun Pinder и Online Distributed Proofreading Team на сайте <http://www.pgdp.net> (Этот файл подготовлен на основе изображений, щедро предоставленных файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK GREECE AND THE ÆGEAN ISLANDS ***

Примечание переводчика:

Незначительные ошибки в пунктуации и форматировании были беззвучно исправлены. Пожалуйста, смотрите [примечание](#) транскриптора в конце этого текста для получения подробной информации о решении любых текстовых проблем, возникших во время его подготовки.

Полноразмерные изображения перенесены в разрывы абзацев. Поэтому пагинация, используемая в списке изображений, является приблизительной, но каждая из них имеет прямую ссылку на иллюстрацию.

Сноски были заново упорядочены, чтобы быть уникальными во всем тексте, и перенесены в конец текста.

Изображение на обложке было сфабриковано и помещено в общественное достояние.

ГРЕЦИЯ И ЭГЕЙСКИЕ ОСТРОВА

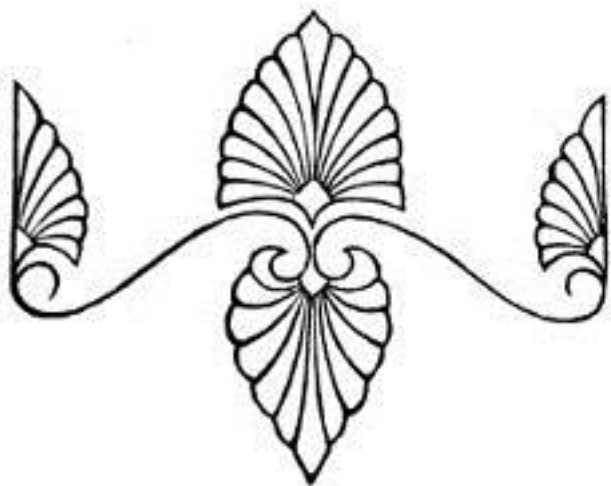

АКРОПОЛЬ С ВИДОМ НА ПРОПИЛЕИ

ГРЕЦИЯ И ЭГЕЙСКИЕ ОСТРОВА

ПО АДРЕСУ

ФИЛИПП СЭНФОРД МАРДЕН

Лондон

АРХИБАЛД КОНСТАБЛ И КО, ЛТД.

БОСТОН И НЬЮ-ЙОРК

HOUGHTON, MIFFLIN & CO.

1907

ПРОЛЕГОМЕНА

Нижеследующее не претендует на то, чтобы быть научным трудом о Греции с археологической или иной точки зрения. То, что она вообще написана, является результатом действия нескольких сил, главными из которых являются сознание того, что ни одна из опубликованных до сих пор книг, насколько мне известно, не охватывала подобную область, и чувство, основанное на опыте меня и других, что такая книга должна быть доступна.

В качестве объяснения и извинения я вынужден признать, даже перед самим собой, что написанное мною, особенно в первых главах, может быть иногда обвинено в том, что оно имеет справочный характер, несмотря на честные и настойчивые усилия избежать этого. Искренне желая показать, как просто на самом деле посетить Элладу, и горячо надеясь сделать некоторые неровности гладкими для первых посетителей, я, несомненно, был излишне многословен и откровенен в самом начале, особенно при рассмотрении ряда неприятных деталей и указаний. Кроме того, в столь малом объеме изложить столь обширную тему, как древние и современные Афины, - задача, сопряженная со многими трудностями. Конечно, в такой книге, как эта, нельзя полностью игнорировать Афины, несмотря на то, что до сих пор о городе и его памятниках было опубликовано так много, что дальнейшее описание совершенно не нужно. Моя цель - не сделать Афины более знакомыми, а описать другие и более отдаленные места в Греции для информации и, я надеюсь, для удовольствия прошлых и будущих путешественников. Афины, однако, я не мог обойти вниманием; и хотя такое краткое описание, как здесь, обязательно будет поверхностным, оно может помочь пробудить дополнительный интерес к этому городу там, где раньше его не было.

Если не считать предварительных глав и глав, посвященных самим Афинам, я надеюсь, что мне удалось добиться большего. Во всяком случае, в этих местах я был свободен от гнетущего чувства, что занимаюсь суеверием, поскольку эта часть темы ни в коем случае не является заезженной даже в обработке технических писателей. Со времени публикации большинства наиболее известных книг о греческих путешествиях многое было сделано в области раскопок, и многое интересное было обнажено, что не было адекватно описано даже в технических работах. В работе с этими дополнениями и в описании путешествий по менее знакомым внутренним местам, а также круизов на многие классические острова Эгейского моря, я надеюсь, эта книга найдет свое настоящее оправдание.

Выбирая систему написания названий греческих городов, поселков и островов, я оказался в некотором затруднении из-за возможностей, предоставляемых различными авторскими обычаями в этой области, каждый из которых имеет что-то, что можно рекомендовать, и что-то, также, недостатки. Если писать греческие имена в более распространенной

англизированной манере, особенно при написании для обычного путешественника, то, безусловно, можно избежать видимости жеманства, а также не вводить читателя в заблуждение незнакомой формой знакомого слова. Поэтому, после долгих споров и вопреки моим личным предпочтениям и обычаям в ряде случаев, я в основном придерживаюсь форм названий, наиболее привычных для американских глаз и ушей. В случаях с малоизвестными или малоизвестными объектами, когда иногда важнее знать названия в местном произношении, я придерживался греческих форм. Это, несомненно, не совсем логично, но мне показалось лучшим выходом из довольно сложной ситуации, которая, как бы ни пытались решить проблему, окажется неудовлетворительной.

В знак милосердия к негреческим читателям я также старался твердой рукой исключить цитаты из греческого языка и, насколько это возможно, избегать использования греческих слов или выражений в тех случаях, когда английские могли бы подойти для любой цели.

Если в тех местах, которые, казалось, требовали этого, я затрагивал археологические вопросы, я надеюсь, что не увел ни одного читателя далеко от истины, хотя тот, кто, по общему признанию, является дилетантом в таких вопросах, сильно рискует, беря на себя ответственность за работу, в которой даже сами врачи так часто расходятся во мнениях. Особенно я надеюсь, что мне удалось избежать высказывания личных мнений по спорным вопросам, поскольку дилетантам в таких случаях не пристало иметь какие-либо мнения, и уж тем более не пристало представлять их необученным людям, как если бы они имели значение или вес. Скорее, у меня есть только желание пробудить в других сознание того, что сейчас так же легко увидеть и насладиться видимыми остатками славы Греции, как и величия Рима.

При написании этих глав была сделана попытка изложить в нетехнических терминах только то, что писатель сам видел и наблюдал в этих местах далекой древности, с мыслью ограничить объем этой книги потребностями тех, кто, как и он сам, испытывает благоговение перед старыми вещами, любовь любителя к классике и желание увидеть и узнать тот мир, который родился, жил и умер до того, как о существовании нашего собственного даже не мечтали. Если то, что здесь написано, заставит других поехать и увидеть Грецию своими глазами, или каким-либо образом поможет им в знакомстве с ней, или, что еще лучше, позволит им с большей готовностью вспоминать дни, проведенные в этой самой очаровательной из всех ушедших наций, то эта книга, как бы недостойно она ни относилась к великой теме, будет написана не напрасно.

Филип Сэнфорд Марден.

Лоуэлл, штат Массачусетс, август 1907 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I.	ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГРЕЦИИ	1
II.	КРЕСТ	18

III.	ВХОД В ГРЕЦИЮ	37
IV.	АФИНЫ; СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД	50
V.	ДРЕВНИЕ АФИНЫ: АКРОПОЛЬ	76
VI.	ДРЕВНИЕ АФИНЫ: ДРУГИЕ ПАМЯТНИКИ	96
VII.	ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ	123
VIII.	ДЕЛЬФИ	146
IX.	МИКЕНЦЫ И РАВНИНА АРГОС	169
X.	НАУПЛИИ И ЭПИДАВРЫ	193
XI.	В АРКАДИИ	211
XII.	АНДРИТСЕНА И ХРАМ В БАССЕЕ	229
XIII.	ЧЕРЕЗ ХОЛМЫ В ОЛИМПИЮ	247
XIV.	ГРЕЧЕСКИЕ ОСТРОВА: ДЕЛОС	272
XV.	САМОС И ХРАМ В ФИЛИДЕ	286
XVI.	КОС И КНИДОС	304
XVII.	РОДИС	318
XVIII.	ТЕРА	334
XIX.	НИОС; ПАРОС; ПОЛУНОЧНАЯ МЕССА	351
XX.	КОРФУ	368
	ИНДЕКС	381

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	СТРАНИЦА
АКРОПОЛЬ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ПРОПИЛЕИ	<i>Фронтиспис</i>
КАРТА	1
МЕСТО ВЫСАДКИ В КАНЕА	20-
ТРОН МИНОСА В КНОССЕ	34
КЛАДОВЫЕ В МИНОЙСКОМ ДВОРЦЕ, КНОСС	36
СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ В ТУРЕЦКОМ КВАРТАЛЕ, АФИНЫ	60
ХРАМ НИКЕ АПТЕРОС	80
ПАРФЕНОН, ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОН	86
ХРАМ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО	104
АРЕОПАГ	108
ТЕЗЕУМ	112
НАДГРОБНАЯ АМФОРА, КЕРАМИКА	116
НАДГРОБНЫЙ РЕЛЬЕФ, КЕРАМИКА	118
БРОНЗОВЫЙ ЭФЕБ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ, АФИНЫ	120
ХРАМ В СУНИУМЕ	134
ПОДХОД К ЭГИНЕ	138
ХРАМ В ЭГИНЕ	138

КРЕСТЬЯНСКИЕ ТАНЦОВЩИЦЫ В МЕНИДИ	142
РАВНИНА ПОД ДЕЛЬФИ	150
ДОЛИНЫ ДЕЛЬФИ	156
ВОЗНИЦА, ДЕЛЬФЫ	166
АГОРА, МИЦЕНЯ	180
ЖЕНЩИНА, КРУЖАЩАЯСЯ ПО ДОРОГЕ В ЭПИДАВР	198
ЭПИДАВРСКИЕ ПАСТУХИ	202
ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ	206
ФОРПОСТ АРКАДИИ	224
УЩЕЛЬЕ АЛФЕЯ	226
АНДРИЦЫНА	230
ДЕНДРОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЛА. ANDHRITSÆNA	234
МОЛОТИЛКА В БАССЕ	240
ХРАМ В БАССЕ, СВЕРХУ	244
ХРАМ В БАССЕЕ, СНИЗУ	244
ГЕРЬЕВ. ОЛИМПИА	258
ВХОД НА СТАДИОН. ОЛИМПИА	262
ДЕЛОС, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ГРОТ	282
ГРОТ АПОЛЛОНА, ДЕЛОС	282
КОЛУМН БАЗЫ. САМОС	296

РЕЗНАЯ КОЛОННА-ОСНОВАНИЕ. BRANCHIDÆ	296
ДЕРЕВО ГИППОКРАТА. COS	306
КНИДОС С ДВУМЯ ГАВАНЯМИ	314
СКУЛЬПТУРНАЯ ТРИРЕМА В СКАЛЕ В ЛИНДОСЕ. (По эскизу автора)	327
АРОЧНЫЙ ПОРТАЛ АКРОПОЛЯ. ЛИНДОС	328
САНТОРИН	336
ПОСАДОЧНАЯ ПЛОЩАДКА В ТЕРЕ	338
ТЕРА	342
УЛИЦА ТЕРАН	346
СТАРЫЕ КОЛОННЫ В ЦЕРКВИ, ПАРОС	362
"КОРАБЛЬ УЛИССА". КОРФУ	374

ГРЕЦИЯ

И

ЭГЕЙСКИЕ ОСТРОВА

СХЕМАТИЧЕСКАЯ КАРТА
ОГ
ГРЕЦИИ
И
ЭГЕЙСКИХ ОСТРОВОВ

ГЛАВА I. ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ГРЕЦИИ

Времена, когда посещение Греции могло считаться чем-то необычным и выходящим за рамки проторенной дорожки европейских путешествий, прошли, и к счастью. Объявление о намерении посетить Афины и их окрестности больше не вызывает изумления, как это было в те времена, когда Греция считалась чуть ли не исключительным местом для похода самых рьяных археологов. Конечно, те, кто никогда не испытывал прелести эллинского путешествия, все еще удивляются выраженному желанию человека вновь посетить классическую страну; но и это должно пройти, поскольку мало кто отправляется в путешествие, не пробудив в себе это желание.

Посещение основных достопримечательностей эллинского королевства больше не является делом, чреватым какими-либо трудностями, а тем более опасностями; и, что еще более важно по мнению многих, это больше не является предприятием, сопряженным с дискомфортом, в какой-либо степени большим, чем это имеет место в путешествии по Италии. Результатом растущего осознания этого факта стал неуклонно увеличивающийся объем путешествий в эту богатейшую из классических стран - богатейшую не только своими нематериальными воспоминаниями, но и видимыми памятниками далекого прошлого, представляющими собой неугасающие свидетельства гения греков выражать прекрасное в терминах мрамора и камня. Конечно, можно научиться ценить прекрасное в греческой мысли, не выезжая из дома, - оно воплощено во внушительных литературных останках, с которыми можно познакомиться, пройдя обычный курс обучения в колледже. Но чтобы в полной мере познать красоту скульптур и архитектуры, достигших кульминации в эпоху Перикла, необходимо посетить Грецию и своими глазами увидеть то, что пощадила рука Времени, часто, правда, в фрагментарной форме, но все же иногда тронутое новой красотой благодаря смягчающим процессам веков.

Для любого думающего, читающего мужчины или женщины современности воспоминания, легенды и история Древней Греции должны быть достаточно привлекательными. Мало кто из нас задумывается о том, как много современных мыслей и чувств впервые получили адекватное выражение у жителей древних Афин, и как много в нашей повседневной речи напрямую связано с их языком. Современный политик все еще может научиться такту у Перикла, а ораторскому мастерству у Эсхина, как и современная философия развивалась благодаря Сократу, Платону и Аристотелю. Не правда ли, что значительная часть современной религиозной мысли, по крайней мере, надежда на славу, если не на средства благодати, находит свое самое сильное предвестие в поисках более просвещенными

афинянами надежды на бессмертие и жизнь за пределами могилы? Переход венца архитектурной славы афинского Акрополя от храма Афины-девы () к храму Девы Марии был, в конце концов, не таким уж бурным, если вспомнить, что позднее язычество смягчилось от своей старой системы развращенных личных божеств к абстрактному воплощению их главных атрибутов или качеств, таких как мудрость, исцеление, любовь и война. И по сей день следы языческого, или, скажем, классического периода легко обнаружить, смешавшись с современным греческим христианством, часто неосознанно, и, конечно, полностью лишенным какого-либо содержания язычества, но все же безошибочно присутствующим в нем. До сих пор сохранились праздники, некогда священные Асклепию, которые, по сути, проводятся в христианские священные дни и под христианской номенклатурой, без малейшей мысли о почитании эпидаврского бога, но тем не менее сохраняя в неприкосновенности древнюю центральную идею, побуждавшую поклоняющегося спать в святилище в ожидании целительного визита видения. В любой церкви Греции сегодня можно увидеть десятки маленьких металлических рук, ног, глаз и других органов тела, подвешенных в качестве votivных подношений на иконостасе, или алтарной ширме, подобно тому, как когда-то маленькие анатомические модели были возложены благодарными пациентами на святилище Асклепия в Косе. Это поразительное и впечатляющее переплетение реликтов старого язычества с современной греческой религией, демонстрирующее четко обозначенную линию происхождения от древних верований без насильственного нарушения или перехода. Уже стало общепризнанным фактом, что некоторые современные церкви часто непосредственно заменяют древние храмы в некой упорядоченной системе, даже если иногда это трудно объяснить. Преемниками фанз Афины обычно становятся храмы Девы Марии, как это было в случае, когда Парфенон использовался для христианского поклонения. В других местах поклонение Посейдону уступило место церквям, посвященным Святому Николаю. Старые храмы Ареса иногда снова расцветали, и не без умысла, как церкви воинственного Святого Георгия. Дионис снова живет в церквях, названных "Святой Дионисий", хотя уже не имеет никакого подозрения на вакхический привкус. Больше всего поражает почти ужасающее количество холмов и гор в Греции, названных "Святой Элиас" и часто несущих монастыри или церкви с таким названием. Вряд ли во всей Греции найдется место, с которого не было бы видно хотя бы одного "Святого Ильи", и мне говорили, что это не более и не менее чем увековечивание древних святынь Гелиоса (солнца) под христианским именем, которое в современном греческом произношении звучит почти так же, как древнее. Таким образом, замена, когда христианство вступило в свои права, не была неестественной и даже совершенно неуместной.

Все это говорит о том, что, хотя современный грек искренне и благочестиво исповедует христианство, его переход в новую веру из религии его далеких предков сопровождался весьма значительным сохранением старых обычаев и старой номенклатуры, а также сохранением неистребимых следов идеалистического остатка, оставшегося после того, как более грубые части древней мифологии утончились и оставили поклоняющемуся абстрактные богоподобные атрибуты, а не богов и богинь, которых праотцы создали по недостойному образу человека. Поэтому, хотя никто не может поставить под сомнение христианство современного грека, его церкви, тем не менее, часто смешивают причудливые ароматы древних и классических дней с современными благовониями и запахом святости. На мой взгляд, это очевидное прямое происхождение многих церковных обычаев или церковных названий из времен мифической олимпийской теократии - одна из самых впечатляюще интересных вещей в современной Элладе и ее народе.

В гораздо менее поразительном, но не менее реальном смысле мы сами, конечно, являемся прямыми наследниками классических греков, наследниками их идей, литературы и культуры и продолжателями пути, который греки проложили первыми. Они, а не мы, были творцами цивилизации со всеми ее разнообразными сферами деятельности, от политики до искусства. Прародителями нашей собственной ментальной расы были греки, и достаточно признать этот факт интеллектуального происхождения и родства, чтобы смотреть на афинский Акрополь и Марсово поле с тем же трепетом, который испытывает человек, приехавший, скажем, из Канзаса или Калифорнии, чтобы взглянуть на Плимутскую скалу, старый государственный дом в Филадельфии или поля Лексингтона и Конкорда.

Все это в качестве вступления к мысли о том, что посещение Эллады - это ни в коем случае не шаг в сторону, а скорее еще один шаг назад по дороге, пройденной с востока на запад медленным ходом империи, и поэтому шаг естественный и правильный, который должен сделать каждый, кто интересуется историей цивилизованного человека, чтобы лучше понять настоящее, рассматривая его в свете прошлого. Филэллин", как греки называют своего сегодняшнего друга, не нуждается в апологетах, и примечательно, что число таких филэллинов растет с каждым годом.

Конечно, было время, когда поездка в Грецию означала столько труда, трудностей и затрат, что ее совершали немногие. Сегодня это уже не так. Теперь можно с легкостью посетить самые интересные места греческого полуострова и даже некоторых островов, не затрачивая больше средств и сил, чем на любое другое средиземноморское путешествие, и с дополнительным удовлетворением от того, что видишь не только вдохновляющие пейзажи, но и холмы и долины, населенные тысячей призрачных воспоминаний, уходящих далеко в прошлое на заре истории и теряющихся в языческих легендах, в туманном прошлом, когда сказочные боги с высокого Олимпа боролись, интриговали, любили и правили.

Естественным результатом растущей оценки достопримечательностей Греции стало увеличение числа путешественников, что, в свою очередь, привело к росту качества жилья в тех местах, где чаще всего собираются туристы. Железные дороги были расширены, гостиницы умножены и улучшены, пароходы ходят чаще и комфортнее. Больше никого не отпугивает страх перед трудностями, связанными с таким путешествием. Афины сегодня предлагают хостелы любого класса, как и Рим. В более известных городах, которые предстоит посетить, можно найти весьма достойные гостиницы для путешественников, которые достаточно комфортны, особенно для тех, кто привык к холмистым городам Италии или Сицилии. Железнодорожные вагоны, хотя и не дотягивают до стандарта коридорных вагонов западных стран, достаточно комфортны для поездок средней продолжительности и неизбежно должны улучшаться год от года, как это уже сделали отели. Что касается безопасности людей и имущества, то эта проблема давно перестала быть проблемой. Уже много лет на Пелопоннесе нет разбойничьих нападений. Пьянство здесь встречается крайне редко, а попрошайничество - бесконечно реже, чем в большинстве итальянских провинций и городов. Время, несомненно, устранил возражение о сравнительной изоляции Греции еще в большей степени, чем это произошло на данный момент. Тем не менее, несмотря на физическую связь с материковой частью Европы, Греция, по сути, является островом. Северные горы, среди которых живут дикие и полуварварские жители, эффективно изолируют королевство со стороны материка, так же как океан изолирует его со всех остальных сторон, так что в Афинах человек действительно находится в большей степени вне мира, чем в Палермо. Все прибытия и отъезды осуществляются по морю; и даже когда Афины будут окончательно соединены железной дорогой с Константинополем и северными районами, основная часть коммуникаций между Грецией и западным миром все равно будет

преимущественно морской, и все равно, как и сейчас, будет подвержена задержкам и неудобствам, которые всегда должны преследовать островное королевство. Ежедневные пароходы - идеал, который еще не достигнут, - станут единственным эффективным способом сократить расстояние между Элладой и Европой, не говоря уже об Америке.

Можно добавить, что от поездки в Грецию не стоит отказываться из-за незнания языка, так же как и незнание итальянского языка не позволяет отказаться от удовольствий Италии. Существенным и ярким отличием в данном случае является своеобразная форма греческих букв, которая, естественно, способна запутать непривычного посетителя больше, чем итальянские слова, написанные нашим собственным привычным алфавитом. Тем не менее, даже тот, кто совершенно не знаком с эллинским текстом, может посетить страну со сравнительно небольшими неудобствами из-за своего незнания, если будет следовать по часто посещаемым маршрутам, поскольку в наши дни во всех крупных отелях говорят на отличном английском, а в больших и малых - на французском. Действительно, преобладание французского языка среди всех классов населения поначалу может удивить. Греки - прекрасные лингвисты, и многие мужчины и женщины скромного положения могут похвастаться неплохим знанием галльского языка. Вполне вероятно, что еще через несколько лет влияние нынешней сильной тенденции к эмиграции в Америку еще больше, чем сейчас, отразится на общем знании английского языка среди более бедных слоев населения. Я часто встречал в глухих внутренних городках людей, которые хорошо говорили по-английски, и раз или два обнаруживал, что они выучили его в моем собственном городе, который в последние годы в значительной степени опирается на население Пелопоннеса.

Если путешественнику посчастливилось изучать древнегреческий язык в школьные и студенческие годы, и, что бывает еще реже, он сохранил его в достаточной степени, чтобы узнать несколько когда-то знакомых слов, то, естественно, он найдет в этом значительное преимущество. Часто говорят, что греческий язык со времен Агамемнона изменился меньше, чем английский со времен Чосера; и хотя это обобщение, возможно, не совсем верно, оно очень близко к факту, так что любой студент, хорошо знающий древнегреческий, все еще может с легкостью читать современную афинскую газету. Произношение, однако, значительно отличается от систем, преподаваемых в Англии и Америке, так что даже хорошему студенту-классику требуется долгая практика, чтобы произнести свой греческий, спотыкаясь на языке, так, чтобы современный афинянин мог его понять. С точки зрения грамматики, греческий язык сегодня намного проще, чем во времена Платона. Он избавился от многих тонких различий, которые так пугали и пугают американского школьника. Но внешний вид букв и слов с их придыханиями и ударениями остался совершенно неизменным, и многие древние слова прекрасно звучат в современном греческом с их старыми значениями, не пострадавшими. Освоив современное произношение, даже в очень умеренной степени, человек обязательно обнаружит, что некогда презираемый "мертвый язык" вовсе не мертвый язык, а язык, ежедневно используемый народом, который может с полным правом утверждать, что говорит на речи, древней, как Агамемнон, и гораздо более однородной по своему происхождению, чем современный итальянский, происходящий от латинского.

Однако не стоит скрывать, что очень желательно знать хотя бы греческий алфавит, даже если вы не говорите и не читаете на этом языке, поскольку это небольшое знание часто может подсказать вам названия улиц или железнодорожных станций. Кроме того, те несколько слов, которые привычный путешественник всегда берет на вооружение, пригодятся ему в Греции, как нигде. Конечно, нужно знать разговорные формы вопроса "Сколько?" и фразы "Слишком дорого". Это самые необходимые вещи в европейском путешествии, всегда и

езде. Имея только это снаряжение, можно отправиться практически в любую точку планеты. В дополнение к этим элементарным предметам первой необходимости неутомимый Бæдекер снабжает, как я полагаю, фразами простого вида, разработанными для всех возможных непредвиденных обстоятельств, отдаленных или иных, которые могут подстергать путешественника - за исключением, как ни странно, весьма полезного выражения для горячей воды, которое, как быстро обнаруживает путешественник, означает "zestò nerò". К числу удобств, хотя и не обязательных, можно отнести и знание греческих цифр, которые будут использоваться при заключении сделок с торговцами и извозчиками. Но поскольку греческий торговец, по причинам, о которых мы расскажем позже, никогда не бывает без блокнота и карандаша, а письменные цифры такие же, как и у нас, принято заключать сделки с европейцами, как правило, с помощью письменных символов. Для неизбежного торга по поводу цен в маленьких магазинчиках требуется не более чем пособие по знакам плюс решимость казаться равнодушным во что бы то ни стало. Греческий купец, как и любой другой, рассматривает путешественника из чужих краев как законную добычу, и многолетний опыт заставляет его ожидать, что его цена будет подвергнута сомнению. Поэтому ничто так не удивляет мелкого торговца, как то, что его не принимают за первоначальную цифру, а процесс достижения некоего среднего уровня, отдаленно напоминающего разумность, часто бывает сложным, но вполне добродушным делом.

С таксистами дело обстоит сложнее. Они редко говорят по-французски и не имеют при себе блокнотов для записей. В результате часто возникает недопонимание как по цене, так и по месту назначения, а при урегулировании всех разногласий в конце "курса" и таксист, и его пассажир, очевидно, находятся в невыгодном языковом положении. Проблемы с пунктом назначения, как правило, двоякие. Часть времени таксист "зеленый" и плохо знает город, а часть времени он совершенно не в состоянии распознать в произнесенном ему названии хоть какой-то намек на улицу, которую он может прекрасно знать, если произнести ее с правильным акцентом. Элемент ударения очень важен в греческом языке; ведь если ударение не поставлено должным образом, слово часто ускользает от понимания туземца, хотя каждый слог в остальном произносится правильно. Названия греческих улиц все в родительном падеже, что еще больше усугубляет ситуацию. Водителю бесполезно говорить "улица Гермеса". Он должен знать, что по-гречески "улица Гермеса", чтобы четко уловить идею. Обобщать небезопасно, но я склонен считать греков более медлительными, чем итальянцев, в понимании смысла чужой речи, несмотря на их сообразительность и быстроту в освоении других языков. Однако мы значительно опережаем наше повествование и рискуем упустить из виду главное - то, что Грецию достаточно легко посетить и получить удовольствие, даже если вы не знаете языка. Для тех, кто чувствует себя уверенно, зная хоть немного языка, во время путешествия на парохе к греческой цели будет достаточно времени, чтобы приобрести все, что требуется для обычных нужд.

Переходя от этих общих и предварительных замечаний к более подробному обсуждению эллинских путешествий, следует сказать, что современный грек не утратил от своего древнего прототипа ни почтения к гостю как к человеку, предъявляющему к нему самые высокие требования, ни древнего уважения к священному имени гостеприимства. Что бы ни говорили о характере современного грека, его нельзя назвать лишенным радушия и доброты к незнакомцу. Самый бескорыстный развлекатель в мире - это грек, которому приходит в голову мысль, что он может своей любезностью добавить вам счастья, и это верно как в деревне, так и в городе. У местного жителя, встреченного на шоссе, всегда найдется для вас приветствие. Если сейчас сезон сбора винограда, вас пригласят попробовать и убедиться, что он хорош. Он примет вас в своем доме и поставит перед вами все самое лучшее, что он может предложить: сладкое "сумадха" или миндальное молоко, сочную консервированную

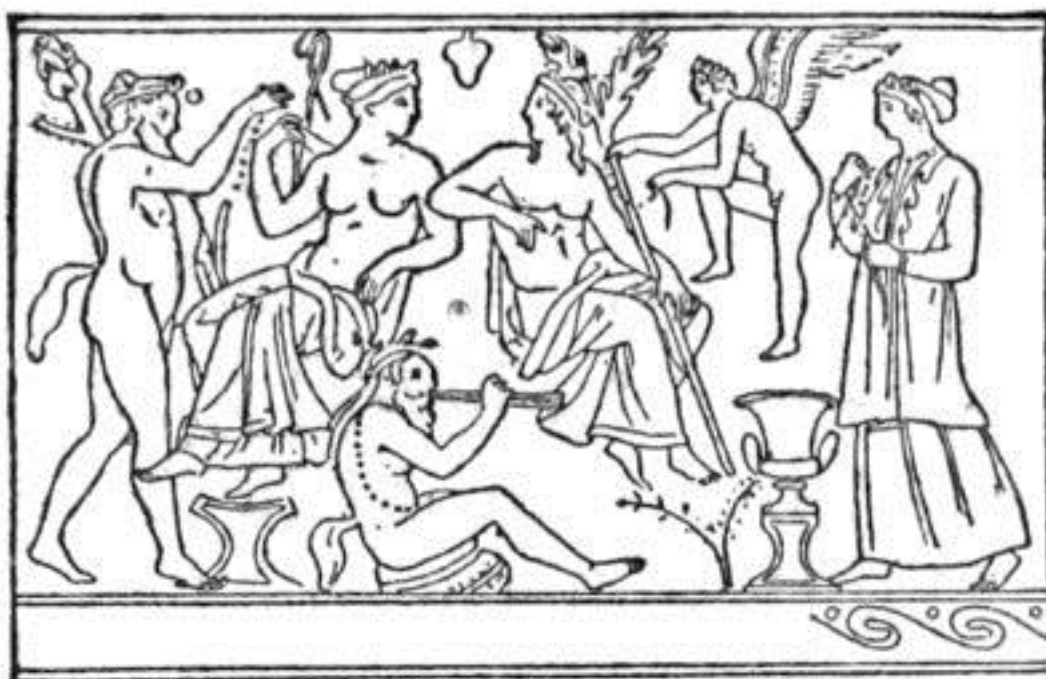
айву, стакан ароматной "мастики" или, возможно, кусочек копченой ветчины из глиняной банки, которая хранится как раз для таких случаев, как этот. Если он решил развлечься, то ничего не делается наполовину. Грека, приносящего подарки, сегодня не нужно бояться, если только это не страх перед чрезмерным гостеприимством, не допускающим никакой отдачи. В бизнесе он, несомненно, будет вести с вами жесткую сделку. Время от времени беспринципный туземец совершает мелкую кражу, как и в любой другой стране, где гнушаются только людьми. Но стоит только предстать перед ним в обличье дружбы, и он окажется самым услужливым существом на свете. Возможно, он не так хорошо осведомлен об истории своих далеких предков, как вы сами, но то, что он знает о своих близких, он расскажет вам с гордостью и откровенностью. Любопытно, что грек на обычной станции, скорее всего, подумает, что вы хотите увидеть современные, а не древние вещи. Он не сможет понять, почему вы каждый вечер ходите на Акрополь и размышляете на ступенях Парфенона, а виллы Кифисии или Татоиса не посещаете. Он скорее покажет вам убогую псевдовизантийскую церковь, чем разрушенный храм. Но сердечный дух здесь присутствует, и каждый, кто когда-либо посещал Грецию, имел возможность узнать его и восхититься им.

Осталось сказать пару слов о выборе маршрутов в Грецию. Как и в случае с Венецией, можно войти в город с парадного или, так сказать, черного хода; и, вероятно, как и в случае с Венецией, чаще всего выбирают задний ход. Двое ворот Эллады - Пирей на восточном фронте и Патры на заднем. Любые из них можно выбрать в качестве пункта для начала сухопутного путешествия по королевству, и каждый из них имеет определенные преимущества. В любом случае турист должен войти в один портал, а выйти из другого, и направление можно смело оставить на усмотрение, исходя из удобства и целей каждого конкретного случая. Если принять Неаполь за естественную отправную точку для американских путешественников, то открываются два маршрута. Один из них - железная дорога до Бриндизи, пересекающая гористую внутреннюю часть Италии до Адриатического побережья, где в определенные дни между Бриндизи и Патрасом курсируют комфортабельные пароходы с пересадкой в Корфу. Другой маршрут - из Неаполя на Пирей по морю на французских или итальянских пароходах, причем последние более медленные и позволяют делать остановки на Сицилии и Крите. Тем, кто, к счастью, располагает достаточным количеством времени и хочет увидеть что-то из Магна-Грации, а также из самой Греции, можно порекомендовать более медленный маршрут.

Для целей этой книги давайте выберем въезд в Грецию через ее внушительный главный портал Пирей, отбросив несколько соображений, которые склоняют нас к мысли, что в целом преимущество скорее за противоположным выбором. Что бы ни говорилось в пользу того или иного выбора, остается верным, что в любом случае человек сразу же сталкивается с мифологией и легендой в образе хитроумного Улисса и, таким образом, сразу же вступает в *контакт* с греческими вещами. Пароходы из Неаполя должны плыть через Мессинский пролив, между Сциллой и Харибдой, некогда наводивший ужас на мореплавателей, у которых перед глазами стояли странствия гомеровского героя; а недалеко от Харибды и у самого сицилийского берега до сих пор показывают удивленному путешественнику ряд небольших скал, круто поднимающихся из океана, как те самые камни, которые Полифем в слепой ярости бросил в бегущего Одиссея, но, к счастью, не причинил ему никакого вреда. Если же мы, напротив, поплывем из Бриндизи в Патры, то должны будем миновать Корфу, который, как известно всему миру, был островом, на который Одиссей был выброшен со своего корабля и где, после того как он освежился сном, его разбудил смех Наусикаа и ее служанок, игравших в мяч после стирки. Какой бы путь мы ни выбрали, вскоре мы обнаружим, что столкнулись с землей, более древней, чем те, с которыми мы были знакомы,

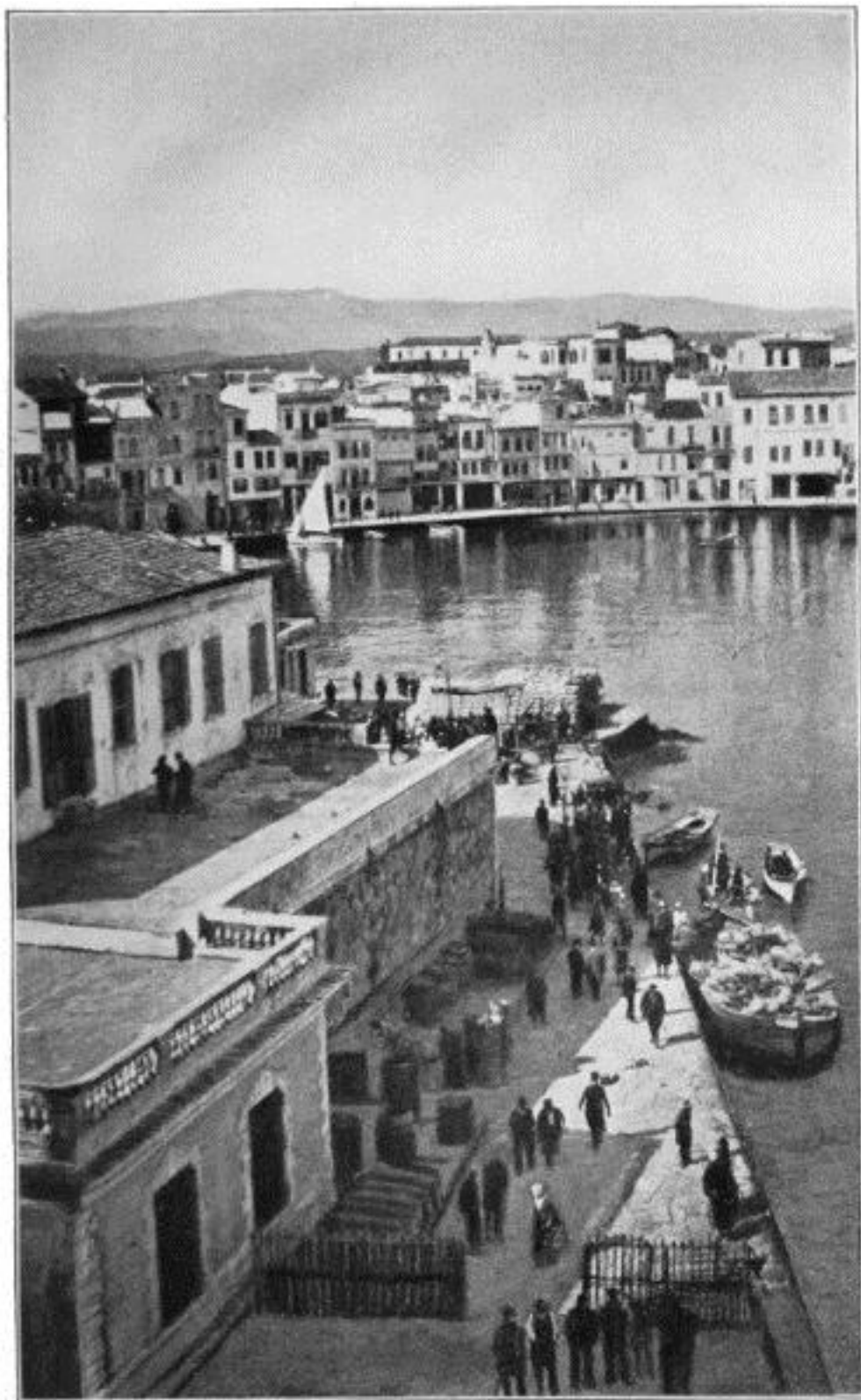
и чьи легенды встречаются нас даже на этом расстоянии, через мили качающихся волн. Пусть те, кто согласится путешествовать с нами по последующим страницам, оставят Корфу для обратного пути и предположат, что сейчас мы направляемся к Криту, через море, которое бросает нас в волны, и которое заставило древних воскликнуть: "Критское море широко!" Тенистые горы слева - это возвышенные южные зубцы Греческого полуострова. Впереди, еще не видный над горизонтом, - острый, как бритва, край Крита, и рассвет застанет нас в гавани Канеи.

ГЛАВА II. КРИТ

Остров Крит, лежащий в виде длинной узкой полосы в устье Эгейского моря, представляет собой гористую и изрезанную местность, к которой можно подойти с любой стороны. Имея в длину около ста шестидесяти миль, он нигде не превышает тридцати пяти миль в ширину, а местами и того меньше. Через него из конца в конец проходит возвышенный горный хребет. На всем его побережье можно найти лишь несколько приличных гаваней, и процветающий город Канеа, расположенный у северо-западной оконечности острова, не является исключением. В древние времена укрепления и молы, возводимые для защиты портов, были рассчитаны на небольшие парусные суда с малой осадкой, которые были распространены в то время, а сегодня пароходам любого размера приходится бросать якорь на практически открытых рейдах за пределами собственно гавани. Нет необходимости говорить о том, что высадка на небольших лодках с судна, стоящего на таком значительном расстоянии за пределами мола, во многом зависит ветра и погоды не только в Канеа, о котором мы сейчас говорим, но и в Кандии, о которой мы расскажем позже. При северном ветре, который часто дует несколько дней подряд, высадка на северный берег часто становится совершенно невозможной, и пароходы, как известно, лежат днями у острова, ожидая возможности

подойти и выгрузиться. Однако в Канеа этого можно опасаться меньше из-за близости отличного, хотя и изолированного залива Суда, не имеющего выхода к морю и глубокого, обеспечивающего спокойную воду в любую погоду, но имеющего тот недостаток, что он находится примерно в четырех милях от города Канеа, лишен причалов и окружен плоскими болотами. Тем не менее, пароходы, которым погода в порту кажется слишком бурной, иногда заходят туда и ведут там свои дела, хотя и с некоторыми трудностями. Однако в Суду редко заходят только в очень суровую погоду, потому что крепкие береговые лодки критян способны преодолевать весьма значительные волны и высаживать пассажиров и грузы перед самым городом при довольно сильном северо-западном шторме, что в полной мере подтвердил наш собственный опыт нескольких критских высадок. Однако не стоит рекомендовать это путешествие робким людям, когда море высоко; ведь хотя оно, вероятно, не так опасно, как кажется, гребля по открытой воде между пароходом и гаванью, конечно, довольно страшна виду, поскольку лодки поднимаются и опускаются, то оказываясь в поле зрения друг друга на гребне волны, то исчезая на кажущиеся бесконечными промежутки времени в долинах воды между тем, что выглядит как горы волн, сердито бросающихся со всех сторон. Лодочники искусны, и моря здесь сравнительно немного, но даже в таком случае этот переход может ослабить пыл не только в одном, но и во многих отношениях. В спокойный день, когда ветер слабый или попутный, проблем, естественно, не возникает, а лодочники никогда не казались мне жадными или наглыми, но вполне готовы соблюдать весьма разумный тариф, взимаемый за проезд в оба конца. В плохую погоду, что вполне естественно, часто случается, что люди просят вознаграждение сверх установленного тарифа в полтора франка, мотивируя это тем, что поездка была "molto cattivo" и труд, следовательно, не соответствует тарифу - что правда. Трем или четверем крепким туземцам нелегко грести на тяжелой лодке, вмещающей восемь человек, по такому морю, какое часто встречается у Канеа, борясь за каждый фут продвижения и время от времени ослабляя ход, чтобы подставить лодку под необычайно грозный гребень.

МЕСТО ВЫСАДКИ В КАНЕА

Высадка в Канеа, если погода вообще позволяет высадиться, происходит на длинной извилистой каменной набережной, усаженной живописными зданиями, включая мечеть с минаретом, что свидетельствует о значительном остатке турецкого и магометанского населения, сохранившемся на этом полиглотском острове, несмотря на его нынешнее греческое правление под надзором христианских держав Европы. Дома вдоль набережной в основном серовато-белые, со светло-зелеными ставнями, которые привыкли ассоциировать

с подобными городами по всему Эгейскому морю. За городом на не очень большом расстоянии видны возвышающиеся горы, покрытые снегом до начала мая; но если ненадолго отъехать от города к заливу Суда, то можно увидеть плодородные и открытые долины, которые спасают Крит от бесплодной и совершенно непривлекательной земли. Обычная стоянка итальянского парохода в этом порту составляет около шести или восьми часов, чего вполне достаточно, чтобы получить очень хорошее представление о Канеа и его ближайших окрестностях. Этого времени вполне достаточно для прогулки по извилистым и узким дорогам и проезжим частям города - прогулки, во время которой с самого начала за вами увязывается толпа маленьких мальчиков, да и больших тоже, которые настойчиво предлагают свои самые ненужные советы в надежде получить "бэкшиш", это поистине восточное слово можно услышать на каждом шагу, и оно является еще одним долговечным местным памятником былого господства невыразимого турка. Эти парни, очевидно, говорят на всех известных языках, и они так же быстры и внимательны, как нью-йоркский или неапольский *gamin*. Кстати, интересно, каждый ли второй посетитель Канеа страдает от "мустафы"? Когда мы в последний раз высаживались на берег, нам сказали, что, когда мы перевалимся через борт парохода, чтобы отважиться на бурный путь к берегу в лодке, которая покачивалась внизу, обязательно ищите "Мустафу". Капитан всегда рекомендовал Мустафу, сказал он, и ни один американец, который когда-либо пользовался услугами Мустафы в качестве гида, философа и друга на протяжении четырех канийских часов, никогда не жалел об этом. Поэтому мы начали старательно выяснять у лодочника, знает ли он этого Мустафу. Да, он знал - и кто же лучше? Не сам ли он Мустафа, в своем собственном обличье? Внутренне поздравляя себя с тем, что мы так быстро нашли незаменимого, мы вскоре добрались до гавани, и в последующей высадке на причал нам помогали не менее сорока выносливых канийцев, включая одного пулеголового нубийца, на семь тонов темнее особенно черного туза треф, который продемонстрировал полный рот слоновой кости и без спроса объявил себя истинным и единственным Мустафой, что вызвало мгновенный и спонтанный вопль насмешек со стороны других прохожих, которые тут же заявили о своих претензиях на это восточное имя и все связанные с ним достоинства. По всей видимости, Мустафу звали Легион. Поиски его были прекращены на месте, и я бы посоветовал любому последующему путешественнику поступить так же. Поиски совершенно излишни. Где бы ни собрались двое или трое канийцев, среди них есть Мустафа, а возможно, и двое или трое таких же.

Избавиться от канийских уродцев, которые следуют за вами от места высадки на причудливые и узкие улочки города, очень непросто. Высадив десант, который обычно достаточно многочисленный для этой цели, блоками по три-четыре человека, можно разбить колонну молодежи на отряды и уничтожить их в деталях. Это может быть недорогой и довольно забавной роскошью - позволить пойти с собой самому смышленому парню из всех, хотя, как уже говорилось, в Канеа советы нужны в последнюю очередь. Улицы очень узкие, кривые и не слишком чистые, вдоль них стоят дома с выступающими плетеными окнами, которые встречаются в каждом турецком или полутурецком городе. Многие женщины сильно завуалированы, иногда показывая верхнюю часть лица, а иногда и не показывая ее, что придает дополнительный восточный оттенок уличным сценам. Эта вуаль частично сохранилась от турецких обычаев, а частично объясняется пылью и бликами. Такую практику можно встретить на многих других островах Эгейского моря, а также на Крите. Именно это постоянное повторение магометанских штрихов не позволяет Канеа казаться типично греческим, несмотря на его номинальное подданство. Внешне она по-прежнему остается турецкой, и мечети и минареты возвышаются над ее крышами не в одном месте, когда смотришь на нее из гавани или с холмов. Улочки с их узкими переулками и нависающими арками очень заманчивы для фотоаппарата, и можно раз и навсегда сказать, что посещение

Греции и соседних стран без этого безобидного инструмента ретроспективного удовольствия - грубая ошибка.

Что касается достопримечательностей, то в Канеа, надо признать, нет ни одной, которая была бы традиционной, "двухзвездочной в Бæдекер". Здесь нет ни музея, ни руин. Холмы находятся слишком далеко, чтобы можно было подняться на них для осмотра. Дворец греческого королевского комиссара, принца Георга, мало чем привлекает посетителя по сравнению с пейзажами улиц и площадей самого города, кофейнями и, прежде всего, любопытными магазинами. Канеа - не самое лучшее место для охотников за диковинными вещами, которым приглянулись красивые, хотя и варварские одеяла, седельные сумки и тому подобное. Причудливый эффект сцены усиливается разнообразными расовыми особенностями лица, фигуры и одежды, которые можно наблюдать здесь; мужчины и женщины причудливо одеты в крестьянскую одежду полудюжины различных народов. В углу, укрывшись от жары или ветра, сидят узлы дряхлых стариков, накинув на плечи плащи, пьют свой мутный кофе или занимаются каким-то пустяковым ремеслом, сплетничая, несомненно, о перемене времен. Из соседней кофейни доносится дикая и варварская мелодия, вымученная из многострадальной скрипки, которую и скрипкой-то назвать нельзя; или можно увидеть мужчин, танцующих в спокойном и торжественном кругу, положив руки друг другу на плечи по греческой моде, под минорные каденции заунывной "бузуки", или греческой гитары. Здесь есть всевозможные лавки, торгующие в основном странными шерстяными сумками, или обувью из мягкой белой кожи, или сладостями на греческий и турецкий манер. Здесь можно впервые познакомиться со знаменитым "лукуми" из Сиры - мягкой пастой из камеди, розовой воды и ароматических экстрактов, с добавлением измельченных орехов, каждый кусочек которой обвален в мягком сахаре. Она очень ценится греками, которые являются отъявленными любителями сладостей, а в Америке ее имитируют и грубо клеветают на нее под псевдонимом "Турецкое наслаждение".

Из Канеа очень хорошая дорога ведет по пологой местности к бухте Суда. Там, однако, мало что можно увидеть, кроме прекрасной перспективы холмов и долин и нескольких военных кораблей различных наций, стоящих на якоре, представляющих четыре или пять ревнивых держав, которые постоянно следят за судьбой этого беспокойного острова. О космополитическом характере этих морских гостей красноречиво свидетельствуют вывески, которые можно увидеть вдоль шоссе возле Суда, пестрящие всеми возможными лингвистическими изменениями легенд, указывающих на заведения для развлечения Джека на берегу, и которые можно свести к одной фразе: "Бар армии и флота". Греки всегда были гостеприимной расой.

Дорога в Суду, однако, далеко не изобилует ничем более прекрасным, чем эти ветхие винные лавки для дерзких смолян. Три или четыре мили ее длины пролегают через плодородные поля, занятые оливковыми садами и выращиванием зерновых, и более живописного зрелища, чем критский фермер, ведущий свою упряжку на поле - упряжку больших волов, прикрепленных к примитивному плугу, - или орудующий своей громоздкой мотыгой, взрыхляя дерн под своими виноградниками и оливковыми деревьями, еще поискать. Это приятное и пасторальное зрелище. Пока пароход ждет, до Суда можно доехать в очень удобной карете, которую можно купить на площади за умеренную сумму. Однако стоит отметить, что кареты в Греции, как правило, не так дешевы, как в Италии.

От Канеи до Кандии, второго города острова, расположенного на много миль дальше к востоку вдоль северного побережья, очень далеко. Но он легко превосходит Канею по интересности с точки зрения классики, так как является местом традиционного правителя Крита в древнейшие времена, царя Миноса, о котором нам еще предстоит много рассказать.

Кандия, как мы будем ее называть, хотя ее местное название - Мегалокастрон, не посещается ни одним из пароходов, следующих с запада в Афины, но должна быть посещена в связи с круизом среди островов Эгейского моря. С моря он похож на Канею как по характеру, так и по названию. На нем видны те же портовые укрепления венецианской постройки и тот же лев Святого Марка. Здесь так же нет гавани для других судов, кроме небольших парусников. На набережной стоят белые дома с зелеными жалюзи, а над крышами возвышаются стройные белые минареты. Его улицы и площади во многом похожи на улицы и площади Канеа, хотя они шире и выглядят более современно; толпы людей на улицах представляют собой набор расовых типов, схожий с тем, что уже упоминалось при описании первого города. Здесь можно увидеть больше красивых мужчин, великолепных образцов человечества, одетых в синие мешковатые брюки и куртки турецкого покроя и носящих феску. Кандия хорошо обнесена толстой и высокой крепостной стеной, возведенной в венецианские времена, и лежит в начале широкой долины, простирающейся через весь остров на юг, а благодаря своему рельефу и центральному положению была естественным театром деятельности в тот далекий период, с которым мы собираемся впервые познакомиться. Даже не покидая города, можно получить некоторое представление об огромной древности некоторых его реликвий, посетив музей, расположенный в старом венецианском дворце в самом центре города, где представлены находки различных экскаваторов, работавших на острове. Большинство из них относится к очень далекому прошлому, значительно уступая микенскому периоду, который раньше казался таким древним, с его традициями об Агамемноне и разгроме Трои. Здесь мы сталкиваемся с реликвиями монархов, живших до того, как Троя стала знаменитой, а английский раскопщик Эванс, эксгумировавший дворец Миноса неподалеку от городских ворот, классифицировал представленные предметы как относящиеся к "минойскому" периоду. Здесь было бы глупо пытаться дать подробное объяснение делениям "ранний", "средний" и "поздний минойский", которые были приложены к многочисленным реликвиям, представленным в коллекции музея, или дать их детальное описание. Достаточно сказать, что представленный период настолько ранний, что любая попытка установить дату должна быть предположительной, и что мы можем смело рассматривать его в общих чертах как период, настолько далеко предшествующий рассвету записанной истории, что он был во многом легендарным даже во времена классических греков, которые уже считали самого Миноса полубогом и своего рода бессмертным судьей в царстве теней. Музей с сотнями причудливых старых ваз, грубо украшенных геометрическими узорами, фантастическими и выцветшими настенными росписями, саркофагами, орудиями труда и всеми многообразными свидетельствами цивилизации, столь далекой, что они поражают воображение, надолго задержит посетителя. Не стоит забывать и о том, что среди этих реликвий из Кносса, Фестоса и Гортины немало тех, которые были получены благодаря труду и энергии американской исследовательницы миссис Хоуз (урожденной Бойд), чья работа на Крите представляет большую ценность и археологический интерес.

Нагуляв аппетит к далекой античности просмотром этой коллекции сокровищ, можно отправиться в путешествие в Кноссос, где находится древний дворец, всего в четырех милях от города. Дорога хорошая, и при желании можно дойти пешком, хотя прогулка будет жаркой и неинтересной, как можно себе представить. Проще и лучше ехать верхом, хотя критские водители в целом и кандийские в частности пользуются репутацией самых жадных в цивилизованном мире. По дороге к дворцу в Кноссе дорога вьется по холмистой местности и неоднократно пересекает старую мощеную турецкую дорогу, которая, должно быть, была гораздо менее приятной, чем нынешняя. Справа, далеко на юго-западе, возвышается вершина, которая, как предполагается, является местом рождения Зевса, - склоны горы Ида. Крит - самая священная для Зевса земля из всех земель древнего мира. Здесь родила его

мать, бежавшая туда, спасаясь от гнева своего мужа, бога Кроноса, который завел неподобающую привычку проглатывать своих отпрысков, как только они появлялись на свет. Родив Зевса, его мать, Рея, завернула камень в ткань и преподнесла Кроносу, который проглотил его, убежденный, что вновь избавил мир от сына, который, как было предсказано, должен был лишиться его божеского сана и власти. Но Рея спрятала настоящего Зевса в пещере на Иде, и когда он достиг зрелости, то вступил в войну с Кроносом и лишил его власти. Поэтому Зевс, чье поклонение на Крите вскоре распространилось на другие острова и материк, пользовался величайшим уважением на острове, где он родился, а его культ имел своим символом двуглавый топор, который мы находим на многих реликвиях музея Кандии и на стенах древних дворцов, таких как тот, который мы собираемся посетить в Кноссе.

Следует отметить, что в античной мифологии было два персонажа по имени Минос. Первый из них был ребенком Зевса и Европы и правил на Крите, где до него, как предполагается, правил Сатурн, оказавшийся мудрым законоучителем для народа. Другой Минос был внуком первого, ребенком Ликастоса и Иды. Позднее этот Минос вырос и женился на Пасифае, чья противоестественная страсть породила Минотавра, или дикого быка с телом человека и аппетитом к человеческой плоти. Чтобы содержать это чудовище, Минос был вынужден построить знаменитый лабиринт, а кормил он быка осужденными преступниками, которых отправлял в лабиринты лабиринта, чтобы они никогда не возвращались. Еще позже, обидевшись на афинян за то, что во время Панафинейских игр они убили его собственного сына, Минос отправил против них экспедицию, разгромил их и после этого взимал с жителей ежегодную дань в виде семи юношей и семи девушек, которых отвозили на Крит и скармливали Минотавру. Эти жестокие поборы продолжались до тех пор, пока на Крит не прибыл Тесей, который с помощью нити, подаренной ему Ариадной, проложил путь в лабиринт, расправился с чудовищем и вернулся живым к свету. Конечно, такая сеть мифов, если она не делает ничего другого, доказывает великую древность минойского периода, к которому, как предполагается, принадлежат руины вокруг Кандии, и они естественно приводят нас к вопросу о том, был ли когда-нибудь найден или предполагался какой-либо лабиринт в окрестностях. Я полагаю, что в горах к югу от Кносса действительно есть обширная искусственная пещера, несомненно, древняя подземная каменоломня, которую сегодня называют "лабиринтом", хотя она, несомненно, никогда не укрывала Минотавра. Он достаточно велик, чтобы служить местом обитания нескольких сотен человек во времена революции, и они жили там в сравнительном комфорте, если бы не отсутствие света; интересно, что они использовали нить Ариадны, чтобы держать их на связи с выходом из их самонаказанной тюрьмы, когда политическая атмосфера прояснилась и можно было смело выходить на свет. Кажется более вероятным, что миф или легенда о лабиринте Миноса берет свое начало в лабиринтообразном характере дворца самого царя, поскольку, как теперь доказано, он представлял собой совершенный лабиринт коридоров и комнат, по которым можно бродить по своему усмотрению, поскольку раскопки открыли их после многих веков. Если взглянуть на планы Кносского дворца в путеводителях или осмотреть его с вершины довольно аляповатой и несочетаемой, но весьма полезной башни мистера Эванса, то можно увидеть сеть проходов и апартаментов, которая легко могла бы послужить поводом для сказки о непроницаемой ловушке, которую хватило ума обойти только Тесею.

Руины находятся к востоку от дороги, в глубокой долине. Их раскопки были очень полными и удовлетворительными, и хотя некоторые реставрации были попытками здесь и там, в основном из-за абсолютной необходимости сохранить части структуры, это не такие реставрации, чтобы наброситься на одного, но демонстрируют верность традиции, которая спасает их от общей судьбы таких усилий. Практически не потребовалось ретушировать и огромные ступени, ведущие к дверям этой доисторической королевской резиденции,

которые являются первой из многочисленных достопримечательностей, которые может увидеть современный посетитель. Именно в так называемом "тронном зале Миноса" впервые встречается рука реставратора. Здесь было сочтено необходимым сделать крышу, чтобы избежать повреждений от непогоды, и сегодня тронный зал представляет собой сумрачное пятно, расположенное ниже общего уровня места. Его главное сокровище - сам трон, каменное кресло, вырезанное в довольно примитивном орнаменте, размером с обычный стул. Крышу поддерживают любопытные каменные столбы с тяжелым верхом, которые, как известно, преобладали не только в минойский, но и в микенский период; монолиты, заметно более крупные вверху, чем внизу, меняющие привычную форму каменного столба, с которой мы познакомились в более поздние века. Эта совершенно нелогичная инверсия того, что мы сейчас считаем правильной формой, была объяснена в теории, если предположить, что она была естественным преемником заостренного деревянного кола. Когда древние приняли каменные опоры для своих крыш, они просто переняли формы, знакомые им по использованию дерева, и в результате получился каменный столб, копирующий по форме деревянный. Время, конечно, показало, что естественный способ строительства требует отмены этого обычая; но в микенскую эпоху это не было обнаружено, поскольку есть свидетельства того, что подобные столбы существовали в зданиях того периода, и изображение столба, стоящего между двумя львами на знаменитых воротах Микен, имеет эту перевернутую форму.

ТРОН МИНОСА В КНОССЕ

Можно потратить много часов на детальное изучение этой колоссальной руины, свидетельствующей о том, что в свое время она, должно быть, была огромным и впечатляющим дворцом. Нельзя пройти далеко, не заметив следов пожара, который, очевидно, уничтожил его за сто, а то и несколько тысяч лет до нашей эры. Вдоль западной стороны были обнаружены длинные коридоры, из которых можно было попасть в десятки

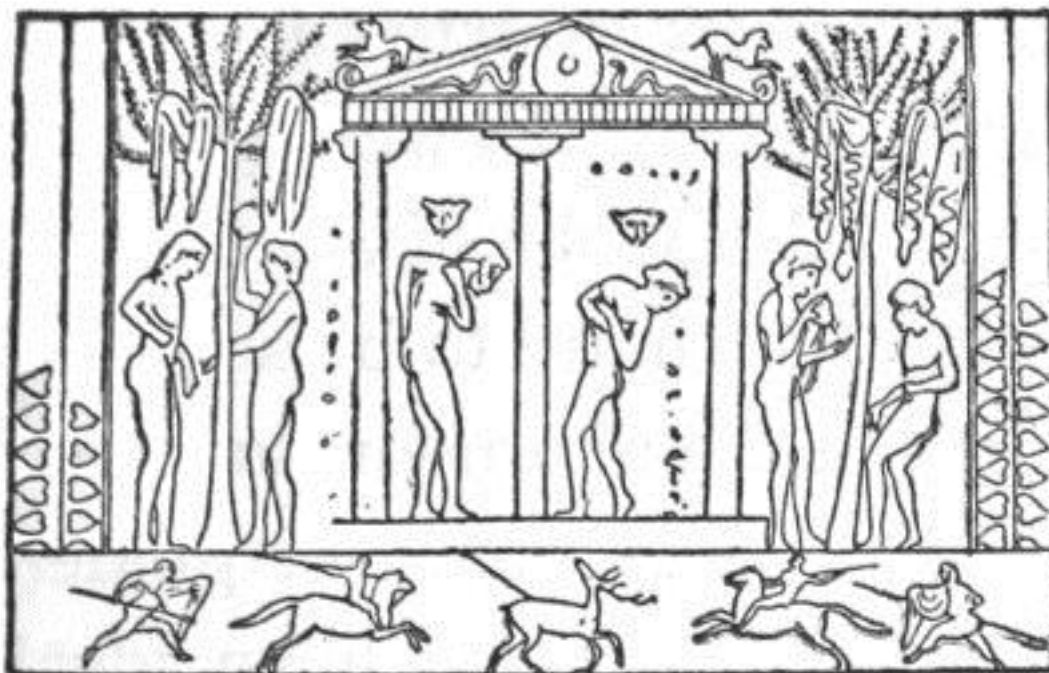
длинных и узких комнат. На опубликованных планах они придают руинам большую долю лабиринтообразного характера. Кажется, теперь все согласны с тем, что это были кладовые дворца, и в них до сих пор можно увидеть огромные глиняные кувшины, в которых когда-то хранились дворцовые запасы. Длинные ряды их стоят в древних коридорах и в узких камерах, ведущих от них; каждый кувшин достаточно велик, чтобы вместить человека изрядного роста, а их количество достаточно, чтобы вместить Али-Бабу и бессмертных сорок воров. В центре дворца мало что сохранилось, но в юго-восточном углу, где земля начинает круто склоняться к долине, виднеется несколько этажей древнего здания. Здесь же находятся комнаты, отмеченные так называемым рисунком "дистаф", который, предположительно, указывает на то, что это были женские покои. Здесь потрудился реставратор, но не обидно. Большая часть древней стены сохранилась, а в одном месте находится купальня с очень маленькой ванной, которая до сих пор стоит на месте. Вдоль восточной стороны виднеется маслопресс, где из оливок когда-то добывали желанный сок, а от самого пресса по каменному желобу жидкость спускалась вниз, где стояли кувшины для ее приема. Между прочим, обнаружение масляных прессов в древних зданиях не раз служило поводом для спекуляций относительно древности масляных ламп, которые, как считалось раньше, относились лишь к гораздо более поздней эпохе. Независимо от того, были ли в минойские времена такие лампы или нет, известно, что у них, по крайней мере, был пресс для масла, причем хороший. В склоне холма под главным дворцом Миноса было раскопано меньшее строение, которое теперь называют "виллой", и в котором было обнаружено несколько террас, довольно похожих на то, что было в большом здании выше. Здесь находится еще один тронный зал, хитроумно устроенный так, что длинный вал света падает сверху на само место правосудия, в то время как остальная часть помещения находится в полумраке.

Возможно, сравнение Кносского дворца с Троей требует большого воображения, но, тем не менее, есть одна или две особенности, которые кажутся не похожими на открытия, сделанные доктором Шлиманом на этом знаменитом месте. В первую очередь, как мне кажется, это следы последнего пожара, которые можно увидеть в Кноссе, как и в Трое, и огромные кувшины, которые можно сравнить с сосудами, раскопанными троянскими раскопщиками, и обнаружить в них сушеный горох и другие вещи, которые троянцы оставили, когда бежали из своего разграбленного и горящего города. Немногие имеют честь посетить город Приама, до которого очень трудно добраться; но достаточно легко совершить экскурсию в Кандию и посетить дворец старого царя Миноса, который стоит того, чтобы потратить на него время, кроме того, он дает возможность взглянуть на цивилизацию, которая, возможно, намного старше даже Трои и Микен. Для тех, кто почитает великие древности, Кандия и ее доклассический пригород однозначно достойны посещения и являются уникальными среди достопримечательностей древнего эллинского и доэллинского мира.

КЛАДОВЫЕ МИНОЙСКОГО ДВОРЦА В КНОССЕ

ГЛАВА III. ВЪЕЗД В ГРЕЦИЮ

Оставив позади Крит, пароход поворачивает на север в Эгейское море, в сторону Греции, и ранним утром, если все пройдет гладко, окажется внутри мыса Суниум, приближаясь к

Пирею. Непременно нужно быть на палубе пораньше, потому что слева совсем рядом находятся изрезанные скалистые берега Пелопоннеса, изрезанные тут и там глубокими бухтами или заливами, и выглядят они так, как, по мнению большинства путешественников, "должна выглядеть Греция". Если погода ясная, справа можно увидеть несколько островов, хотя ни один из знаменитых островов не находится достаточно близко, чтобы его можно было разглядеть с удовольствием. Сам Суниум находится так далеко на востоке, что на таком расстоянии невозможно составить представление о древних руинах, которые до сих пор венчают его вершину.

Хотя въехать в Грецию через Пирей - это фактически войти в парадную дверь королевства, тем не менее, как уже было сказано выше, в целом можно проголосовать за то, что лучше сделать этот пункт отправления, а не посвящения. Покидая Грецию, как это делает большинство из нас, с острым чувством сожаления, нелишне, чтобы мы уезжали с благословения старого афинского Акрополя, увенчанного его знаменитыми руинами, которые можно увидеть даже далеко в море, сияющими в лучах послеполуденного солнца и представляющими собой идеальный последний вид на эту страну золотых воспоминаний. Именно потому, что это идеальный последний вид, оставляющий в памяти венчающую "славу, которой была Греция", можно считать этот пункт лучшим для отъезда, что бы ни говорили о нем как о месте начала знакомства с Элладой. Надо признаться, что для того, кто впервые приближается к Акрополю с моря, за исключением ясной погоды, вид на него может оказаться несколько разочаровывающим, потому что определить его местоположение в ландшафте - дело непростое. Под пасмурным небом - а такие времена бывают даже в солнечной Греции - совсем не просто вычленить Акрополь, лежащий низко на переднем плане и окруженный такими превосходными высотами, как Ликабеттус и Пентеликус. Поэтому путешественник, возвращающийся домой после пребывания в Афинах, получает гораздо больше удовольствия от вида на удаляющийся от моря город, чем новоприбывший; к этому следует добавить, что, как бы человек ни почитал Акрополь, читая книгу, он никогда не сможет так много значить для него, как после нескольких дней личного знакомства, когда он узнает каждый его камень. Легкое разочарование, которое можно испытать при первом взгляде на древнюю скалу Афины из-за океана, в конце концов, лишь кратковременное и вызвано исключительно расстоянием. Оно обязательно пройдет позже, когда более близкое знакомство покажет, что это действительно грандиозная скала, стоящая отдельно, и видна она лучше, чем когда холмы, окаймляющие равнину Аттики, заслоняют ее в перспективе.

По мере приближения парохода взору открываются более высокие высоты Гиметта, Пентелика, Парнеса, Эгины и Саламиса, обрамляющие долину, в которой лежат Афины, заслоненные на время высокими трубами и лесом мачт, возвещающих о присутствии Пирея на переднем плане. Этот город, как и прежде, является морским портом Афин и сам по себе процветает, хотя из-за близости к знаменитой столице он теряет индивидуальный престиж и кажется скорее зависимым от главного города, чем отдельным и важным городом, соперничающим с самими Афинами по размеру, если не по истории.

Возможно, самым тяжелым испытанием для новичка является высадка в Пиреусе и труд, связанный с выходом на берег и подъемом в Афины; но, в конце концов, это испытание только в том смысле, что это вопрос для большого торга, в котором незнакомый посетитель находится в явно невыгодном положении. Как и во всех греческих портах, высадка осуществляется только на небольших лодках, которые обслуживаются водниками, не имеющими никакого отношения к пароходным компаниям. Казалось бы, это разумная обязанность пароходной линии - предоставить пассажирам возможность сойти на берег, и со временем это может быть сделано; но, к сожалению, сейчас этого не делается, и

пассажиру приходится самому договариваться с толпой мелких судов, которые окружают судно, пока его медленно и мучительно причаливают. Сама гавань, как видно, очень хороша и защищена двумя длинными волнорезами, которые пропускают между своими узкими пастями не более одного крупного судна за раз. Внутри он выходит на широкий простор гладкой воды, по всему периметру которого тянется низкий каменный причал. В то время как пароход выставляется на свое место, всегда кормой к берегу, целая флотилия маленьких лодок, большинство из которых под флагами афинских отелей или нескольких туристических агентств, с нетерпением копошатся вокруг и ждут, когда опустят лестницу для спуска, при этом яростно жестикулируя, чтобы привлечь внимание пассажиров на палубе. Однако мало что можно сделать, пока трап не опущен и представители лодочников не высыпали на палубу. Времени в обрез, так что путешественнику не стоит торопиться, а можно запастись терпением и постараться заключить наиболее выгодные условия с тем, кто предложит наименьшую цену. Лодочники, будьте уверены, знают английский достаточно, чтобы договориться о сделке.

Несмотря на явную конкуренцию, которая по всем законам экономики должна быть жизнью торговли, несомненно, окажется, что невозможно договориться о посадке и подъеме в город за сумму, значительно меньшую двенадцати франков. Таков опубликованный тариф отелей, которые отправляют лодки, и если человек точно знает, где он остановится в Афинах, он, несомненно, сделает все возможное, чтобы немедленно связаться с лодочником, демонстрирующим знаки отличия этого конкретного отеля. Но вполне вероятно, что любой завсегдатай скажет, что гостиничный тариф сильно не соответствует реальным затратам, поскольку плата лодочнику должна составлять не более франка, а поездка до Афин - не более шести. Что касается туристических агентств, то от них можно ожидать, что они запросят больше, чем гостиничные зазывалы, и единственный предел - это доверчивость и незнание туриста. Какая бы сделка ни была заключена, прибывающий пассажир, если он мудр, позаботится о том, чтобы она охватывала все, включая мнимый "налог на посадку", который так часто навязывают клиенту после приземления в Афинах в качестве "дополнительной платы". Это, несомненно, неприятные детали, но необходимые, и в них может оказаться полезным разобраться, прежде чем отважиться на это. Отбросив их как таковые, мы можем с большим удовольствием обратиться к открывающейся перед нами перспективе.

Пирей, как известно всему миру, является афинским портом как в наши дни, так и в классические времена. Топографически он имеет три хорошие гавани: собственно Пирей, Зея и Мунихия - последнее название также относится к скалистому мысу, который выступает и отделяет гавань от Саронического залива. Именно на полуострове Мунихия Фемистокл в 493 году до н. э. возвел город, и именно Фемистокл задумал и осуществил план знаменитых "длинных стен", которые тянулись от порта до самых Афин и делали город практически неприступным, делая его совершенно независимым от остальной Аттики, пока господство афинян на море оставалось неоспоримым. Так получилось, что во время Пелопоннесской войны, когда вся остальная Аттическая равнина оказалась в руках лакедемонян, сами Афины остались практически нетронутыми, благодаря не только длинным стенам и кораблям, но и укреплениям Кимона и Перикла. Однако афинский флот был окончательно разгромлен в битве при Эгоспотамой в 404 году до нашей эры, и порт пал жертвой врага, который под музыку флейты разрушил длинные стены.

Десять лет спустя, когда Афины немного оправились первого поражения, Конон восстановил стены, и Афины вместе с Пиреем на некоторое время вновь обрели свое древнее величие и процветание. Римляне при Сулле пришли в 86 году до н.э. и практически положили конец

знаменитой столице, которая превратилась в незначительную деревню, и так оставалась вплоть до греческого ризоргименто. Нынешний город Пирей, как и город Афины, практически датируется 1836 годом, хотя старые названия были возрождены годом ранее. До этого момента место долгие годы носило неклассическое название Порто Леоне.

Поскольку слава Афин и их империи зиждилась на военном флоте, как на ее фундаменте, и поскольку флот обосновался в водах Пирея и Мунихии, у этого места есть славные воспоминания, которые можно разделить с еще более славными традициями соседнего Саламиса, где персы Ксеркса были повержены в прах. Именно из этой гавани отправилась великолепная, но злополучная сицилийская экспедиция с развевающимися флагами, звуками пеанов и возлияниями. И именно в Пирей вернулся одинокий выживший участник той печальной кампании, чтобы сообщить невероятные новости деревенскому цирюльнику.

Гавань Пирея обычно полна судов всех видов, включая пароходы всех размеров и национальностей, а также высокобортные шхуны, которые напоминают гомеровский эпитет "полые корабли". Некоторые из них направляются в Константинополь, Александрию, Неаполь, порты Адриатики, Востока - куда угодно. На греческих судах, курсирующих вдоль побережья, часто можно увидеть их названия, напечатанные большими белыми буквами посередине корабля, причем знакомые имена выглядят довольно странно в греческих буквах. Все они заняты погрузкой или разгрузкой, ведь Пирей, как всегда, является оживленным портом. Под кормой нескольких таких кораблей проходит береговая лодка, ее обитатели то и дело ныряют под провисшие кормовые тросы, пока через короткое время все не сходят на берег у таможни. Это учреждение, однако, не должно вызывать у туриста особых опасений. Досмотр разумного багажа редко или вообще никогда не бывает угнетающим или чреватым неудобствами, несомненно, потому, что посетитель должным образом признается правительством как существо, чье присутствие должно принести пользу, и которому, следовательно, не следует бездумно препятствовать на самом пороге королевства. Здесь мало на чем настаивают, кроме декларации о том, что в багаже нет табака или сигарет. Носильщики, как правило, более терпимы к медным чаевым, чем нынешняя стремительно портящаяся раса итальянских *факкини*.

Разумный способ добраться до Афин - это карета по дороге Фалерум. Электрический трамвай, который представляет собой очень удобную систему третьего рельса, напоминающую поезд метро в Бостоне или Нью-Йорке, - все это очень хорошо, если у человека нет препятствий. Но для обычного путешественника, имеющего несколько сакvojей или чемоданов, вагон - не только лучший, но и, вероятно, самый экономичный вариант. Кареты удобны и способны вместить четырех человек с разумным багажом.

Мало интересного можно найти, выезжая из Пирея, который представляет собой откровенно торговое место, лишенное архитектурных и классических рекомендаций. Длинные стены, когда-то соединявшие порт с Афинами, исчезли почти безвозвратно, хотя места их расположения известны. Пляж Нового Фалерума (произносится как Фал-Ерон) также не намного привлекательнее самого Пирея. Он сильно напоминает пригородные пляжи у себя дома: вдоль него тянутся дешевые коттеджи, кофейни, рестораны, велосипедные магазины, то тут, то там попадаются более претенциозные дома, а также как минимум один большой и аляповатый отель. Море, от светло-зеленого до глубокого средиземноморского синего, мягко плещется вдоль шоссе в сторону открытого океана, а впереди, вверх по прямому бульвару, виднеется афинский Акрополь, впервые предстающий в своем истинном свете как одна из самых величественных руин на земле. Дорога к нему хорошая, но неудобно новая. Когда длинные ряды перечных деревьев, которые сейчас находятся в зачаточном состоянии, достигнут своего роста, это будет шоссе, укрытое тенью и открывающее перспективу

большой красоты. Однако в своем нынешнем состоянии, которому суждено просуществовать еще несколько лет, это длинный, прямой и довольно унылый бульвар, облегчаемый лишь славной перспективой венчающей руины Афин, расположенных примерно в четырех милях, но возвышающихся одиноко и величественно, и больше не принижаемых окружающими серыми холмами. И все же этот путь кажется мне бесконечно лучшим, даже в наши дни, чем более старая дорога из Пирея, которая подходит к Афинам с западной стороны, не приближаясь к морю, но которая, тем не менее, не лишена своего очарования и, конечно, дает тому, кто едет по ней, великолепный вид на внушительный западный фронт Акрополя и его массив храмов, через равнину, зеленую от колышущихся трав.

Приближаясь к городу со стороны Фалерума, мы получаем поразительное впечатление от неприступности Акрополя: его обрывистая южная сторона увенчана разрушенным Парфеноном, чьи древние колонны, выветрившиеся до золотисто-коричневого цвета, сверкают на солнце на фоне глубокой и блестящей синевы греческого неба. Те, кто представлял себе храм сверкающим белизной, несомненно, будут сильно удивлены, увидев его настоящий цвет; ведь железо и другие металлы, присутствующие в пентелийском мраморе, из которого он был построен, почти полностью удалили белые или кремовые оттенки и придали им богатый пестрый вид, обусловленный зрелым возрастом этой святыни.

Помимо постоянно присутствующей перспективы Акрополя и его обещания интересного будущего, дорога в Афины лишена многого, что могло бы привлечь внимание. Длинный серый хребет Гиметтус, который тянется к востоку от дороги, конечно же, знаменитая гора, если не по какой-либо другой причине, то по причине известной марки меда. На полпути вверх по склону к городу стоит небольшая и довольно непривлекательная церковь, говорят, что это подношение, сделанное королем в благодарность за то, что он избежал пуль двух потенциальных убийц в этом месте. Слева, далеко впереди, возвышается холм, увенчанный разрушенным, но все еще заметным памятником Филопаппу. Расположенный на возвышенности к югу от Акрополя, этот памятник занимает доминирующее положение почти во всех видах Афин, но он совершенно не соответствует значимости человека, чьи смутные воспоминания он вызывает.

Миновав восточную и самую возвышенную часть Акрополя, карета, наконец, сворачивает на окраину города и пересекает широкий и приятный проспект, широкие тротуары которого затенены изящными и пышными перечными деревьями, а процветающие дома создают привлекательное первое впечатление о жилых Афинах. Современное любопытно переплетается с древним, ведь справа, на полях, которые окаймляют шоссе, видны немногие оставшиеся колоссальные колонны довольно пышного храма Зевса Олимпийского и фрагментарная арка Адриана, римского императора, в правление которого этот храм был наконец завершен. Въезжать в Афины между этими руинами, с одной стороны, и Акрополем, с другой, особенно уместно, ведь они так характерны для главной достопримечательности этого места - его бессмертного прошлого.

Теперь перед нами открывается сам город, и когда карета въезжает на главную площадь Афин, Синтагму, или площадь Конституции, от нее во все стороны расходятся красивые улицы, создающие общее впечатление чистой белизны, а сама площадь, раскинувшаяся на широком открытом пространстве перед огромным и похожим на амбар королевским дворцом, заполнена людьми, которые снуют туда-сюда или сидят за маленькими столиками под открытым небом, прихлебывая кофе, столь дорогой сердцу грека; То тут, то там проносятся кареты, предупреждая пешеходов лишь многократным рычанием водителя: "Эмпрос, эмпрос!" (εμπρός), что в точности соответствует "фор!" игрока в гольф. И здесь, на

многолюдной площади, мы можем оставить путешественника на время, несомненно, недалеко от его гостиницы, - ведь гостиницы здесь повсюду, - только с напутственным словом, чтобы он поскорее отправился на покой, будучи уверенным, что здесь будет небольшой шум. Ведь афиняне - почти такие же шумные и ночные существа, как палермитанцы или неаполитанцы, и ночи будут наполнены музыкой и многими другими звуками веселья. Конечно, здесь нет мощеных улиц и грохочущих троллейбусов, но проходящие мимо толпы восполнят любой недостаток в этом отношении, даже до поздней ночи.

ГЛАВА IV. АФИНЫ; СОВРЕМЕННЫЙ ГОРОД

Афины расположены на длинной и узкой равнине между двумя скалистыми горными хребтами, спускающимися с севера. Сегодня эта равнина не представляет собой ничего интересного и не отличается особым плодородием, хотя ее все еще с некоторым успехом обрабатывают. Когда-то, когда она была лучше обводнена реками Цефисс и Илисс, русла которых все еще видны, хотя в основном сухие и каменистые, она, несомненно, могла лучше прокормить местное население; но сегодня это скорее голая и непривлекательная межгорная полоса между такими же голыми серыми скалистыми высотами, покрытыми лишь редкой растительностью, за исключением зарослей чабреца и тимьяна. В том месте равнины, где возвышенная, изолированная и почти продолговатая скала с обрывистыми боками послужила фундаментом для цитадели, возникли Афины. Она стоит там и по сей день, вращаясь вокруг хриплой скалы Акрополя на протяжении веков, сначала на юг, потом

на запад, потом на север, пока последний не стал окончательным пристанищем современного города, в то время как более старые места к югу и западу лежат почти безлюдными, если не считать деятельности археологов и студентов, которые находят в них богатую и интересную почву для исследований. Однако Акрополь всегда был точкой опоры или центром внимания, и именно на этой уникальной скале Посейдон и Афина вели свое бессмертное состязание за обладание Аттической равниной. По преданию, Посейдон ударил своим трезубцем, и из расщелины скалы хлынул соленый источник, доказав тем самым свою силу; но суд богов был в пользу Афины, которая заставила взойти из земли оливковое дерево. Поэтому земля была отведена ей, и от нее город получил свое название. Под северной стороной возвышающейся скалы и к востоку от нее раскинулся современный процветающий город, а затем на две мили к северу по равнине, сначала тесно застроенной, затем расширяющейся в более открытые модернизированные улицы, и, наконец, сходящей на нет в разбросанных по сельской местности пригородах.

Рост Афин оставил свои следы прогресса в виде четко очерченных слоев. Узкие, убогие, грязные улочки ближайшего к Акрополю квартала относятся к более древнему, турецкому периоду возрождения города. За ними начинаются более новые и широкие магистрали, усыпанные во многих случаях аккуратными современными магазинами, вызванными к жизни замечательным ростом города за последние два десятилетия, которые возвели Афины из разряда грязной деревни в чистый и привлекательный мегаполис - в лучшем смысле этого широко используемого слова. Еще дальше видны естественные продукты переполнения процветающего современного города - пригороды, группирующиеся вокруг отдельных мельниц или виноделен. В настоящее время численность населения не превышает ста тысяч человек, так что Афины сегодня - немаленький город. Население в основном состоит из коренных греков, несомненно, измененных долгим подчинением турецкому владычеству и смешанных с большим количеством турецкой крови, но все же сохранивших язык, имена и традиции, свидетельствующие о славном прошлом. Несмотря на сохранение среди современных афинян таких имен, как Аристеида, Мильтиада, Фемистокл, Сократ и т. п., было бы, конечно, опрометчиво ожидать, что в населении, которое, по сути, так долго находилось в турецком рабстве, найдется много того, что напоминает традиционный греческий характер, каким он был во времена Перикла. Но не обошлось и без выдающихся ученых, которые настаивали на том, что наши возвышенные представления о древних греках действительно основаны на сравнительно немногих исключительных и блестящих примерах, и что древнее население, возможно, больше походило на нынешних граждан, чем мы склонны думать, по чертам характера и общим способностям.

На родной земле современный грек открыто обвиняет свою расу в недостатке трудолюбия и любви к безделью в кофейнях, хотя это обвинение никогда не казалось мне справедливым, а если бы оно исходило от иностранца, то, несомненно, вызвало бы негодование. Правда, кофейни редко бывают безлюдными, и наличия лишней драхмы или двух обычно достаточно, чтобы соблазнить человека оставить свою работу ради уединения, которое дает *кафенейон*, и медленно потягивать кофе, пока чашки сиропного кофе, которые можно купить за эти деньги, не закончатся. Тем не менее, не стоит говорить, что эта раса ленива от природы, особенно с учетом климатических условий; ведь в Греции и в Америке слишком много тысяч расторопных и трудолюбивых эллинов, чтобы опровергнуть любое подобное обвинение. Одна большая проблема, несомненно, заключается в отсутствии какого-либо стимула для промышленных амбиций на родине, или какой-либо очень привлекательной или оплачиваемой работы по сравнению с возможностями, предлагаемыми городами нового мира. Сильный прилив эмиграции к американским берегам в значительной степени привел к обезлюдению Греции; но не исключено, что возвращение местных жителей, что отнюдь не

редкость, со временем принесет большую пользу самой Элладе, и привлечение ее сыновей в чужие страны окажется благословением, а не проклятием, как предполагалось ранее.

Впрочем, это скорее в стороне от рассмотрения современного города Афины. Сразу скажем, что в городе можно свободно ходить по улицам и не опасаться ни злонамеренных, ни недоброжелательных людей. Конечно, не исключено, что все большее наводнение Афин иностранными гостями приведет к некоторому усилению тенденции к попрошайничеству, как это происходит в других странах; но греческая раса должна сказать, что она бесконечно менее ленива и бесконечно менее склонна к пролетариату, или стремлению жить без работы, чем итальянская. Маленьких детей, как и во всех странах, можно иногда встретить просящими копейку, особенно если они сошли с дороги, чтобы оказать надуманную услугу, демонстративно открыв ворота, которые уже стояли приоткрытыми. Но хромым, немощным и слепым, какими кишит Неаполь и многие другие небольшие средиземноморские города, пытающихся вымогать деньги из жалости к своей некрасивости, здесь немного. В Афинах то тут, то там можно увидеть калеку, терпеливо ожидающего милостыню, но, как правило, он ведет себя тихо и ненавязчиво. Не беспокоят посетителей и назойливые извозчики, хотя их достаточно много и они жаждут платы за проезд - контраст, который очень приятен для человека, недавно приехавшего из Италии и не успевшего пережить неустанную погоню за враждующими неаполитанскими таксистами. Компенсацией к этому долгожданному миру является тот факт, что цены на проезд в Афинах, несомненно, высоки по сравнению с удивительно низкими тарифами в Неаполе, вызванными активной и непрекращающейся конкуренцией *vetturini*. Единственная опасность афинских улиц - это быстрая езда карет по немощеной дороге; ведь пешеход, как и в Париже, должен сам выбирать себе дорогу и сам заботиться о своей безопасности, и он обязан останавливаться, смотреть и слушать, прежде чем выйти на шоссе.

Уличные торговцы кружевами, мочалками, цветами и почтовыми карточками, пожалуй, ближе всего к назойливому классу, хотя они обычно ждут приглашения к атаке, и их усилия неизменно носят добродушный характер. В районе площади "Синтагма" их обычно полно, они выстраиваются вдоль обочин и нагружены своими товарами. Можно увидеть мужчин с длинными полосами очаровательного островного кружева через плечо, корзины с цветами, груды диковинной формы, удивительно привлекательных губок, свежих и белых с близкого океана, или пачки хорошо выполненных почтовых карточек с изображением классических останков города - все это предлагается на продажу тому, кто проявит хоть малейший интерес. Нет нужды говорить, что первоначальные цены неизбежно оказываются завышенными и поддаются обработке с удивительной широтой.

Афины - чистый город. Его улицы, хотя и немощеные, все же достаточно твердые. Здания в основном из камня, покрыты лепниной и окрашены в белый цвет, либо в оттенок буфф или светло-голубой. Преобладающий тон - белый, и в лучах яркого солнца он часто напрягает глаза. Чтобы разбавить белизну, всегда есть перьевая зелень перечных деревьев, а также контраст из общипанных лиан и цветов, которые в свой сезон делают город таким привлекательным. Самым заметным из всех цветовых контрастов, несомненно, является насыщенный пурпурный цвет бугенвиллии, выплеснувшийся огромной массой на фоне безупречных стен и портиков более претенциозных домов. Сады многочисленны и изобилуют розами, ирисами и сотнями других ароматных и прекрасных цветов. Тротуары широкие и ровные. В этом городе легко прогуливаться, поскольку расстояния здесь невелики, а уличные сцены интересны и часто необычны, а из окон постоянно открываются виды на возвышающийся Акрополь. Это не холмистый город, а скорее построенный на холмистой местности, преобладающий уклон которой направлен на запад, полого

спускающийся от остроконечного Ликабета к древнему руслу Цефисса, вдоль которого когда-то раскинулась знаменитая роща Академа. Отсутствие достаточного количества воды вызывает сожаление, поскольку не хватает журчания фонтанов, которое делает Рим таким восхитительным, а ограниченный объем воды, доступный для бытовых нужд, иногда далеко не так приятен.

У афинян было огромное количество источников, из которых они черпали названия для своих улиц, в великолепной истории и сказочном богатстве мифологии. И стоит отметить тот факт, что мифологические боги и герои, по-видимому, лучше знаменитых смертных выбирали названия улиц, чтобы оказать им честь. Например, Перикл, величайший афинянин во многих отношениях, запомнился названием довольно бедной улицы - едва ли больше, чем переулок; в то время как Фидий, Пиндар, Гомер, Солон и многие другие оказались немногим лучше. Напротив, великие боги высокого Олимпа, Гермес, Афина, Эол и другие дают свои имена самым лучшим, самым широким, самым великолепным улицам этого города, который любит называть себя маленьким Парижем. Результатом всего этого является любопытное психическое состояние, поскольку к тому времени, как человек покидает Афины и попадает в Дельфы или на Пелопоннес, где каждая вершина и долина является сценой встречи или любовных утех какого-нибудь бога, он более чем наполовину готов принять эти древние божества как действительно жившие и совершавшие то, что им приписывает легенда. Они становятся для разума такими же реальными, как Вильгельм Телль или Покахонтас. Той же иллюзии способствуют классические названия, которыми названы двигатели железной дороги Пирей-Афины-Пелопоннес, и, проехав день за "Гермесом" или "Гефестосом", человек уже готов ожидать, что увидит поднимающегося из моря Протея или услышит, как старый Тритон дудит в свой рог, покрытый венками.

Поначалу человека, не знающего греческого языка, несколько озадачивает тот факт, что все улицы обозначены в родительном падеже, например, ὁδὸς Ἑρμοῦ (othòs Ermoù), "улица Гермеса". Однако вскоре это становится само собой разумеющимся. Основной торговый район ограничивается большими магистралями Гермеса, Эола и Афины, а также улицей Стадион - последняя называется так потому, что ее длина составляет около километра, что соответствует современному "стадиону", а не меньшей классической длине в шестьсот футов. Таким образом, это название не связано с великолепной спортивной площадкой города, на которой время от времени проводятся так называемые современные "Олимпийские" игры и которая сама по себе представляет собой прекрасное зрелище, поскольку расположена естественным амфитеатром к востоку от города и блестит своими недавно построенными поверхностями из чистейшего мрамора. Стадион-стрит - пожалуй, самая современная и актуальная улица в Афинах, усыпанная красивыми магазинами, отелями и кафе, оживленная днем и ночью, а ночью, возможно, даже более оживленная и похожая на парижскую, с ее многочисленными огнями и кипящей жизнью.

В Афинах нет системы троллейбусов, но они упорно придерживаются старомодной и совершенно неадекватной конной железной дороги, несколько линий которой отходят от площади Омонойя, которая произносится как "Аммиак", что в переводе означает то же самое, что и площадь Согласия. Чтобы разобраться в хитросплетениях этой трамвайной системы, нужно хорошо знать Афины, но это гораздо менее сложная проблема, чем omnibusы Лондона и Парижа, и, естественно, из-за меньших размеров города. Странные маленькие вагончики, курсирующие между указанными пунктами, служат лишь подспорьем для местного транспорта, а полуподземная линия третьего рельса до Пирея и устаревший паровой трамвай до Нового Фалерума обеспечивают пригородное сообщение, которое не стоит презирать. Через несколько лет троллейбус, несомненно, вторгнется в Афины, ведь он

уже закрепился в Греции в процветающем порту Патрас; и когда это произойдет, можно будет кружить по классическим районам Акрополя, как сейчас кружится по Форуму в Риме.

Восхитительный Бедекер предостерегает посетителей Эллады от поспешного принятия Греции за тропическую страну только потому, что это южная средиземноморская страна, а наш собственный опыт доказывает, что даже в апреле в Афинах может быть так же холодно, как в середине зимы, когда снег покрывает сам Гиметтус. Но большую часть года в Афинах тепло, и, как в большинстве южных городов, бизнес практически замирает с полудня до двух часов дня. В летние месяцы, под которыми в Афинах понимается промежуток между маем и поздней осенью, это прекращение работы является практической необходимостью из-за жары и бликов полуденного солнца на белых улицах и зданиях. Но сравнительная компактность города позволяет гулять практически везде, даже в жаркий день, ведь прохлада тени по сравнению с солнечным зноем всегда ощутима. Таким образом, турист, располагающий достаточным количеством времени для пребывания в городе, практически не зависит от автомобилей и карет. Для тех, кто испытывает дефицит времени и вынужден осматривать достопримечательности, или, как иногда говорит Бедекер, "обгонять" интересные места в короткие сроки, может пригодиться гениальное приспособление, которое когда-то использовал один из друзей, оказавшийся в таком же положении. Не имея возможности изъясняться на родном языке и практически не имея других средств общения с извозчиком, этот находчивый путешественник снабдил себя полным набором открыток с картинками, посвященными наиболее известным достопримечательностям Афин, и, показывая их один за другим своему Джеху, он сумел "сделать" Афины за полдня - если это можно так назвать. Он был не единственным, кому удалось увидеть древнюю столицу в такой короткий срок, но остается верным, что любое такое бесцеремонное отношение к столь знаменитому месту является неудачным и совершенно неадекватным. Афины - не место для торопливого "триппера", ведь не только древние памятники достойны долгого и вдумчивого созерцания, но и сам современный город в избытке заслуживает близкого знакомства.

СТАРАЯ ЦЕРКОВЬ В ТУРЕЦКОМ КВАРТАЛЕ, АФИНЫ

О нем говорят как о шумном городе, и это особенно заметно после наступления ночи, когда улицы до позднего часа заполнены людьми, а кофейни и рестораны под открытым небом работают на полную катушку. Еще долго после того, как обычный человек ложится спать, можно слышать, как проходящие мимо афиняне кричат или поют веселыми группами от трех до дюжины человек, особенно если это время выборов. Афинянин воспринимает политику так же, как кофе, - обдуманными глотками, чтобы хватило надолго. Период всеобщих выборов обычно длится около двух недель, и в это время пустые стены города расцветают портретами кандидатов, а ночь оглашается призывными криками свободных. "Митинговые" повозки используются так же, как и наши практичные политики, для доставки дряхлых или неохотно идущих на выборы трудоспособных избирателей, с той лишь разницей, что афинские митинговые повозки обычно украшены партийными знаменами и нередко несут на своей коробке, рядом с водителем, музыкальное снаряжение, состоящее из барабана и свистка, с которым гордый избиратель величественно продвигается по улицам к избирательной урне, сопровождаемый кричащей толпой. Факельные шествия, которые своим шумом компенсируют недостаток численности, происходят каждую ночь во время выборов. Афинянин, когда он решается кричать за какого-нибудь претендента, кричит всем своим существом и с энергией, напоминающей о временах Стентора. Афины шумят в любое время, но в дни политических волнений или во время высоких праздников - особенно в ночь перед Пасхой, когда радость по поводу воскресения Господа проявляется в полном излиянии духа, находящего выход во взрывчатых веществах, ракетах и другой пиротехнике. Религиозные праздники, такие как день рождения святого, Рождество Христово или окончательный триумф Иисуса, греки отмечают с такой же пышностью и торжественностью, как мы празднуем Четвертое июля; впрочем, то же самое можно сказать обо всех странах Средиземноморья. Я никогда не был в Афинах в ночь перед Пасхой, но мне рассказывали, что этот, один из самых священных праздников православной церкви, - единственный случай, когда на улицах столицы вообще опасно или неприятно находиться, и это только из-за бурной и неподдельной радости, которую испытывают местные жители при мысли о своем спасении, идея которого ежегодно кажется совершенно новой и доселе неожиданной.

Днем основная суматоха вызвана обычным движением прессы, а также нечленораздельными криками странствующих торговцев, предлагающих рыбу, яйца и различные овощи, не говоря уже о дровах. Не стоит опускать и газетчиков, ведь афинянин ни на йоту не отказался от своего традиционного стремления увидеть или услышать что-то новое и выбрал ежедневную газету как лучшее средство для распространения информации на свой вкус. Афины могут похвастаться, пожалуй, полудюжиной журналов, довольно хороших, хотя и несколько преувеличенных, и беден тот, кто не читает два или три из них, попивая свой кофе. Раннее утро и поздний вечер наполнены криками газетчиков, ясно и отчетливо звучащими над общим шумом, и из всех уличных звуков их призывы легче всего понять.

Больше всего иностранного посетителя всегда привлекают узкие и менее богато украшенные улочки старого квартала, отходящие от улиц Гермеса и Эола, и, прежде всего, маленький узкий переулок красных башмаков, который представляет собой идеальный базар. Это просто переулок, из конца в конец уставленный маленькими открытыми киосками или магазинчиками, и посвященный почти исключительно продаже обуви, в основном из красной кожи и с красными помпонами, хотя можно приобрести и мягкие сапоги из белой кожи, а также торговле вышитыми сумками, плащами, мешочками, поясами и тому подобным. Ассортимент каждого из них очень похож на соседние, а эффект от *ансамбля tout ensemble* весьма любопытен и поразителен. Побывав там один раз, вы застрахуете себя от частых посещений, а рано или поздно обязательно сделаете покупку. Товары кажутся скорее

турецкими, чем греческими по характеру. Конечно, чтобы не попасть впросак, нужно проявить терпение и такт. Ничто так не удивит продавца в обувном переулке, как желание и готовность иностранца принять его первоначальную цену как окончательную. Торговля здесь в порядке вещей, и после достаточного количества продвижений и отступлений предполагаемый покупатель обязательно поддается и возвращается, нагруженный сувенирами, от недорогих маленьких вышитых сумочек до плащей с золотыми кружевами, которые являются праздничным нарядом крестьянских девушек. Последняя одежда в основном подержанная, и на ней, как правило, видны следы эксплуатации. Это верхняя одежда без рукавов, сделанная из плотного войлока, но украшенная красной и зеленой тканью, на которую в качестве каймы без конца накладывается золотая тесьма и ажур, пока они не становятся великолепными. Стоит ли говорить, что это самые дорогие вещи в обувном переулке. Процесс торговли между тем, кто не говорит по-английски, и тем, кто не говорит по-гречески, естественно, в основном сводится к немой демонстрации, хотя всегда готовые блокнот и карандаш в нем участвуют. Мадам пытливо смотрит на красивое греческое пальто, и блокнот сообщает ей, что цена на сайте составляет 50 драхм. Ее лицо опускается; она говорит так просто, как только можно сказать, что ей очень жаль, но об этом не может быть и речи. Она поворачивается и подходит к двери. "Мадам! Мадам!" Она оборачивается, и к ней подносят блокнот с легендой 45. Снова отступление, снова призыв вернуться и узнать новую, еще более низкую цену. В конце концов чистую бумагу передают "мадам", и она пишет на ней свою цену - неизбежно слишком низкую. Однако в конце концов из произведения крайностей получается аристотелевская золотая середина, и титул переходит. Действительно, иногда случается, что торговец сообщает вам запредельную цену и с бесстыдной поспешностью добавляет: "А сколько вы дадите?". Опыт скоро научит покупателя, что самый простой способ добиться разумных цен - это внести единовременную сумму за несколько товаров на одной распродаже.

Обувной переулок, при всей его тесноте и деловитости, далеко не убог, а удивительно чист и мил. Этим он отличается от расположенного дальше рыночного района, где продаются овощи, барашки, свиньи, куры и прочие яства. Зрелище интересное, но обоняние сильнее, чем зрение. Впрочем, не обязательно идти туда, чтобы увидеть, как повар на обочине жарит целого барана. Даже на деловых улицах в верхней части города часто можно увидеть это зрелище. Печь - это просто железный сундук без крышки, в котором на медленном огне разжигается древесный уголь. Над ним на железном вертеле, который продевается сквозь ягненка от края до края, медленно вращается жаркое: ноги, ребра, голова, глаза и все остальное, а движущей силой является маленький мальчик. В этом примитивном заведении, как и во времена Сократа, можно купить готовое мясо, чтобы забрать его домой или съесть в каком-нибудь уголке афинского приверженца быстрого обеда. Дальше по старому кварталу, недалеко от станции Monastiri линии Piræus, находится улица медников, о которой издавна возвещает шум молотков. По всем правилам уместности это должна быть улица Гефеста. В сгущающихся сумерках здесь особенно интересно бродить, потому что кузнечные огни в темных маленьких мастерских ярко светятся в наступающей темноте, а деловитые молотки работают далеко за полночь. Это хор лудильщиков и песня оружейников, сплетенные в одно целое. Здесь можно купить кофемолки и кофейники, используемые для приготовления турецкого кофе, свойственного Востоку, и любой посетитель, которому понравится приготовленный таким образом кофе, не преминет обзавестись и той, и другой утварью, поскольку процесс прост, а напиток можно легко приготовить дома. Сами кофейники представляют собой маленькие латунные или медные ковшки разного размера, а мельницы - латунные цилиндры с приспособлениями для измельчения кофейных зерен в мелкий порошок. Этот порошок, в пропорции примерно чайная ложка на чашку, засыпается в ковшик с равным количеством сахара. Добавляется кипяток, и смесь ставится на огонь, пока

не "закипит". Это повторяют три раза, прежде чем разлить по чашкам, при этом кофе энергично перемешивают или взбивают до пены между несколькими кипячениями. В итоге получается густая, похожая на сироп жидкость, удивительным образом лишенная свойств, вызывающих бессонницу, которые обычно приписывают кофе производители американских "заменителей". В любом случае медные кастрюли с длинными ручками и мельницы для помола выглядят причудливо и интересно. В кофейнях обычно принято приносить кофе в маленьком индивидуальном кофейнике, который наливает сам посетитель. К нему всегда прилагается огромный стакан довольно сомнительной питьевой воды, а часто и кусочек лукуми, который греки считают средством утоления жажды, или горсть соленых фисташковых орехов, одинаково эффективных для той же цели. Потребление кофе греческой нацией просто огромно. Возможно, оно еще и вредно. Но в любом случае он бодрит, не опьяняя, и пьяный грек - действительно редкое зрелище.

Возвращаясь домой в вечерних сумерках после заката на Акрополе, вы обязательно пройдете мимо множества печей, установленных недалеко от входов в скромные дома и набитых легкими дровами, которые весело пылают, готовясь к вечерней трапезе, и их свечение и ароматный древесный дым придают очарование этой сцене. Здесь же можно увидеть небольшие магазинчики, в витринах которых стоят миски со свежими гяурти (ya-oúr-ti), привлекающие внимание к этому любимому афинскому лакомству, очень популярному в качестве десерта и способному порадовать вкусом тех, кто не принадлежит к роду мастеров. Гяурти - это своего рода "джункет", или густой творог из козьего молока, обладающий кислым или кисловатым вкусом. Его лучше всего есть с равным количеством сахара, который делает вкус далеко не неприятным. Что касается других распространенных продуктов питания местных жителей, то, несомненно, ягненок ближе всего подходит к тому, чтобы стать главным национальным блюдом, а куры и яйца являются повседневным атрибутом многих столов. Если не удаляться от мест скопления людей, проблема питания не является серьезной. Однако то, что приезжему будет трудно долго прожить на обычной туземной кухне, несомненно, правда; но, к счастью, нет особой необходимости проводить такой эксперимент. Еще одно блюдо местных жителей заслуживает упоминания вскользь - это "пилаффи" или "плов", представляющий собой рис, покрытый густой мясной подливкой, который почти любой иностранец оценит как вкусное блюдо.

О руинах и музеях Афин необходимо подробно рассказать в другой главе. О современном городе и его многочисленных странностях достаточно рассказать здесь. Прогулки по городу в любом направлении обязательно окажутся восхитительными, причем не только в старом квартале, который мы рассматривали, но и по более претенциозным современным улицам с их прекрасными магазинами, псевдоклассической архитектурой и постоянным мельканием садов или далеких разрушенных храмов. Изредка классический стиль зданий переходит в нечто действительно прекрасное, как в случае с университетскими зданиями, политехнической школой или самим национальным музеем. Однако местные церкви отнюдь не отличаются красотой. Действительно, обычная греческая церковь не претендует на внешнюю привлекательность, как, например, соборы и малые церкви римской веры. Пожалуй, самым ярким из афинских молитвенных домов является небольшое коричневое строение, которому позволили остаться посреди Гермес-стрит, напоминая положение Святого Клементя Датского или Святой Марии ле Стрэнд в Лондоне. Это приземистое византийское здание, не очень красивое, но явно старое, и привычная достопримечательность города. Внутри греческие церкви значительно отличаются по устройству от римских. У входа в алтарное пространство всегда стоит высокая ширма, пронзаемая дверью, ведущей в сам алтарь, и используемая только священником. Алтарный экран, или "иконастасис", как правило, богато украшен рельефной работой, а "иконы", или

святые изображения, обычно представляют собой написанные лики в рельефных серебряно-позолоченных рамах, которые передают фигуры и одеяния святых, только черты лица написаны пигментом. Изображения не допускаются в православном богослужении, но рельеф, используемый для украшения ликов на иконах, далеко не всегда имитирует изображение.

Жилая архитектура города находит свое лучшее воплощение в великолепных мраморных особняках принцев королевского дома, которые действительно прекрасны, и которые окружены привлекательными участками и садами. Дворец короля гораздо менее привлекателен - это огромное, похожее на амбар строение в центре города, от полного безлюдья его спасает только очень хороший классический портик. Но ничто не может быть прекраснее глубоких впадин дворцовых садов, которые образуют великолепный парк, вполне заслуживающий классического названия *παράδεισος*, с его джунглями цветов, кустарников и великолепных деревьев - последние являются желанным зрелищем в безлесной Аттике.

Нельзя обойти тему современных Афин, не упомянув о солдатах, ибо солдаты здесь повсюду, во всех степенях ранга и великолепия одежды, от скромного рядового до сверкающего и совершенно великолепного генералиссимуса. Мундиры отличаются разнообразием, которое заставило бы покраснеть пестрое снаряжение знаменитой Древней и достопочтенной артиллерийской роты Бостона. Однако у этих разнообразных мундиров есть свое значение, и они бесспорно красивы. Если бы греческие солдаты могли сражаться так же хорошо, как они выглядят, что могло бы сдержать современную Афинскую империю? Армейская одежда великолепно продумана с учетом фасона и цвета, а мужчины держатся с восхитительной военной элегантностью. Наиболее живописны царские телохранители с их великолепным телосложением и национальной одеждой. Это крупные, крепкие парни, одетые в короткие юбки-фустанеллы древнего режима, облегающие гамаши, ботинки с помпонами, темную куртку и феску. Это единственные войска, которые носят старинное греческое одеяние. Но во внешних сельских районах это платье привычно, его часто носят зажиточные крестьяне, и оно по-прежнему считается национальной одеждой, несмотря на повсеместное распространение обычной европейской одежды.

Остается вкратце рассказать о национальных деньгах, ведь это тема, которую посетитель не может обойти стороной. Драхма, которая соответствует франку, - вещь своеобразная. Если иметь в виду металлическую драхму из серебра, то все достаточно просто. Она обращается наравне с франком. Но бумажная драхма меняется в цене изо дня в день по велению частных спекуляций и почти никогда не имеет паритета. Я сталкивался с колебаниями ее стоимости от четырнадцати центов до восемнадцати. При мелких сделках, когда бумажная драхма стоит дорого, разница незначительна. Когда же она имеет низкую стоимость или большие суммы, это очень ощутимо. Колебания этих денег - причина появления блокнотов и карандашей в магазинах, ведь только путем постоянного умножения или деления торговец может перевести цены из франков в драхмы или *наоборот*, в зависимости от случая. Естественно, когда драхма стоит всего четырнадцать центов, ничего не подозревающий посетитель может заплатить больше, чем должен, если предположить, что франк и драхма - это синонимы. В таком случае бумажная купюра требует значительного добавления медной лепты, чтобы сравняться с металлической драхмой или французским франком. О разнице в стоимости день ото дня можно узнать из газет. Большинство сделок совершается во франках, и французские деньги, как золотые, так и серебряные, свободно используются. Тем не менее, местные бумажные деньги очень полезны, и их использование требует лишь некоторой осторожности. Особенно желательно знать статус драхмы при получении наличных по

аккредитиву или дорожному чеку, чтобы получить нужную сумму и не довольствоваться меньшей бумагой; ведь хотя на честность главных банков, как правило, можно положиться, отдельные клерки могут не устоять перед соблазном навязать невежественному человеку разницу и прикарманить ее. Я бы посоветовал по возможности пользоваться услугами Ионического банка, а не туристических агентств, так как последние часто вымогают деньги совершенно безосновательно, под предлогом необходимости штампов или платы за "проживание", которые банк не требует. Фальшивые монеты доставляют мало хлопот - гораздо меньше, чем в Италии. Единственная трудность заключается в том, чтобы следовать за бумажной драхмой вверх и вниз, и не быть обманутым в большей или меньшей степени при обмене серебра на бумагу. Медные монеты, которые представляют собой пять или десять лепт, не доставляют хлопот: они похожи на итальянские центезимы или английские пенсы и пенни.

На афинских улицах нередко можно встретить похоронную процессию - зрелище, которое поначалу может вызвать у непривыкшего свидетеля серьезный шок из-за обычая перевозить покойников по городу без гроба. Как правило, гроб и его крышку несут во главе процессии, а тело покойного в открытом катафалке трясется в середине кортежа. Тем, кто не привык к такому способу почитания умерших, обнажение лица на виду у каждого прохожего должно показаться нелепым и отвратительным. Но таков обычай этого места, и прохождение похорон не вызывает видимого беспокойства у тех, кто спокойно смотрит на проходящий труп из кресел, где они потягивают кофе или празднично перебирают нитки бус. Бусы, которые можно увидеть в руках почти каждого местного жителя, не имеют никакого религиозного значения, как может показаться на первый взгляд, а просто являются одним из безобидных занятий, которые эллин находит для праздных рук. Это крупные бусины разных цветов, хотя нитки, как правило, однородны сами по себе, и их единственная функция - дать возможность поиграть с чем-то во время разговора или ничего не делая. Свободных ниток достаточно, чтобы придать бусам некоторую игривость, и они становятся привычным зрелищем.

Королевская власть в Греции отличается демократическими взглядами. Короля Георга и его сыновей часто можно увидеть катающимися по городу, совсем как обычных граждан. Весьма характерным был недавний случай, когда американский джентльмен обратился к одному из прогуливающихся в дворцовых садах с вопросом о том, в какой час лучше всего увидеть королевских детей. Вопрос вызвал взаимный интерес, и они некоторое время беседовали, причем американец с большим любопытством расспрашивал о хозяйстве, с которым его собеседник, как оказалось, был знаком. "Что с королевой?" - поинтересовался он. "Она очень любима", - был ответ. "Она женщина с хорошим характером и прекрасно справляется со своей высокой должностью". "А король?" "О, король! С сожалением вынужден констатировать, что он никуда не годится. Он ничего не сделал для страны. Он старается не давать себя в обиду - но как король, чем меньше о нем говорят, тем лучше!" Нет нужды говорить, что этим оракулом был сам король. Никто другой не смог бы вынести столь суровый приговор. Король Георг I правит с 1863 года, когда при поддержке христианских держав было открыто нынешнее правительство. Он прибыл из Дании, будучи сыном покойного короля Кристиана, который обеспечил так много тронов Европы приемлемыми правителями и королевами из своей многочисленной и прекрасной семьи, так что сам король вовсе не грек. Годы успешного правления доказали его высокую благосклонность к афинянам и их соотечественникам, которые увидели, как их земля в значительной степени восстановила свое процветание, а их главный город вырос до значительных размеров при новом порядке. Царский пост передается по наследству, кронпринц достигает совершеннолетия в восемнадцать лет.

Принц Константин, наследник престола, живет на улице за дворцовыми садами и имеет семью красивых детей. Принц Джордж - комиссар, отвечающий за Крит. Королевская семья приняла веру греческой православной церкви.

ГЛАВА V. ДРЕВНИЕ АФИНЫ: АКРОПОЛЬ

Видимые остатки древнего Афинского города, в отличие от современного, находятся в основном на юге и западе от Акрополя, где можно увидеть множество отчетливых следов классического города, расположенных вокруг основания великой скалы и Марсова холма. Насколько далеко простирался древний город на восток, неспециалист может только предполагать, поскольку в этом направлении почти ничего не осталось, кроме хорагического памятника Лисикрата и руин храма Зевса Олимпийского; а на северной стороне Акрополя, хотя известно, что там когда-то находилась агора, или рыночная площадь, мало что осталось, кроме нескольких портиков позднего, если не римского, времени. Однако, не будучи приверженцами точной археологии, мы не станем рассуждать о вероятных местах расположения древних метов и границ, о местонахождении фонтана с девятью струями, называемого "Эннеакрун", и знаменитого источника Каллирроэ, что дает благодатную почву для разногласий среди людей, сведущих в этом искусстве. Сейчас нас больше всего волнует масса видимых руин, которые составляют главное очарование города для каждого посетителя, и в первую очередь для тех, кто обладает желательным историческим или классическим "фоном", делающим руины еще более интересными.

Несмотря на множество бесславных превратностей, Афинам посчастливилось сохранить многие из своих древних сооружений в таком виде, что даже сегодня можно получить представление об их великолепии в золотой век эллинской империи. Греческая привычка

строить храмы и фанзы на возвышенных местах, в стороне от человеческого жилья, естественным образом способствовала сохранению многого, что в противном случае могло бы быть утрачено. Главные достопримечательности классического города располагались на высоте, и вырождающийся современный город, пришедший на смену древней столице, не поглотил их полностью, как это часто случалось с Римом. Конечно, турки вторглись в священные пределы Акрополя со своими мечетями и военными орудиями, а последние разрушили Парфенон до неузнаваемости, когда по вине злосчастных советников Морозини венецианская бомба попала в это благородное сооружение. Местный вандализм и жадность обжигателей извести, несомненно, разрушили многое. Но в ходе всех этих разрушений не удалось уничтожить сокровища, венчающие Афины, и храмы Акрополя по-прежнему вдохновляют и приводят в отчаяние архитекторов. Переходя к более подробному и, возможно, излишнему рассмотрению памятников, сохранившихся от древнего города, можно отметить, что посетитель найдет больше классических останков, которые смогут вознаградить и порадовать его, чем в Риме, каким бы богатым ни был этот вечный город.

Акрополь, естественно, представляет большой интерес не только из-за того, что сохранилось на его вершине, но и из-за множества остатков зданий, расположенных вокруг его основания. Сама скала, если бы с нее сняли все здания и лишили всех воспоминаний, все равно была бы величественной и внушительной, одной лишь силой своей высоты и крутизны. В таком виде, с обрывистыми боками, которые стали еще более обрывистыми благодаря искусству Кимона и древних инженеров, чьи стены свидетельствуют об использовании мраморных барабанов для колонн, встроенных в сами укрепления, она впечатляет вдвойне из-за своей недоступности. Примерно через сто футов под вершиной он перестает быть таким отвесным и переходит в более пологий склон, на южных просторах которого были построены городские театры и участок, посвященный Асклепию. Однако только с западной стороны к скале можно было подойти, и с этой стороны сегодня находится единственный удобный вход в священные пределы.

Более величественного подхода трудно себе представить. Нельзя не похвалить так называемые "ворота Бёле" у самого входа, у подножия величественной лестницы, поскольку они представляют собой лишь позднейшее сплетение мрамора с других древних памятников и во всех отношениях недостойны сравнения с величественной Пропилеей на вершине. Свое название она получила от имени французского исследователя, который ее раскопал. Что касается его притязаний на интерес, то они должны быть основаны, если вообще возможны, на идентификации камней, из которых он состоит, с более древним памятником какого-нибудь хорагического победителя. Если смотреть вверх по крутому склону к Пропилеям, или передним воротам Акрополя, Парфенон полностью скрыт. С этой точки не видно ничего, кроме стен и колонн великолепных ворот, призванных стать достойной прелюдией к архитектурному великолепию главного храма богини. Зодчему, безусловно, удалось добиться желаемого результата. Он ничуть не принизил и не умалил свое главное творение, но при этом придал ему восхитительную декорацию. Даже сегодня, когда большая часть колоннады Пропилеи находится в руинах, она представляет собой великолепное и приятное зрелище не только при взгляде издалека, но и с близкого расстояния. Она не только красива сама по себе, но с ее платформы открывается грандиозный вид на аттическую равнину внизу, на сверкающий на солнце залив Саламис, на длинный мыс, спускающийся к Суниуму, и на далекие горы Арголиты, катящиеся, как волны, на юго-запад через залив и за Эгину. Если вы на мгновение остановитесь на пороге Акрополя и посмотрите на эту грандиозную панораму равнин, гор и моря, это будет замечательным знакомством с Грецией.

ХРАМ НИКЕ АПТЕРОС

По обеим сторонам лестницы, по которой поднимаются к Пропилеям, возвышаются контрфорсы из скалы, на одном из которых стоит объект, достойный долгого созерцания. Справа, на платформе, выровненной из твердой скалы, стоит крошечный храм Nike Apteros (Бескрылой Победы), "восстановленный", правда, но, тем не менее, один из самых совершенных маленьких зданий, которые только можно себе представить. Когда-то он был полностью демонтирован, чтобы освободить место для турецкой сторожевой башни, но теперь заботливые руки воссоздали его из оригинального мрамора, и сегодня он стоит, как и в старину, на своем узком парапете рядом с величественной лестницей Афины. В процессе восстановления, правда, не удалось передать непрерывные линии старого храма. На углах камни местами обломаны, а кое-где потребовались совершенно новые блоки. Но в основном все, вплоть до изящно вырезанного фриза вокруг вершины, на месте; и по крайней мере в кои-то веки избитый "реставратор" древних зданий одержал победу и заставил замолчать всех своих критиков. Остатки несравненной резной балюстрады, которая когда-то служила перилами для парапета, можно увидеть в небольшом музее Акрополя, демонстрируя чрезвычайное изящество, которого достигли греческие скульпторы в моделировании изысканных фигур в высоком рельефе. Особенно любима всеми плита, получившая название "Nike, связывающая сандалию", хотя и другие, даже безголовые и безрукие, не менее прекрасны.

Что касается изолированного постамента на другой стороне лестницы, известного как "пьедестал Агриппы", то он не только лишен какой-либо статуи, которая могла бы дать ему дальнейшее оправдание, но и находится в таком ветхом состоянии, что вызывает неприятную мысль о том, что он вот-вот упадет, и кажется объектом скорее для удаления, чем для увековечивания, хотя он и служит для уравнивания эффекта, производимого бастионом Nike.

Стоя на платформе Nike, посетитель видит возвышающиеся над ним благородные колонны Пропилеи. Эти дорические колонны впервые дают адекватное представление о том совершенстве, до которого довели колонну Иктин и строители и архитекторы его времени; ведь хотя каждая колонна построена по принципу "барабан на барабане", во многих случаях

стыки между ними почти незаметны, настолько они совершенны, несмотря на прошедшие века и разорение войнами, не говоря уже о частых землетрясениях, которым подвергался весь этот регион. Возраст был добр и к пентелийскому мрамору, смягчив его первоначальную белизну до золотисто-коричневого цвета и не разрушив при этом его изысканную атласную текстуру. Невозможно представить себе ничего более очаровательного, чем контраст голубого афинского неба с этими величественными старыми колоннами, когда смотришь снаружи или изнутри на их величественные ряды.

Скала резко поднимается по мере того, как мы проходим по территории Акрополя, и ее поверхность, похоже, была рифленой, чтобы пешеходы могли надежнее стоять на ней. Как ни камениста эта скала, она все же обладает достаточной почвой, чтобы на ней росли травы и пробивались клочья зелени, чтобы укрыть множество упавших барабанов. Но перед глазами стоит только Парфенон, западный фасад которого впервые предстает во всей своей красе. С западного торца, скрытого от глаз хаосом, который творился в его середине, Парфенон выглядит почти совершенным. Педиментальные скульптуры, правда, исчезли, за исключением фрагмента или двух, которые были вывезены в Англию. Но массивные дорические колонны все еще стоят в непрерывном двойном ряду перед одним; стены целлы кажутся нетронутыми; фронтоны возвышаются почти без изменений; фриз, триглифы и метопы сохранились в достаточной степени, чтобы дать представление о древнем великолепии святыни, и все это заставляет мгновенно и безоговорочно восхищаться. Спекуляции по поводу этики переноса скульптур Парфенона лордом Элгином стали академическим вопросом, а потому совершенно выходят за рамки нашей цели. Несомненно, сегодня ни одно такое перемещение не было бы одобрено ни на минуту. Уже невозможно сказать, как говорили прежние критики, что местное отношение к сокровищам этого места настолько незначительно, что ставит под угрозу их сохранность. Нынешняя опека над бесценными реликвиями древности в Афинах является восхитительно тщательной и удовлетворительной. Если бы Греция вступила в свои права на столетие раньше, то знаменитые скульптуры чудесного рождения Афины, выросшей из головы Зевса, и колоссальное изображение борьбы между Афиной и Посейдоном за обладание землей Аттики могли бы, как и прежде, украшать восточный и западный фронтоны великого храма; а если нет, то их можно было бы увидеть в прекрасном музее на другом конце города. Однако нам достаточно знать, что они находятся не в Афинах, а в Лондоне, и что нет никакой вероятности, что они когда-либо вернутся на греческую землю; а также знать, что если бы они не были вывезены в таком виде, они могли бы вообще никогда не сохраниться. Это единственное комфортное состояние души, в котором можно смотреть на пустующие фронтоны Парфенона. Байроническое безумие по поводу того, что нельзя исправить, а может, в конце концов, и к лучшему, не приносит пользы.

Писатели об Афинах часто обращали внимание на изогнутый стилобат Парфенона - особенность, которая ни в коем случае не ограничивается этим храмом, но которую можно заметить почти в каждой значительной руине подобного рода. Основание здания достаточно изогнуто, чтобы сделать это устройство видимым, поднимаясь с обоих концов к центру сторон; любопытные могут легко доказать это, положив шляпу на один край и попытавшись увидеть его с другого, ориентируясь по линии основных камней. Кривая была необходима для устранения оптического дефекта, так как прямое или ровное основание создавало бы иллюзию явного прогиба. Аналогичным образом, давно признано, что колонны должны раздвигаться в средней части барабанов, чтобы не казаться глазу вогнутыми. На самом деле, как отметил профессор Гарднер, в Парфеноне нет ни одной действительно прямой линии - и все же везде создается эффект абсолютной прямооты.

Очевидно, что эта кривизна основания, пусть и незначительная, создала ряд инженерных проблем, когда дело дошло до установки барабанов колонн; ведь колонны должны стоять прямо, а нижние секции должны быть спроектированы таким образом, чтобы соответствовать конфигурации выпуклого стилобата. Угловые колонны, установленные на базу, изогнутую в обоих направлениях, должны были быть еще сложнее. Но проблема была решена успешно, и результате этой хитроумной конструкции получился храм, который настолько близок к архитектурному совершенству, насколько земные ремесленники вообще способны достичь. Колонны были установлены в нерифленном виде, рифление добавлялось после завершения строительства колонны. Считается, что каждый барабан вращался на своем нижнем собрате до тех пор, пока соединение не стало настолько точным, что их невозможно было различить. В центре упавших барабанов всегда можно увидеть квадратное отверстие, в которое вставлялся деревянный штырь, предназначенный для удержания готовых секций в неподвижном состоянии, и во многих случаях этот деревянный штырь был найден нетронутым. Вдоль всех сторон Парфенона на земле лежат упавшие барабаны, которые когда-то составляли колонны сторон, но были сбиты с места бомбой венецианского флота адмирала Морозини. Они лежат, как упавшие груды домино или детских строительных блоков, а весь центр храма представляет собой зияющую пустоту. То тут, то там предпринимаются попытки восстановить упавшие колонны из оригинальных частей, но результат отнюдь не обнадеживает и, похоже, не оправдывает дальнейшего продолжения этой работы. Лучше разрушенный Парфенон, чем очевидная лоскутная конструкция. Немногочисленные восстановленные колонны совершенно лишены той однородности, которая присуща сохранившимся оригиналам, а их стыки болезненно ощущаются, они сколоты и неровны, где старые почти незаметны; так что в целом создается впечатление незащищенности и отсутствия совершенства, совершенно не гармонирующее с самим Парфеноном. Мнения, однако, расходятся. Некоторые до сих пор выступают за перестройку храма, не желая оставлять барабаны, кажущиеся такими совершенными, лежать в том виде, в котором они сейчас находятся среди травы Акрополя. Это один из тех вопросов вкуса, споры о которых традиционно пусты и бесцельны.

ПАРФЕНОН, ЗАПАДНЫЙ ФРОНТОН

Для тех, кто требует реставрации, отличной от той, что создается мысленным взором, существует достаточно моделей и рисунков, и некоторые из них можно увидеть в музее Акрополя. Наиболее интересными из этих попыток, несомненно, являются рассуждения о педиментальных скульптурах, остатки которых хранятся в Британском музее, но которые настолько фрагментарны и так плохо расположены в своем новом доме, что многое из первоначальной группировки является предметом догадок. С помощью рисунков, сделанных посетителем много лет назад, еще до того, как лорд Элгин решил их снести, два больших фронтона были гениально воссозданы в миниатюре, показывая множество фигур, присутствующих при рождении богини-покровительницы города, когда она в полном вооружении спрыгивает с головы Зевса, поддерживаемая ударом молота Гефеста, или толпу божеств, наблюдающих за состязанием между Афиной и Посейдоном за землю. В Музее Акрополя хранятся только слепки с мрамора Элгина, но на сайте все еще можно увидеть значительную часть оригинального фриза. В подобной работе было бы неуместно вдаваться в подробный рассказ об этих знаменитых скульптурах, которые уже стали предметом огромного количества доступной литературы и источником значительного количества противоречивых работ, включающих конфликты высочайшего авторитета. Поэтому читателя, интересующегося подробной историей Парфенона, его внешним убранством, огромной статуей из золота и слоновой кости внутри и великим Панафинейским праздником, который изображен на его фризе, достаточно отослать к любому из тех ученых авторов, которые так подробно и ясно написали обо всем этом - несомненно, не более чем д-р. Эрнест Гарднер в своей восхитительно ясной и читаемой книге "Древние Афины" или в "Справочнике по греческой скульптуре", без которого никто не должен посещать музей в этом городе.

Следует помнить, что Парфенон и другие достопримечательности Акрополя - это памятники эпохи Перикла, а не более раннего времени. Персам, вторгшимся в Грецию в 480 году до н. э., удалось завладеть Афинами и всей Аттической равниной, а жители бежали на остров

Саламин. Полчищам варваров, приведенных Ксерксом, противостояли немногие горожане, некоторые из которых возвели крепость вокруг Акрополя, думая, что таким образом они удовлетворят оракула, обещавшего городу спасение через неприступность его "деревянных стен". Персы сосредоточили свои силы на Марсовом холме, к западу от большой скалы, и завязался жаркий бой: захватчики пытались обстреливать крепость стрелами с горящим поленом, а осажденные с большим успехом использовали круглые камни. В конце концов враги обнаружили незамеченный доступ к цитадели и взяли ее штурмом, после чего сожгли храмы и оставили жалкие руины. Оставшиеся афиняне с союзным флотом у Саламина отбили персидский флот, и Ксеркс, испытывая отвращение, отступил, несмотря на то что, казалось бы, он вполне мог продолжить свои успехи на суше. После него Афины превратились в руины, но на этих руинах вырос город, который по архитектурной красоте никогда, по всей вероятности, не был превзойден. Реакция на ужасы войны дала нам Парфенон, Пропилеи и Эрехтейум, датируемые, возможно, пятым веком до нашей эры.

Эрехтеум, хотя и имеет право на эпитет "элегантный" как здание, кажется явно менее любимым, чем Парфенон. Он, несомненно, чрезвычайно красив, тонко и тщательно проработан, и его орнамент, безусловно, высокого порядка. В отличие от Парфенона, он не окружен колоннадой, а имеет колонны только в нескольких портиках. Колонны не дорические, а ионические. Что касается общего плана, то он настолько сложен и посвящен стольким неясным целям, что непрофессиональному посетителю, несомненно, будет крайне сложно в нем разобраться. Похоже, что в нем было по меньшей мере три участка, а название, которое он носит, - древнее, данное ему потому, что отчасти это был храм Эрехтея. Это божество относилось к типу полубогов. Он был древним аттическим героем, который получил апофеоз и стал очень почитаем, несомненно, потому, что отчасти он ввел в городе поклонение Афине и придумал знаменитый Панафинейский праздник. Предание гласит, что его воспитала сама Афина и что она доверила его младенцем, спрятанным в сундуке, дочерям Кекропса для охраны. Им было велено не открывать ларец, но, одолеваемые любопытством, они ослушались и обнаружили младенца, опутанного змеями, и, перепуганные до крайности, бросились на крутой склон Акрополя и кинулись вниз со скалы. Они были не одиноки: рассказывают, что отец Тесея тоже бросился вниз с этой возвышенности в отчаянии, потому что увидел корабль сына, возвращавшийся с Крита с черными парусами, и решил, что Минотавр одержал победу над его героическим сыном, хотя на самом деле все было наоборот.

Сложный характер Эрехтеума подчеркивается еще и тем, что часть его должна была укрывать пробоину, нанесенную Посейдоном своим трезубцем, когда он боролся с Афиной за землю, а также оливковое дерево, которое Афина заставила вырасти из скалы. Эти две реликвии, естественно, почитались, и рассказывали, что в расщелине, проделанной трезубцем, находился соленый источник, или "море", как называет его Геродот, из которого доносилось журчание, подобное журчанию океана. Расщелина сохранилась до сих пор. Оливковое дерево, к сожалению, исчезло. Однако, если верить Геродоту, оно было там, когда персидская орда пришла в Афины; и традиция гласит, что после того, как захватчики сожгли Акрополь, пень дерева немедленно пустил побег длиной в локоть в знак того, что божество не покинуло город. По здешнему обычаю, через определенные промежутки времени в двери храма клали лепешку меда для пищи священных змей, и когда по прибытии персов эта лепешка осталась нетронутой, жители убедились, что даже бог покинул Акрополь и остались одни руины. Обновленная и чудесная жизнь оливкового дерева развеяла это заблуждение. Эрехтей частично перекрывает древнейший участок, посвященный Афине, где

стоял более ранний храм, в котором, как предполагается, хранилось священное изображение богини, сделанное из дерева и спустившееся с небес. За точным и подробным описанием Эрехтеума и его использования читатель снова должен обратиться к археологам. Что касается его внешних особенностей, то самой известной из них, несомненно, является портик с кариатидами, на крыше которого возвышается ряд изящных, но, несомненно, прочных мраморных дев. Использование кариатид, всегда неестественное, здесь в целом довольно удачно, поскольку у зрителя не возникает ощущения, что девы беспокойны под навалившимся на них грузом. Они совершенно свободны от обвинений в гротескности. Тем не менее, можно сомневаться в том, что портик в целом приятен. Одна из фигур, как известно, является репродукцией той, которую лорд Элгин унес в Британский музей, но остальные шесть - оригиналы.

В Музее Акрополя хранится множество интересных фрагментов, найденных на месте, в том числе множество архаичных изображений Афины, на которых все еще видны следы краски, которой греки так щедро покрывали свои мраморные статуи. Такое использование пигмента может показаться весьма сомнительным проявлением вкуса, если судить по современным стандартам, не только в применении к статуям, но и в украшении мраморных храмов. Сегодня нам, привыкшим к чистому белому мрамору, трудно представить, что волосы, глаза и одежда статуи могут быть красивее, чем если бы они были раскрашены; или представить, что полихромия, столь часто используемая при украшении таких шедевров, как Парфенон, могла быть чем-то иным, кроме изъяна. Тем не менее, тот факт, что греки сделали это, и то, что они были во всем остальном так безупречны, делает вполне вероятным, что их готовые статуи и здания, украшенные таким образом, были совершенно конгруэнтны - особенно под этим блестящим небом и в окружении стольких блестящих костюмов. Из сохранившегося множества статуй Афины видно, что греки представляли ее как женщину с величественным лицом, миндалевидными глазами и обильными косами русых волос, которые впоследствии были подарены королеве Елизавете. Более грубая фигура "Тифона", также хранящаяся в этом музее, которая, несомненно, была педиментальной скульптурой из какого-то более раннего акропольского храма, имеет обильные следы краски на теле и на бородах трехглавой головы. Она слишком гротескна, чтобы дать представление об использовании краски на таких статуях, которые позже создавали великие мастера. На остатках фриза Парфенона почти нет следов голубого фона, который обычно накладывали, чтобы подчеркнуть фигуры, вырезанные на таких орнаментах, как и следов полихромного декора на самом Парфеноне.

Акрополь, конечно же, не избежал общей участи всех подобных знаменитых мест - его то и дело "доделывают" партии туристов с абсурдной поспешностью, которая для любителя этого места кажется не более чем святотатством. Нередко можно увидеть, как группа мужчин и женщин, насчитывающая от дюжины до сотни человек, под присмотром пузатого курьера взбегают по ступеням Пропилеи, поднимаются на вершину, проходит через два храма, входит и выходит из музея и снова спускается вниз, довольная тем, что провела полчаса или даже меньше среди этих бессмертных руин, и готовая рассказывать об этом до конца своих дней. Жаль, как и всегда, видеть столь бесцеремонное обращение с чудом света. Но все же не решаемся сказать, что вместо этого никогда не стоит посещать афинский Акрополь. Лучше посмотреть на мгновение, чем не посмотреть вообще. Акрополь - это не место, где нужно спешить. Скорее, это место, которое нужно посещать снова и снова, в основном ближе к закату, не только для того, чтобы побродить по руинам или отдохнуть на ступенях Парфенона, размышляя о далеком прошлом, к которому принадлежит это место, но и чтобы увидеть, как солнце опускается на запад, как, должно быть, Платон и Сократ часто видели его с этого самого места, за изрезанной линией неба Арголиды, которая никогда не меняется, удлиняя

пурпурные тени холмов на мирной равнине и касаясь золотисто-коричневого цвета храмов тем послесвечением, которое, увидев однажды, невозможно забыть.

Ворота Акрополя закрываются на закате стражниками, а задерживающихся посетителей настойчиво сбивают в группы и гонят вниз, к воротам, как овец, маленькая группа блюстителей в синих халатах. Тем не менее, они не жестокосердны, и если запоздалый посетитель обнаружит, что внешние ворота заперты немного раньше заката, как это часто бывает, чтобы предотвратить ненужное восхождение, просьба о "pende lepta" (пять минут), скорее всего, будет удовлетворена даже без мелкой взятки. Но в конце концов все уходит, и священный холм Афины остается незанятым еще на одну из своих бесконечных ночей. Традиционно стоит посетить Акрополь при свете луны, а необходимое разрешение несложно получить, если найти муниципальный офис, занимающийся подобными вопросами. Парфенон в ясную лунную ночь должен быть неописуемо прекрасен, даже в своем плачевном разрушении.

Другие достопримечательности Афин, древние и современные, интересны, а многие и великолепны. Но Акрополь - бесспорно, лучшее, что могут показать Афины, а Парфенон - несравненно лучшее, что есть в Акрополе. Это первое и последнее место, которое нужно искать при посещении знаменитого города Афины, и последний взгляд отплывающего путешественника - очень вероятно, с нечеловеческими слезами - на свой корабль, уплывающий в синеву Эгейского моря, - на этот хриплый храм, покоящийся в спокойном и безмятежном безразличии к людям на своей скалистой высоте. Он видел, как поклонение Афине Парфенос уступило место почитанию другой Девы - более святого идеала Мудрости, воздвигнутого в его собственных окрестностях, и поклонялся ей на том самом месте, где когда-то афинская молодежь воздавала почести языческой богине. Боги и религии поднимались и уходили, деспоты приходили и уходили; но Парфенон стоит неизменным, непревзойденным воплощением архитектурной красоты и сегодня, как и тогда, когда Иктин, Мнесикл, Фидий и те, кто был с ними, создали его из своего объединенного и колоссального гения по мудрому указанию Перикла.

ГЛАВА VI. ДРЕВНИЕ АФИНЫ: ДРУГИЕ ПАМЯТНИКИ

Есть два излюбленных пути, по которым те, кто покидает Акрополь, спускаются в современный город. Один из них лежит справа от ворот, проходит между Акрополем и Марсовым холмом к северной стороне первого, где находятся ступени, ведущие в старый квартал, а затем через Обувной переулок на улицу Гермеса и домой. Другой путь проходит к югу от Акрополя по его южным склонам и, наконец, выходит через железные ворота в восточном конце, откуда прямо домой ведет улица, довольно чистая и приятная, чем другой путь, но вряд ли такая же живописная. Однако, поскольку этот путь ведет к некоторым другим примечательным остаткам классических Афин, давайте воспользуемся им.

Сразу после выхода на аллею перед воротами Акрополя можно найти тропинку, ведущую на восток прямо за и над Одеоном Геродоса Аттика, который выделяется на фоне пейзажа высокими каменными арками, сохранившимися на его фасаде. Эти арки почернели и несут на себе все следы поздней римской эпохи. Кроме того, они кажутся зрителю довольно неустойчивыми, как будто в один прекрасный день они могут упасть, если их не убрать. Но все же было бы жаль их потерять, так как они, несмотря на отсутствие гармонии с принятыми представлениями о чисто греческой архитектуре, представляют собой поразительное и приятное зрелище. Вряд ли стоит спускаться в яму этого вместительного театра, или, скорее, концертного зала, поскольку очень точное представление о нем можно получить, глядя сверху на оркестр через ярусы поросших травой сидений. Для более детального знакомства с древними театральными сооружениями стоит посетить Дионисийский театр, расположенный дальше по нашему пути, к тому же он гораздо древнее и интереснее по ассоциации.

На пути к нему находятся несколько остатков длинной "стоа", или портика, называемого портиком Эвмена, любопытно перемешанных с кирпичными реликвиями турецких времен, и неархеологическому посетителю вряд ли захочется долго возиться с тем и другим. Но ему, несомненно, будет интересно свернуть с тропы и подняться к основанию более крутой скалы, чтобы осмотреть сырую и капающую пещеру, где когда-то находилось важное святилище Асклепия, с обычным "священным источником", все еще текущим, и все еще окруженным остатками обычных портиков, в которых нуждающиеся в исцелении верующие когда-то укладывались на ночь, ожидая исцеления, которое, как можно надеяться, дарует

видение бога. Сейчас в пещере находится католическая святыня с изображением конкретного святого и горящей перед ним масляной лампадой. В пещере царит полумрак и мрак, и для того, чтобы оставаться там надолго, несомненно, потребуются услуги самого Асклепия или какого-нибудь умелого современного ученика его целительского искусства, которыми, кстати, Афины могут похвастаться не в последнюю очередь. Греки, кажется, естественно относятся к медицинской практике, а некоторые врачи, даже в отдаленных сельских районах, как говорят, обладают необыкновенным талантом.

Недалеко от святилища находится театр Диониса, вырубленный в склоне холма, как и большинство греческих театров, с вымощенным полукруглым "оркестром", или местом для танцев, у его подножия. Большая часть первоначального количества мест для сидения скрыта зарослями травы, так что можно сильно недооценить его былые размеры. Когда-то сиденья возвышались далеко вверх, к участку Асклепия, и тропинка, которая сегодня проходит по склону, проходит через то, что когда-то было верхней частью амфитеатра. Только в нижней части камни сохранились в хорошем состоянии и служат для того, чтобы показать нам, каким был театр, который знали афиняне - тот самый, в котором предыдущие поколения впервые увидели трагедии знаменитого трио драматургов, Эсхила, Софокла и Еврипида. Со времени своего первого строительства этот театр претерпел множество изменений, о чем можно узнать из книг по археологии. Здесь мы не будем вспоминать о последовательных перестройках, которые изменили нынешний театр по сравнению с тем, каким его видели древние, или указывать на следы каждой трансформации, которые остались сейчас, чтобы показать, что "оркестр" когда-то был полным кругом и располагался гораздо дальше. Однако будет достаточно интересно спуститься по ярусам сидений в самый низ и осмотреть на досуге резные кресла, некогда предназначенные для различных сановников и до сих пор носящие имена занимавших их офицеров. Особого внимания заслуживает главное место в ряду - резное кресло верховного жреца Диониса, расположенное в самом центре ряда, с барельефом дерущихся петухов на подлокотниках кресла, который до сих пор хорошо виден. Однако следует помнить, что большая часть того, что посетитель видит, относится к довольно недавнему периоду по сравнению с другими афинскими памятниками, поскольку утверждается, что очень малое из того, что можно увидеть в театре, относится к более раннему периоду, чем третий век до нашей эры, в то время как многое относится к еще более позднему времени и является работой римлян. Особенно это касается заметной резной ширмы, которая проходит за оркестром, и которая, возможно, поддерживала сцену - если сцена вообще существовала. Мощный оркестр также покажется необычным, контрастируя с зелеными насаждениями, которые можно увидеть в других подобных сооружениях, например, в театре в Эпидавре.

Спорный вопрос об использовании возвышенной сцены в греческих театрах и сегодня настолько разделяет опытных археологов на враждующие лагеря, что дилетанту в этой области не стоит высказывать какое-либо мнение по этому вопросу, в ту или иную сторону. Есть выдающиеся авторитеты, которые утверждают, что использование приподнятой сцены в таком театре было совершенно неизвестно древним, и что любое подобное развитие могло произойти только в сравнительно недавние времена, под эгидой Рима. Другие настаивают, причем с не меньшей уверенностью, что некое подобие сцены использовалось еще древними греками. Аргументы "за" и "против" разгорались на протяжении нескольких лет, не убеждая ни одну из сторон в их ошибочности. Можно с уверенностью сказать, что американские студенты в целом склоняются к мнению, что такой приподнятой сцены не существовало, соглашаясь с немцами, в то время как английские ученые, как правило, считают, что сцена существовала и использовалась. Как уже отмечалось, мнения простых обывателей в этом случае не имеют большого значения, и я избавлю читателя от своих

собственных, сказав лишь, что в тех немногих репродукциях греческих пьес, которые я сам видел, не было никакой путаницы, вызванной присутствием главных актеров в пространстве "оркестра" вместе с хором, и это тоже без помощи отличительного котурноса, или сандали, чтобы придать главным актерам дополнительную высоту. Исходя из этого, мне кажется небезосновательным утверждать, что если сцена и существовала, то вряд ли она была вызвана острой необходимостью избежать путаницы, как утверждают некоторые; напротив, кажется, что разделение главных актеров на более высоком уровне часто омрачало общий эффект. Такая пьеса, как "Агамемнон" Эсхила, как мне кажется, много потеряла бы от использования возвышенной платформы для тех актеров, которые не входят в хор. На самом деле, в античные времена не было большей необходимости в таком перепаде уровня, чтобы отделить хор от основного состава, чем в наши дни. Древние, однако, стремились отличить главных от хористов, так сказать, добавляя локоть к их росту: они придумали сандали на толстой подошве, которые поднимали их выше обычного роста. Кроме того, они использовали маски, а иногда и механизмы для воздушной игры, а также подземные ходы.

Какие бы выводы ни делал каждый из нас относительно существования или отсутствия возвышенной сцены во времена Перикла, все мы, несомненно, согласимся с тем, что наше современное театральное искусство берет свою номенклатуру непосредственно у грека. Оркестр", который в древнегреческом языке означал круг, в котором танцевали и играли, мы приняли за слово, обозначающее пространство пола, заполненное лучшими местами, и путем еще менее оправданного растягивания смысла мы стали применять его к самим музыкантам. Наша современная "сцена" - это просто старое греческое слово σκηνή (skêné), означающее "шатер", который древние актеры использовали в качестве гримерной. Мраморная или каменная стена разной высоты, пробитая дверями для входа и выхода актеров, называлась греками "проскенион", или сооружение перед сценой, служившее для сокрытия частей, находящихся за кулисами, и добавления фона к действию. Это слово, очевидно, то же самое, что и наше современное "просцениум", хотя его значение сегодня совершенно иное. В древности просценион, вместо того чтобы быть аркой, обрамляющей передний план "сцены", был фоном, или, скорее, нашей современной "каплей" сцены. Будучи постоянным и выполненным из камня, он обычно представлял собой дворец с тремя входами и часто с колоннадой. По обе стороны от просцениона проходили широкие дороги, ведущие в оркестровое пространство, называемое "пародой", по которым хор входил и выходил по случаю, и через которые могли проезжать колесницы. Так, например, в "Агамемноне" герой и Кассандра проезжали через один из parodoi в оркестр, колесницы и все остальное - гораздо более эффектный вход, чем если бы им пришлось подниматься на сцену по лестнице, изображенной на некоторых вазах как используемая для этой цели. Сторона, с которой входил актер, часто имела значение, указывая на то, откуда он пришел - из деревни или с моря. Что касается неприятных сцен, таких как убийства, составляющие мотив трилогии "Орестея", то не лишним будет заметить, что они почти никогда не представлялись на сцене на виду у оркестра или зрителей, а всегда должны были происходить в помещении, причем зрителей оповещали о событиях стонами и объяснениями хора. Обычное театральное представление носило характер религиозной церемонии: алтарь бога находился в центре оркестрового пространства, и жрец служил перед началом спектакля. И, оставляя эту тему, можно добавить, что многие греческие пьесы требовали продолжения, так что они часто шли группами по три, каждая отдельно от другой, но имея отношение друг к другу, не похожее на наши несколько актов одного произведения. Вот и все о греческих театрах в целом и о театре Диониса в частности.

Выйдя из него через железные ворота наверху и погрузившись в лабиринтную массу домов на улице, быстро наткнется на интересный памятник под названием "хорагический памятник

Лисикрата". Это единственный сохранившийся представитель серии постаментов, воздвигнутых победителями на музыкальных или танцевальных праздниках для поддержки треножников в честь их побед. Этот, чрезвычайно изящный, пьедестал сумел уцелеть и до сих пор является предметом красоты, несмотря на несколько пожаров и превратностей, следы которых он хранит. Улица до сих пор называется "Улицей треножников".

ХРАМ ЗЕВСА ОЛИМПИЙСКОГО

Еще несколько шагов - и выходишь из узких переулков на широкие проспекты города, и сразу же сталкиваешься с аркой Адриана, которая стоит в открытом поле через бульвар

Амалии. Она, конечно, откровенно и открыто римская, и не льстит латинскому вкусу по сравнению с греческим. Впрочем, задерживаться долго не стоит, ведь высокие оставшиеся колонны храма Зевса Олимпийского находятся прямо перед ним и достаточно величественны, чтобы сразу же привлечь внимание. Тем, кто предпочитает суровую простоту дорического ордера колонн, коринфские капители не понравятся. Но несколько огромных, обветренных колонн, несмотря на отсутствие крыши и большей части антаблемента, величественны в своем роде, а огромные размеры храма в его первоначальном виде могут служить доказательством того, с каким почтением относились к отцу богов в городе его великой дочери Афины. Более яркая коринфская столица, по-видимому, пришлась по вкусу римлянам, и следует помнить, что этот великий храм, хотя и начатый греками, был завершен во времена Адриана и после начала христианской эры: так что если он разочаровывает в сравнении с более классическими сооружениями Акрополя, это можно отнести скорее к упадническому эллинскому вкусу, чем к недостаткам старого эллинского. Что касается коринфского ордера столицы, то предполагается, что он был придуман одним коринфским скульптором на основе корзины с фруктами и цветами, которую он однажды увидел на стене, возможно, в качестве похоронного приношения. Эта идея вдохновила его на создание условной цветочной корзины с акантовым листом в качестве главной детали, а также на применение того же орнамента для украшения верхушек мраморных колонн, таких как эти.

На северной стороне Акрополя, среди зданий и переулков так называемого "турецкого" квартала, находится несколько фрагментарных памятников, о которых можно сказать лишь пару слов. Самым полным и в то же время самым интересным из этих реликтов, несомненно, является "Башня ветров" - восьмиугольное здание, по форме и размерам не похожее на ветряную мельницу, но первоначально предназначенное для использования в качестве городских часов и бюро погоды. На ее карнизах, чуть ниже верха, вырезаны восемь панелей, обращенных к различным точкам компаса, фигуры в высоком рельефе представляют несколько ветров. Скульптура передает общие характеристики каждого ветра: старик с кислым взглядом приносит снег и бурю; другой, более добродушный, - ласковый дождь; третьи приносят цветы и созревающие фрукты. Когда-то над этим сооружением возвышался флюгер. Неподалеку, среди домов, разбросаны куски старых портиков, иногда с разрушенными колоннами, а иногда вполне совершенные образцы, сохранившие свои педиментальные камни, свидетельствующие о том, что здесь когда-то находились древние рынки или места общественных собраний, в значительной степени относящиеся к позднему, или римскому, периоду. Несомненно, именно в этих окрестностях находилась первоначальная агора, или рынок. В некоторых портиках часто можно было встретить учителей того или иного рода, а в одном из таких "стоа", как нам рассказывают, преподавали философы, которых, судя по расположению их школы, стали называть "стоиками" - от прилагательного, которое сегодня утратило все остатки своего производного значения. От других знаменитых сооружений, которые, как предполагается, находились в этом районе, ничего не осталось, или, по крайней мере, пока ничего не было найдено, хотя, возможно, если убрать некоторые из перегруженных и довольно убогих домов квартала, можно было бы восстановить некоторые остатки этой важной части классического города. Ничего не осталось от древней "агоры", или рыночной площади, на которой, по словам святого Павла, он видел алтарь с надписью "Неизвестному богу". Но Ареопаг, или Марсов холм, где, как предполагается, стоял Павел, произнося свою благородную речь перед афинским народом, все еще сохранился и вполне заслуживает частого посещения. Его древняя слава как места, где судили бога Ареса, или Марса, за его жизнь, и как места обсуждения самых серьезных афинских дел, была усилена известностью, которую он приобрел благодаря красноречивым аргументам апостола, в которых он прокомментировал активность афинского ума и его пристрастие к теологии, что довольно неадекватно выражено в библейском переводе:

"слишком суеверный". Сегодня Ареопаг представляет собой бесплодную скалу, лишенную растительности и каких-либо следов строительства, хотя то тут, то там видны грубо отесанные ступени и грубое выравнивание вершины. От великих событий, происходивших на этом скалистом холме, не осталось и следа. На фоне возвышающегося рядом Акрополя Марсов холм кажется небольшим, но подъем на него с равнины достаточно длинный и крутой. На первый взгляд, это не более чем отрог главной скалы Акрополя, от которой его отделяет небольшая впадина, но он разделяет со священным холмом Афины ту знаменитость, которая делает его объектом внимания каждого вдумчивого посетителя. С его вершины открывается почти лучший вид на закат храмов и Пропилеев Акрополя, после того как хранители последних согнали всех посетителей вниз; И сидя там, когда свет угасает, можно легко погрузиться в задумчивость, в которой могущественные личности древности, от самого Ареса до смертных мудрецов более поздних дней, проходят в величественном обзоре, только чтобы исчезнуть из памяти и оставить красноречивого апостола новой религии, говорящего гражданам, собравшимся вокруг него: "Итак, кому вы невежественно поклоняетесь, того я возвещаю вам." Давайте, если угодно, поверим, что Павел произнес свою звучную проповедь именно "посреди Марсова холма", несмотря на то, что ученые склонны предполагать, что он, скорее всего, стоял где-то в другом месте, "рядом или поблизости", а не "посреди" этого места. Если бы мы не прислушивались к этим иконоборческим теориям ученых, что стало бы со всеми нашими заветными легендами? Путешественник в Греции теряет половину очарования этого места, если он не может стать как маленький ребенок и поверить в правдивость многих вещей, которые, возможно, вряд ли выдержат суровое испытание археологией. И почему бы ему не сделать этого?

АРЕОПАГУС

Призрачными воспоминаниями наполнена и длинная, низкая гряда скал к западу, через широкую аллею, ведущую с равнины к Акрополю, до сих пор носящему свое древнее название "Пникс". В долине между ними лежат свидетельства ушедшей цивилизации: тесные фундаменты старинных домов, возможно, бедняцких, сгрудившихся вдоль древних улиц, линии которых слабо различимы среди руин, а кое-где видны следы старых водотоков и стоков, глубокие колодцы и цистерны, зияющие на глазах у зрителя. Таким образом,

большая часть старого города была восстановлена, так как она лежит на открытом месте и находится вне пределов досягаемости современной линии жилых домов. Над этой массой руин возвышается холм, на котором находилось древнее место сбора горожан - "Бема", или трибуна, с которой произносились речи на общественные темы перед собравшейся толпой. Бема до сих пор стоит на месте, подпираемая стеной из огромной "циклопической" кладки. Любопытно, что сегодня земля отходит от Бемы вниз, а не вверх, как должно быть в хорошем амфитеатре для зрителей, и создается впечатление, что красноречие афинских ораторов должно было буквально пролетать над головами их слушателей. Однако, судя по всему, в древности это было не так, и нам говорят, что раньше топография была совершенно противоположной современным условиям, созданным искусственно с помощью подпорных стен, которые сейчас в значительной степени разрушены. Пока это не выяснено, Бема и ее окрестности представляют собой одно из самых трудных для восстановления в памяти мест в Афинах. Именно со скалистой платформы этой старой трибуны открывается идеальный вид на Акрополь, показывающий идеальное подчинение Пропилеев Парфенону и дающий даже сегодня очень точное представление о том, как выглядел Акрополь и его храмы, какими их видели древние. Счастлив тот, кто может увидеть их в полуденном свете, резко выделяющиеся на фоне непрозрачных облаков, но при этом окрашенные отблесками уходящего солнца. Из всех великолепных руин Греции эта - самая прекрасная и лучшая, - Акрополь с Бемы или с любой точки вдоль хребта Пникса.

Конечно, храм, который называют, хотя, возможно, и ошибочно, Тесеем, - один из наиболее хорошо сохранившихся греческих храмов древности и одна из самых заметных достопримечательностей Афин, после Акрополя и храмов на нем. И все же, несмотря на это, он почему-то не вызывает такого же энтузиазма у рядового посетителя. Почему так происходит, говорить, наверное, опрометчиво, но я подозреваю, что главным образом потому, что Тесей, в конце концов, по сравнению с Парфеноном - довольно бесцветная и неинтересная вещь, лишенная индивидуальности, хотя, несомненно, можно долго искать, прежде чем найти реальные недостатки в его архитектуре или пропорциях. Он просто страдает от того, что его соседи намного грандиознее. Если бы он стоял совершенно отдельно, как храм в Сегесте или как великолепные руины в Ræstum, это было бы совсем другое дело. В таком виде, когда Парфенон смотрит с Акрополя совсем рядом, Тесей неизмеримо теряет в том эффекте, который по справедливости должен оказывать образец античной архитектуры, столь очевидно совершенный. Кажется вполне вероятным, что неспособность этого небольшого храма вдохновить и завладеть вниманием афинских посетителей объясняется затмевающим эффектом его более крупных соседей, которых он слабо напоминает по форме, ничуть не уступая им по красоте, а также отчасти, возможно, неопределенностью его названия. В то, что это действительно был храм Тесея, раннего афинского царя, похоже, уже никто не верит, хотя ни одна удовлетворительная замена, похоже, не является общепринятой. Несомненно, он останется Тесеем на долгие годы, если не навсегда. Тесей, безусловно, заслуживал такого памятника, и не лишним будет предположить, что кости героя действительно были помещены сюда Кимоном, когда он привез их со Скироса. Заслуги Тесея перед городом были велики. Если мы с детским доверием примем свидетельство легенды, Тесей был сыном царя Эгея и Этры, но воспитывался в предположении, что он сын Посейдона в далеком городе Трезене. Когда он вырос, ему дали меч и щит и отправили в Афины, где царем был его отец, Эгей. Спасаясь от отравления Медеей, он появился при афинском дворе, был узнан по своим подвигам и назначен Эгеем своим законным преемником. Он совершил множество героических подвигов, освободил Афины от ужасной дани в виде семи мальчиков и семи девочек, которую платили критскому Минотавру, вернулся с триумфом в Афины и обнаружил, что Эгей, ошибочно приняв значение его парусов, которые были черными, покончил с собой,

бросившись в горе с Акрополя; после этого Тесей стал царем. Он объединил аттические города в единое государство, ввел демократию и великодушно отрекся от большой доли царской власти, разработал хорошие законы и с тех пор пользовался большим уважением в городе, хотя умер в изгнании на Скиросе, куда он удалился из-за временного охлаждения к нему народа. Однако в 469 году до н. э. Кимон вернул его кости, и Тесей стал полубогом в народном воображении. Своей великолепной сохранностью Тесей обязан тому факту, что он, как и многие другие храмы, использовался в качестве христианской церкви, посвященной святому Георгию Каппадокийскому.

ТЕСЕУМ

Бесконечно больший интерес представляет участок Керамикуса, расположенный рядом с Дипилоном, или двойными воротами города, которые выходили на Элевсинскую дорогу с западной стороны города, остатки которой можно легко увидеть и сегодня. Раскопки в этом месте недавно были проведены с особой тщательностью, и были обнаружены некоторые очень интересные фрагменты, погребенные на протяжении всех этих веков в "Фемистокловой стене" города. Напомним, что спартанцы, завидуя растущему могуществу Афин, протестовали против восстановления стен. Фемистокл, который был не только хитрой душой, но и пользовался в то время в Афинах большой популярностью, взял на себя обязательство отправиться в Спарту и сдерживать жителей этого города, пока стены не станут достаточной высоты для обороны. Он отправился в Спарту и, ссылаясь на неприбытие своих коллег-послов, попросил отсрочить начало переговоров о строительстве стены. Проходили дни, а коллеги все не приезжали, к явному беспокойству и отвращению Фемистокла, который по-прежнему утверждал, что они скоро придут. Тем временем все мужчины, женщины и дети в Афинах день и ночь трудились над строительством стен, возводя укрепления для города из всех возможных материалов, не жалея ничего, даже надгробий в районе Керамика, в своем лихорадочном стремлении возвести стены достаточно высокими, чтобы рискнуть напасть. Римский консул не более усердно трудился над разрушением знаменитого моста, а Гораций - над своей задачей, чем Фемистокл в дипломатическом поединке со спартанцами. Наконец новости просочились наружу - но было уже слишком поздно. Стены были достаточно высоки, и все дальнейшие притязания на

отложенное посольство были отброшены. Дипломатия хитроумного Фемистокла восторжествовала - и далеко не в первый раз. Из этой так называемой "Фемистокловой стены" недавно были извлечены некоторые могильные "стелы", или плоские плиты, изваянные в низком рельефе, с тех мест, куда их так поспешно забросили измученные афиняне за четыре с лишним века до нашей эры. Они потрепаны и разбиты, но фигуры на них все еще хорошо видны, и хотя в скульптурном отношении они ничем не примечательны, реликвии обладают несомненным историческим интересом.

Гробницы района Керамикус, составляющие важную часть скульптурных остатков афинского искусства, все еще достаточно многочисленны за Дипилонскими воротами, хотя многие из них были помещены в Национальный музей для большей защиты от непогоды и вандалов. Из тех, что, к счастью, остались *на месте* вдоль того места, где начинался Священный путь в Элевсис, достаточно, чтобы составить представление о внешнем виде этого древнего некрополя, а вся коллекция надгробий представляет собой один из самых интересных и полных экспонатов, которые можно увидеть в Афинах. Совершенство работ обращает внимание на высокий общий уровень мастерства, достигнутый ремесленниками того времени, ведь вряд ли предположить, что эти мемориалы мертвых были делом рук первых афинских художников того времени гораздо чаще, чем это происходит сейчас среди наших людей.

Весь вопрос о греческой надгробной скульптуре является заманчивым, и по нему уже существует значительный объем литературы. Художественное совершенство стел в их высшей степени, причудливость ранних попыток, окончательное регулирование размеров и стиля законом, чтобы предотвратить экстравагантность, частое использование старого камня для подержанных целей, и множество других интересных фактов, вполне могли бы составить целую главу. Но мы вынуждены кратко остановиться на основных моментах и рассмотреть без особых притязаний на подробности главные формы украшения гробниц, сохранившиеся с тех времен, когда всех умирающих добрых афинян хоронили за воротами на Элевсинском пути. Не только высеченные на самих стелах, но и помещенные на них, в огромном количестве представлены рельефы или репродукции длинношеих амфор, или двуручных ваз. Теперь известно, что они имели значение, указывая на неженатое состояние умершего. Это не более и не менее чем репродукции ваз, которые греческие девы носили к источнику Каллирроэ, чтобы воду для брачной ванны, а использование их в надгробной скульптуре, на могилах тех, кто умер без брака, как утверждается, выросло из идеи, что "те, кто умер без брака, имели Аида для своего жениха". Эти вазы больше всего напоминают современные надгробные памятники из всех, представленных в Афинах. Остальные надгробия совершенно не похожи ни по виду, ни по идее на те, что мы привыкли использовать на наших кладбищах, и, по общему мнению, они намного превосходят по красоте наши современные приспособления. Современное кладбище в основном довольствуется тем, что его могилы обозначены с учетом статистики, а не художественного эффекта, за исключением случаев очень богатых людей, которые могут обратиться за помощью к выдающимся скульпторам, чтобы украсить свои участки захоронения. В Афинах, похоже, дело обстояло иначе. На камнях очень мало надписей, кроме имен. Большинство из них представляют собой отдельные панели с барельефами, которые могут быть, а могут и не быть портретами усопших.

НАДГРОБНАЯ АМФОРА, КЕРАМИКА

Обычный тип надгробного рельефа такого рода представляет собой группу фигур, иногда две, иногда три или четыре, очевидно, изображающих проводы, или часто фигуру человека, совершающего какой-то характерный жизненный акт. Известная гробница Хегесо, изображающая женщину в сопровождении служанки, перебирающую пальцами безделушки в шкатулке с драгоценностями, является таким же хорошим типом, как и любой другой, и имеет дополнительное достоинство - она стоит на своем первоначальном месте на

улице гробниц. Других подобных изделий в музее достаточно много. Отвращение древних греков к изображению самой смерти хорошо известно, и многие утверждают, что эти надгробные рельефы свидетельствуют о намерении вспомнить умершего таким, каким он был при жизни, без намека на траур. Тем не менее, очевидные установки скорбного расставания, видимые на многих надгробных стелах, как мне кажется, делают насилие над этой теорией во всей ее силе. Среди тех, которые кажутся наиболее показательными, - очень хорошо выполненная стела, на которой изображены три фигуры: старик, юноша и маленький мальчик. Старик пристально, но отстраненно смотрит на великолепно сложенного, но задумчивого юношу, стоящего перед ним, а юноша, сидящий позади, скорчился в позе, явно свидетельствующей о крайнем горе, и его лицо, очевидно, залито слезами. Спокойное лицо юноши, серьезное и молчаливое горе мужчины отцовского вида и безудержное волнение мальчика - все говорит о расставании, чревато глубокой скорбью. Это может быть любое расставание, но не разумнее ли предположить, что речь идет о расставании, которое не предполагает возврата?

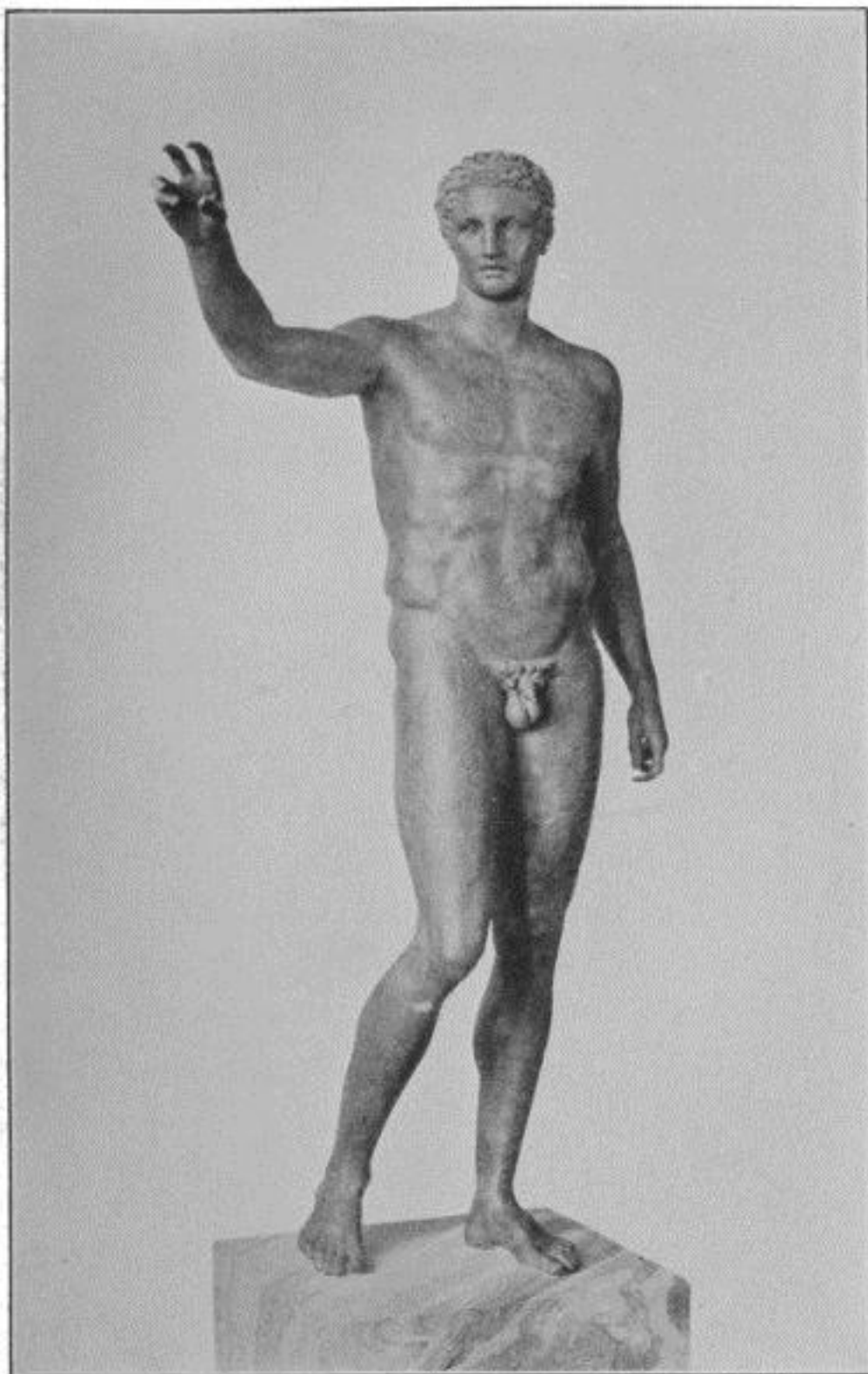
Более архаичные надгробия лучше всего иллюстрируются непривычной скульптурой воина, опирающегося на копье, или хорошо известной маленькой фигуркой Афины, аналогичным образом скорбящей рядом с тем, что кажется надгробием героя. Именно один из первых типов мы видели эксгумированным из стены Фемистокла, с фигурой воина и частями копья, все еще легко различимыми.

НАДГРОБНЫЙ РЕЛЬЕФ, КЕРАМИКА

Осталось рассказать, хотя и очень кратко и без особых подробностей, о самом Национальном музее, который является одной из главных достопримечательностей Афин и делит с Акрополем постоянный интерес и внимание каждого посетителя. Во многих отношениях он не имеет себе равных среди великих музеев мира, хотя в других можно увидеть более красивые и более знаменитые греческие статуи. В Британском музее хранятся мраморы Элгина из Парфенона, которые сегодня предпочли бы вернуть в Афины; в Ватикане - множество бесценных и прекрасных образцов высочайшего греческого скульптурного искусства; в Мюнхене - интересные педиментальные фигуры из храма в Эгине; Неаполь и Париж имеют коллекции, которые нельзя презирать; но нигде нельзя найти под одной

крышей такой широкий спектр греческой скульптуры, от самых ранних попыток найти форму и выражение до самого высокого конечного успеха, как в Афинском Национальном музее, с его бесценными сокровищами из мрамора и бронзы. Богатство статуй, больших и маленьких, причудливо примитивных или властно прекрасных, во всех степенях рельефа и в круглом виде, просто поражает. И хотя это может быть ересью - променять лучшие из мраморных статуй на что-то другое, тем не менее, многие обращают внимание на "бронзового мальчика", как мы будем его называть за неимением лучшего названия, от всех остальных сокровищ этого места. Эта фигура юноши, размером более чем в натуральную величину, слегка приподнятая, словно собирающаяся сойти со своего пьедестала, с вытянутой рукой и, кажется, готовая заговорить, известна гораздо меньше, чем заслуживает, главным образом потому, что прошло всего несколько лет с тех пор, как ныряльщики за губками нашли его на дне океана и вернули на свет. В настоящее время никто не берется утверждать, изображает ли эта великолепная фигура какого-то конкретного героя. Он может быть Персеем, Парисом или даже Гермесом. Его рука свидетельствует о том, что когда-то он сжимал какой-то предмет, будь то голова Медузы, яблоко или кадуцей, сказать невозможно. Но отсутствие крылатых сандалий, похоже, отвергает возможность того, что он был Гермесом, а другие идентификации настолько расплывчаты, что, возможно, лучше называть его просто "эфебом", или юношей. Бронза стала темно-зеленой, а реставрация, которую пришлось произвести, совершенно незаметна, так что внешне статуя так же совершенна, как и в момент ее отливки. Глаза, инкрустированные с непревзойденным мастерством, чтобы имитировать настоящие глаза, превосходят по реалистичности глаза знаменитого бронзового возницы в Дельфах. Более подробное описание этой фигуры приводится здесь не столько потому, что она превосходит другие статуи музея, сколько потому, что она была обнаружена так недавно, что о ней почти ничего не было напечатано для общего распространения.

Национальный музей, Афины
БРОНЗОВЫЙ ЭФЕБУС

Было бы почти бесконечно и совершенно бесполезно пытаться подробно рассмотреть множество предметов общей скульптурной природы, которые содержит музей, - о них написаны целые тома, от самых больших и благородных мраморов до самых маленьких островных жемчужин. Однако не будет лишним вкратце упомянуть о хранящихся здесь трофеях Микен, с репродукциями которых мы познакомились, поскольку позже у нас будет

повод посетить сами Микены и более подробно обсудить этот некогда гордый, но ныне заброшенный город, столицу, которую так прославил Агамемнон. В большой комнате, отведенной для этой цели, можно увидеть сокровища, извлеченные из шести гробниц, предположительно царских, которые были раскопаны посреди микенской агоры, включая множество золотых украшений, кубков, розеток, цепей, посмертных масок, оружия и человеческих костей. Действительно ли доктор Шлиман, как он так горячо надеялся и утверждал, обнажил место захоронения завоевателя Трои, или то, что он нашел, было чем-то гораздо менее значимым, но факт остается фактом: он действительно эксгумировал тела нескольких персон, похороненных в том самом месте, где, по легенде, были погребены знаменитые герои и героини, вместе с таким количеством золотых украшений, что можно с уверенностью утверждать, что это были, во всяком случае, гробницы царственных особ. Если отбросить подозрения, вызванные всегда осторожными археологами, и убедить себя в том, что перед нами, возможно, скелет и меч предводителя аргивян, отправившихся отвоевывать Елену, эта микенская комната представляет собой буквально непреодолимый интерес. Шкаф за шкафом, расставленные по комнате, демонстрируют хитроумно выполненные украшения, которые дали Микенам заслуженный гомеровский эпитет "богатые золотом". От гротескных посмертных масок из тонкого сусального золота до чаш из вафио с глубоким тиснением - все свидетельствует о высоком совершенстве искусства ювелира в догомеровскую эпоху. Из всего этого множества сокровищ главными предметами, несомненно, являются чеканные кинжалы и большие золотые кубки, в частности два, на которых изображены великолепно выполненные золотые быки, и так называемый кубок Нестора, который своей довольно угловатой формой и двойной ручкой в точности повторяет кубок, который, по описанию Гомера, принадлежал этому мудрому и преподобному советнику.

Как уже было сказано, научные археологи, менее увлеченные гомеровским энтузиазмом, чем Шлиман, оказались скептиками в отношении идентификации гробниц, о которых Шлиман так уверенно заявлял при первом обнаружении. Предполагается, что обнаружение шестой гробницы там, где первоначальный раскопщик искал только пять, нанесло ущерб агамемноновской теории. Но какой вред может быть, если мы выходим из микенской комнаты с тайной, хотя, возможно, и невежественной верой в то, что перед нами останки и амуниция того, кто был эпическим героем, жертвой царицы-убийцы, мстителем за честь брата и завоевателем знаменитого города? Это просто еще один из тех случаев, когда человек получает неизмеримое удовольствие, если он может отбросить научные сомнения и пройти через сцену, не испытывая недоверия к героям могущественного прошлого, если не к самим богам с высокого Олимпа. Возможно, это не так; для научного исследователя такое бесхитростное доверие, несомненно, смехотворно. Но если мы заблуждаемся, пусть это будет на нашей совести!

ГЛАВА VII. ЭКСКУРСИИ ПО АТТИКЕ

Как хорошо сказал замечательный Бедекер, пребывание в Афинах, несомненно, является самой лучшей частью посещения Греции, и это не только из-за многочисленных достопримечательностей и удовольствий самого города, но и из-за многочисленных коротких поездок в сторону, которые можно совершить за один день, не оставаясь на ночь. К таким небольшим путешествиям относятся восхождение на Пентелик, чей массивный пик возвышается всего в нескольких милях от города, издавек показывая огромную прореху, сделанную в его боку древними в поисках мрамора для своих зданий и статуй; поездка на поле битвы при Марафоне; несравненная поездка в Элевсис; поездка по железной дороге или по морю в Сунии; и, наконец, но ни в коем случае не в последнюю очередь, плавание в Эгину. В Марафоне нет руин, которые можно было бы показать. Кроме интереса к этому знаменитому месту битвы как к достопримечательности, здесь нет ничего, что могло бы вызвать интерес, если не считать кургана, который отмечает точное место конфликта, имевшего столь важное значение для истории Западной Европы. Ни Марафон, ни Фермопилы сегодня не вызывают ничего, кроме воспоминаний. Но в Сунии, Эгине и Элевсисе есть руины, которые стоит посетить в дополнение к живописной красоте, а в последнем из названных мест настолько переплетены самые высокие и лучшие греческие традиции, что они обладают особым очарованием.

До Элевсиса можно доехать на поезде, но, выбрав этот способ, вы пропустите одну из лучших прогулок в карете, которую можно совершить в окрестностях Афин. Дорога ведет из города через его непритязательный западный квартал, по "улице гробниц" к долине Кефисса, где она повторяет линию старого "священного пути" в Элевсис, по которому в установленные праздники процессия факелоносных посвященных пробиралась ночью к святилищу Деметры. От реки, которая сегодня большую часть года представляет собой просто песчаное русло, гладкое, твердое шоссе постепенно поднимается с аттической равнины к горной стене Парнеса, направляясь прямо к узкому дефиле, до сих пор известному как перевал Дафни. Этот перевал обеспечивает прямое сообщение между Аттической и Триасийской равнинами и, если не считать более высокой долины дальше к северу, через которую проходит Пелопоннесская железная дорога, является единственным проломом в горном барьере. Элевсис и Аттика всегда были так близки - и в то же время так

далеки друг от друга. Когда спартанцы вторглись в регион, Афины не почувствовали тревоги от их близости, пока они не вступили на ее собственную равнину, настолько отдаленной казалась долина вокруг Элевсиса, несмотря на расстояние в десять миль, просто потому, что она была полностью вне поля зрения. Когда карета поднимается по пологому подъему к перевалу, позади простирается равнина Аттики, открывающая вид от Пирея до северных гор, зеленая и приятная, несмотря на отсутствие деревьев, а город Афины доминирует над сценой и обещает прекрасное зрелище на закате, когда вы будете возвращаться с перевала вечером, глядя на величественный Акрополь, сияющий в лучах заходящего солнца.

Остановка на несколько минут на вершине перевала дает возможность выйти из машины и посетить старую церковь, расположенную рядом с дорогой. Когда-то к ней примыкало несколько монастырских обителей, ныне превратившихся в руины. В отличие от большинства греческих церквей, эта обладает причудливым очарованием снаружи, а внутри демонстрирует несколько очень любопытных старинных мозаик на потолке. По обе стороны от дверного проема стоят два дозорных кипариса, их мрачная зелень прекрасно контрастирует с тусклыми коричневыми тонами здания, а через дорогу, на старом дереве, висят колокола церкви. Использование соседнего дерева в качестве колокольни - далеко не редкость в Греции, и это очень красивый обычай. Рощи были первыми храмами Бога; и если они уже не являются таковыми, то, по крайней мере, в Греции, на деревьях все еще звучит колокольный звон, призывающий благочестивых людей к молитве. Внутри здания, в дополнение к причудливым византийским украшениям, можно найти нечто интересное в любопытных votivных приношениях, которые раньше назывались обычными для греческих церквей, подвешенных на алтарной ширме. Благодарность за восстановленные руки, глаза, ноги и т.п., кажется, выражается в том, что в церкви висит небольшая белая металлическая модель пострадавшего органа, который был так счастливо восстановлен. Я полагаю, что привлек внимание к этой практике как к прямому продолжению старого обычая поклонения Асклепию, который находит дальнейшее усиление во многих церквях на западе, например, в Сицилии, где изображения несчастных случаев часто висят в церквях теми, кто был избавлен от телесной опасности и желает увековечить этот факт. В церкви в Дафни Пас мы впервые обнаружили случаи votivных подношений монет, а также анатомических моделей. Я не берусь судить о значении этого, но по аналогии можно предположить, что поклоняющийся воздавал благодарность за облегчение истощенных финансов. Монеты, которые мы видели в этой церкви, были разных номиналов, все из серебра и представляли несколько различных национальных валютных систем.

За церковью по обеим сторонам возвышаются покрытые соснами склоны хребта Парнес, где виднеется привлекательная роща благоухающих деревьев, через которую проходит дорога Дафны. Через короткое время дорога спускается к заливу Саламис, сияющему на солнце прямо у ног, а за ним виднеется возвышенный и обширный остров с бессмертным названием. Проливы настолько узкие, что долгое время Саламис кажется почти частью материка, а входящий в него залив - скорее большим и спокойным озером, чем рукавом безбрежного моря. Каретная дорога на протяжении нескольких миль огибает широкий изгиб залива, а на дальнем краю бухты всегда видна деревня Элевсис - теперь она называется Левсина - издавна обозначенная прозаическими трубами современных фабрик. Он лежит низко на фоне пасторального пейзажа. Шоссе вьется мимо десятка ровных ферм, и можно увидеть по меньшей мере два любопытных соленых озера, которые лежат недалеко от дороги и, как говорят, населены морской рыбой, хотя питаются, очевидно, из внутренних источников. Они находятся выше по уровню, чем залив, и из них идет сильный отток в морские воды. Тем не менее, говорят, что они соленые и поддерживают жизнь в соленой воде.

Элевсис как город не привлекателен. Единственное, на что способен посетитель, - это воспоминания об этом месте и разрушенные храмы, которые находятся в самом сердце самой деревни. Тайна мистерий, несмотря на их широкое распространение среди афинян и других людей, была хорошо сохранена - настолько хорошо, что почти ничего не известно о церемонии и тем более о ее обучении. В общих чертах известно лишь то, что она была связана с поклонением Деметре, богине урожая, и что мистерии каким-то образом касались легенды об изнасиловании Кору (Прозерпины) Аидом (Плутоном). Есть намеки на некоторых жрецов, священные сосуды, символы и обряды, некоторые из которых, похоже, не были лишены грубости, но ничего определенного не известно, и, вероятно, ничего определенного никогда не будет. Общий тон мистерий, по-видимому, был высоким, поскольку не менее авторитетный человек, чем Цицерон, который был посвящен в культ в поздние и упадочные дни греческой нации, считал учения, воплощенные в элевсинских обрядах, высшим продуктом афинской культуры и утверждал, что они "позволяют жить более счастливо на земле и умереть с более справедливой надеждой". Разумеется, никому не разрешалось раскрывать секреты; и хотя посвящение было, по-видимому, открыто для любого, кто хотел бы его получить, так что число посвященных было велико в течение долгих лет, тайна хранилась с большим благоговением, с которым относились к мистериям. Утверждалось, что некоторые из них граничили с легкомыслием, и, возможно, именно это вдохновило дикого и блестящего молодого Алкивиада на бурлеск церемонии, на скандал благочестивых афинян и на свою собственную гибель. Ведь именно суд по этому обвинению отозвал Алкивиад из Сицилии и привел к его позору.

Подход к огромному главному храму необычен тем, что к нему ведет наклонная плоскость, а не ступени. Даже сегодня на этом подходе можно различить следы колес колесниц. Сам храм тоже был необычным, ведь вместо узкой целлы, достаточной только для колоссального изображения божества, здесь был обширный неф и место для большого скопления верующих. С той стороны холма, на котором был построен храм, есть длинная и низкая лестница из тесаных ступеней, возможно, использовавшаяся для сидений, а множество оснований колонн, кажется, утверждают, что это либо второй этаж, либо балкон, а также просторная крыша. Большая часть первоначального здания различима, несмотря на то, что римляне многое добавили; латинская раса, похоже, нашла обряды по своему вкусу, поэтому позаботилась о сохранении и украшении этого места в соответствии со своими представлениями о красоте. Однако если сохранившийся медальон какого-то римского императора, который можно увидеть у входа в Пропилеи, является образцом, то можно с полным основанием сомневаться в эффективности более поздних дополнений к зданиям на месте. Римская Пропилея была построена Аппием Клавдием Пульхером, но если портрет на медальоне - его собственный, то следует заключить, что "Пульхер" - грубая лесть.

Руины обширны, но в основном плоские, так что их интерес как руин почти чисто археологический. Обычный посетитель найдет главное очарование в воспоминаниях об этом месте. Разумеется, на месте руин, как и в любом греческом месте, есть музей. В нем собрано большое количество фрагментов храмов и Пропилеев, фрагментов статуй и барельефов, в основном связанных с Деметрой и сопровождающими ее богинями. Однако самый интересный и совершенный из элевсинских рельефов находится в Национальном музее в Афинах - это большая плита, изображающая Деметру и Прозерпину, дарящих семена кукурузы юноше Триптолему, которому приписывают изобретение плуга. По какой-то причине, несомненно, из-за гостеприимства его семьи, Триптолем завоевал неизменную благосклонность Деметры, которая не только одарила его кукурузой, но и обучила искусству возделывания неподатливого глеба. Вполне вероятно, что Триптолем и Кора участвовали в мистических обрядах в Элевсисе. Что касается смерти с "более светлой надеждой", о

которой Цицерон говорит как о привитой церемониями культа, можно предположить, что она возникла из ранней языческой интерпретации принципа, позднее изложенного в Писании: "Разве что пшеничное зерно упадет в землю и умрет".

Сам Элевсис расположен на невысоком холме посреди фригийской равнины, которая ранней весной представляет собой наиболее привлекательный вид плодородия со всех сторон, что вполне соответствует традициям этого места. С вершины холма, расположенного за большим храмом и музеем, открывается хороший вид на долину в северном направлении и на священный путь, сворачивающий в сторону Коринфа через Мегару. Там, где равнина заканчивается и горная стена снова приближается к морю, эта дорога становится очень живописной, мягко напоминая знаменитую Амальфитанскую дорогу, которая то поднимается, то опускается по склону скалы. Нельзя обойти стороной и тему Элевсиса, не упомянув о многочисленных малышах, резвящихся у руин в сопровождении озабоченных матерей-козочек, далеко не дружелюбных. Дети - достаточно распространенная достопримечательность Греции, и для любителей домашних животных они всегда неотразимы; но нигде они не выглядят так, как в Элевсисе, где они добавляют свою толику привлекательности в происходящее. Взрослый козел далеко не красавец, но по какому-то любопытному распоряжению природы самые уродливые животные, кажется, имеют самых привлекательных молодых, и резвящиеся ягнята и малыши Греции служат тому ярким примером.

Возвращение в город следует начинать в сезон, чтобы застать закат на западном фасаде Акрополя, который особенно эффектен с Элевзисской дороги на всем пути от перевала Дафни до самого города. Что касается Саламиса, который всегда остается в поле зрения, пока не будет пересечен перевал, то достаточно сказать, что, как и Марафон, это место только для воспоминаний. Залив, который виден с Элевсинской дороги, - не тот, в котором произошло великое морское сражение. Она находится на другой стороне, в открытом заливе, и лучше всего видна с моря. Немногие стремятся совершить специальную экскурсию на сам остров, который скалистый и бесплодный, и, в конце концов, главный интерес представляют его ближайшие воды. Рассказ о битве, записанный Геродотом, стоит прочитать на месте, и до сих пор вам покажут скалистый выступ, на котором, как предполагается, Ксеркс поставил свой трон, чтобы наблюдать за битвой, закончившейся столь катастрофически для его кораблей. Битва, кстати, стала еще одним памятником хитрости Фемистокла, который распознал в фальшбортах кораблей "деревянные стены", которые, по словам оракула, спасут Афины, и, увидев, что командиры слабеют, тайно послал персам весточку, призывая их сомкнуться и сражаться. Так и было сделано, и флот, поставленный перед необходимостью вступить в конфликт, проявил себя достойно.

Из других местных экскурсий можно отметить поездку в Марафон, которую легко совершить за один день на карете. Смотреть там особо нечего, кроме равнины, с одной стороны которой возвышаются горы, смотрящие на Марафон, а с другой - море, в значительной степени обхваченное болотами. Лев, некогда венчавший тумулус, исчез, и никто не знает, куда. Однако, с чисто сентиментальной точки зрения, стоять на месте одной из самых знаменитых битв в мире - это уже немало. Некоторые недоброжелательные критики, включая эрудита Махаффи, склоняются к мнению, что Марафон был довольно незначительным событием, если судить по чисто военным стандартам - конфликт одного недисциплинированного войска с еще менее дисциплинированным, в эпоху, когда битвы обычно выигрывались за счет стойкости нервов перед лицом рукопашного боя, а не за счет реальной резни. Эти люди утверждают, что главная слава Марафона зиждется не на его военной славе, а на славе, которую афиняне, литературная раса, принесли ему в песнях и

рассказах. Но даже они вынуждены признать, что Марафон много значил для истории и что психологический эффект от него был огромен, поскольку он показал, что персы отнюдь не непобедимы, так что десять лет спустя Саламин нанес окончательный удар по персидским попыткам на западе. Для тех, кто не желает совершать долгую поездку к самому полю, вполне возможно получить вид на равнину с вершины Пентелика, расположенной примерно в пятнадцати милях, хотя не показывает курган, обозначающий реальное место.

Главная слава этой горы, конечно, связана с большими мраморными карьерами, из которых добывали камень для храмов Акрополя, и именно они, а не вид на Марафон, привлекают альпинистов на знаменитую высоту. Древние каменоломни находятся далеко на склоне, и следы старых резцов все еще хорошо различимы. Трудности, связанные с добычей идеального камня в древние времена, были огромны; но то, что они были преодолимы, очевидно из того факта, что огромные блоки, использованные при строительстве Парфенона и Пропилеи, были обработаны сравнительно быстро, о чем свидетельствует относительно небольшое количество лет, потраченных на их возведение. Кажется вероятным, что камень спускался по желобам со склона горы до того момента, когда его можно было начать перевозить. Естественно, что при этом возникали невидимые дефекты, которые древние могли обнаружить с помощью простукивания молотком. Образцы этих несовершенных блоков можно увидеть лежащими там, где они упали, когда строители их отвергли, не только на дороге у каменоломен, но и на самом Акрополе.

ХРАМ В СУНИУМЕ

До Суніума, знаменитого мыса на оконечности Атического полуострова, можно добраться на поезде по дороге, ведущей к древним серебряным рудникам Лауриума, но поскольку поезда ходят медленно и нечасто, лучше, если есть возможность, спуститься по морю. Так и произошло наше посещение: судно с комфортом высадило нас у подножия мыса, на котором до сих пор стоят несколько колонн древнего храма. Оставшиеся колонны явно белее тех, что стоят на Акрополе, и общий эффект вполне удовлетворяет предвзятым представлениям о греческих руинах. О том, какому именно божеству было посвящено это святилище в древности, ведутся споры, и соперничество идет между традиционными антагонистами - Афиной и Посейдоном, каждый из которых выдвигает правдоподобные

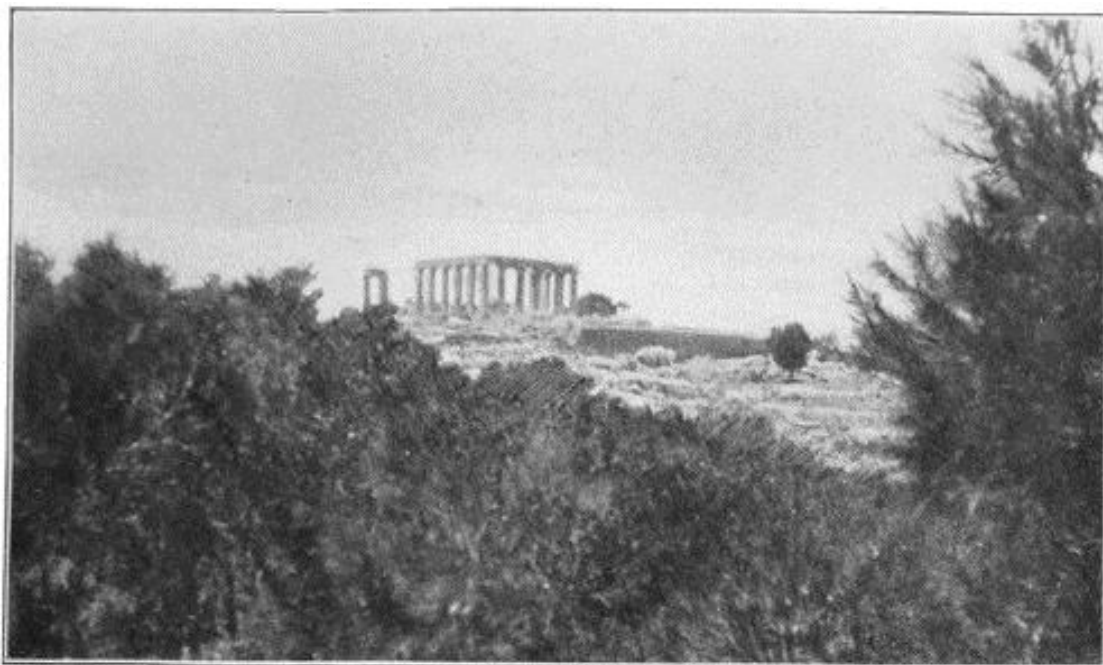
претензии. Как можно решить этот вопрос без еще одного поединка между ними, подобного тому, который, как предполагается, происходил на самом Акрополе и запечатлен Фидием, неясно. Ибо кто будет решать, когда доктора археологии расходятся во мнениях?

Главной архитектурной особенностью храма в Сунииуме является расположение его фронтальных колонн "in antis", то есть включенных между двумя выступающими концами боковых стен. И, кроме того, с сожалением приходится констатировать, что руины храма являются своеобразными свидетельствами современного вандализма, более распространенного в нашей стране, чем в Элладе, а именно - выцарапывания подписей на поверхности камня. Здесь были нацарапаны всевозможные имена - английские, французские, итальянские, американские, греческие, - и самое известное из всех, несомненно, - немытая подпись не менее известного человека, чем сам Байрон! Возможно, однако, что это не совсем его подпись. Возможно, есть отдельные случаи такой низкой формы вандализма и в других местах, но я не припомню ни одного, который мог бы сравниться с объемом изуродованных каракулей, которые можно увидеть в Сунииуме.

Куда прекраснее, чем Сунииум, расположен храм в Эгине, занимающий выгодное положение на большом и возвышенном острове по другую сторону залива, напротив Пирея и, возможно, в шести или семи милях от этого порта. Добираться до него приходится по морю, и он стал частой целью пароходных экскурсий, высаживающихся возле самого храма, а не в далеком городе. В отсутствие парохода можно за небольшую плату арендовать местные лодки и при попутном ветре совершить путешествие через залив за сравнительно короткое время. Из бухты, где обычно высаживаются туристы, храм не виден, так как склоны заросли деревьями, а само святилище находится на расстоянии около двадцати минут ходьбы. Как обычно, можно взять ослон, но они экономят скорее труд, чем время, а прогулка, проходящая через рощу ароматных сосен, отнюдь не тяжела и не утомительна. Запах сосен очень приятен, тем более что после недолгого пребывания в сравнительно безлесной Аттике человек готов с радостью встретить аромат леса. Однако резкий аромат рощи обусловлен не столько сосновой хвоей и шишками, сколько тем, что стволы деревьев простукивают или, скорее, "выжигают" для получения смолы. Почти под каждым деревом можно найти каменные желоба, в которые с мучительной медлительностью сочится сок дерева. Смола, конечно же, идет на изготовление местных вин, которые греки предпочитают ароматизировать этим ингредиентом. Для иностранцев употребление смолистого вина - дело приобретенное. Некоторые торжественно заявляют, что оно им нравится, и даже предпочитают его не смолистому; но обычный человек, не имеющий манеры рождения, заявляет, что оно лишь менее приятно, чем лекарство. Греки утверждают, что смола добавляет полезные свойства винам, а чтобы получить камедь, они погубили бесчисленные сосновые рощи этим процессом, столь очевидным в лесах Эгины, так как вырезанные в деревьях прорехи замедляют рост.

После непрерывного подъема на высоту около мили храм внезапно появляется в поле зрения в обрамлении зеленых ветвей, которые придают картине особую эффектность и заставляют сожалеть о том, что греческие леса в других местах исчезли. Когда-то обычный храм должен был значительно выигрывать за счет своего контраста с листвой окружающих деревьев, но сегодня только храмы в Эгине и Бассе представляют зрителю эту особенность. Храм в Эгине по-разному приписывают Афине и Зевсу Панхеллению, так что, как и в Сунииуме, здесь есть повод для сомнений. Главная особенность заключается в том, что входная дверь, которая, как обычно, находится на восточной стороне, расположена не совсем в центре целлы. Колонны в значительной степени сохранились, но педиментальные скульптуры были вывезены в Мюнхен, так что это место, как и Акрополь, лишилось части своего очарования.

Это очень жаль, потому что педиментальные фигуры Эгинета были очень интересными и давали очень хорошее представление об эгинетском стиле скульптуры раннего периода. Семнадцать фигур, сохранившихся в очень хорошем состоянии, представляют воинов в различных активных позах и несколько задрапированных женских фигур, включая большую статую Афины. Те, кто никогда не видел их в Мюнхене, несомненно, знакомы с гипсовыми репродукциями, которые распространены во всех первоклассных музеях, где хранятся коллекции греческих шедевров.

ПОДХОД К ЭГИНЕ

ХРАМ В ЭГИНЕ

Остров Эгина, большой и гористый, выделяется на фоне залива, в котором он находится. Он находится недалеко от пелопоннесского берега, и из храма открывается великолепный вид во все стороны, не только на горы Арголиды, но и на север, в сторону Коринфа, а в ясный день, говорят, можно разглядеть даже вершину Парнаса. Прямо напротив находятся Афины, с которыми остров долгое время успешно соперничал. Главная известность этого места была достигнута в период его независимого существования, примерно в седьмом веке до нашей эры, и до того, как Афины подчинили его себе. Тогда его заселили колонисты из Эпидавра, обладавшие торговым инстинктом и сделавшие Эгину самым процветающим местом. Считается, что название происходит от имени нимфы Эгины, которую Зевс привез на остров. Выносливые эгинетские моряки сыграли важную роль в битве при Саламине, в которой они предоставили не только людей, но и священные изображения; они были полностью изгнаны со своей земли афинским господством только в 431 году до н. э. После этого известность города уменьшилась и больше никогда не возвращалась.

Остается описать экскурсию, которую мы совершили к северу от Афин в один из дней вскоре после Пасхи, чтобы увидеть крестьянские танцы. Эти празднества проходили в Мениди, они были менее масштабными, чем ежегодные пасхальные танцы в Мегаре, но все же были того же общего типа; и поскольку они представляют собой обычную весеннюю черту аттической жизни, которую стоит увидеть, если вы окажетесь в Афинах в пасхальный сезон, то не будет лишним описать их здесь. До Мегары или Мениди можно легко добраться на поезде, а до Мениди не так уж сложно доехать на карете, поскольку он находится всего в шести милях к северу от Афин, посреди равнины. Возможно, эти танцы являются прямыми потомками древних обрядов, как и многие другие особенности современной православной церкви; но каково бы ни было их значение и история, они, безусловно, предоставляют наилучшую возможность увидеть крестьянство района в их богатейшем парадном наряде, который почти слишком великолепен, чтобы его описывать.

Поездка в деревню по старой северной дороге была пыльной и жаркой, и нас преследовал страх, что танцы могут быть отложены, как это иногда случается. Однако эти сомнения рассеялись, когда Мениди наконец появился в поле зрения, когда мы проехали по волнистой равнине и неожиданно наткнулись на деревню в праздничном наряде, с развевающимися флагами, крестьянскими девушками и сванами в парадных одеждах и улицами, уставленными киосками для продажи сладостей, сирийского арахиса, фисташковых орехов, лукуми и того, что торговец из Новой Англии назвал бы "понятиями". В самом деле, все это напоминало ярмарку в графстве Новая Англия, за исключением роскошных костюмов. Улицы были заполнены людьми, и все находилось в приподнятом настроении. Что все это значило, мы так и не узнали. От местных жителей мы узнали противоречивые сведения: одни утверждали, что это церковный праздник, другие - что нет; но все сходились на том, что он никак не связан с праздником Пасхи, хотя и отмечается примерно через пять дней после него. Другие упоминали о том, что к этому празднику имеет отношение весна, - предполагая возможное языческое происхождение. Это мнение получило окраску благодаря энергии, с которой похотливые молодые люди манипулировали городским насосом на деревенской площади, заставляя его извергать обильную струю на значительное расстояние, - представление, от которого зрители приходили в неослабевающий и беспредельный восторг. О том, что праздник не лишен религиозного значения, можно было судить по открытой церкви, в которую то и дело входили и выходили благочестивые люди, каждый из которых получал тонкий желтый огонек, чтобы зажечь его и поставить в огромный многостворчатый канделябр. Вскоре их стало так много, что священники сняли старые и бросили их в кучу внизу, чтобы освободить место для свежих свечей. Те, кто опускал монетки в крестильную купель у дверей, получали в награду окропление водой от прислуживающего

священника, который постоянно окунал в купель розу и тряс ею над теми, кто искал этой особой формы благословения.

Снаружи площадь была заполнена веселящимися людьми, некоторые танцевали в торжественной греческой манере - в кругу с руками, положенными друг другу на плечи, медленно двигаясь по кругу под монотонный вой кларнета. Другие сидели под навесами и пили кофе, и на такой курорт нас вежливо проводил местный капитан жандармерии, с которым мы познакомились в Афинах и который оказался душой гостеприимства. Здесь мы сидели и пили вкусный густой кофе, запивая его неизбежным огромным стаканом воды, набранной со скалистых склонов Парнеса, и наблюдали за танцующими и проходящими мимо толпами. Одежда мужчин редко бросалась в глаза. Многие из них носили европейскую одежду, как у нас, хотя то тут, то там можно было увидеть одного в национальном костюме - в полной белой юбке, облегающих леггинсах, кожаном кошельке и куртке зуава. Но женщины представляли собой видения несравненного великолепия. Их одеяния были в основном белыми, но юбки были украшены богатейшей шерстяной вышивкой, тяжелой и толстой, простиравшейся на несколько дюймов вверх от нижнего подола, в изобилии насыщенных красных, синих и коричневых цветов. Сверху были надеты фартуки, украшенные аналогичным образом. Но больше всего впечатляли безрукавки или пальто, такие, как мы видели и обсуждали в Сапожном переулке, - пальто из белого материала, окаймленные темно-красной каймой и украшенные затейливыми узорами из золотого кружева и золотой тесьмы. Они были бесконечно прекраснее, чем те, что мы видели в афинских магазинах, и придавали сцене поистине варварское великолепие. В довершение всего девушки носили плоские чепцы, украшенные золотым кружевом и монетами, что создавало эффект короны, струящиеся вуали, которые не скрывали лица, а ниспадали на плечи, а на груди у многих красовался целый клад золотых и серебряных монет в виде браслетов - их приданое, как объяснили. Большинство этих молодых женщин были обручены, как выяснилось, и обычай диктовал им этот парад брачной части, который является немаловажной частью греческого свадебного убранства. Манжеты полных белых рукавов были расшиты, как и передники и низ юбки, и весь эффект был таким, что не поддается адекватному описанию.

КРЕСТЬЯНСКИЕ ТАНЦОВЩИЦЫ В МЕНИДИ

Одна прекрасная девица, чьи друзья просили нас сфотографировать ее, проворно скрылась во дворе, но была вытащена оттуда гордым молодым кавалером, который объявил себя ее суженым и настоял на том, чтобы она волей-неволей позировала для фотографии, что она и сделала, дружелюбно присоединившись к общему веселью и взяв с нас обещание сделать отпечаток, когда картина будет готова. Как только лед был сломан, все крестьянское население охватило желание сфотографироваться, и только начало большого танца растворило шумную толпу.

Танцы проходили на широкой ровной площадке к востоку от города, около которой уже собралась толпа. Нас проводили туда и должным образом представили демарху, или мэру, который предоставил нам свободу города и гостеприимство своего дома, если нам это понадобится. Он был красивым мужчиной, одетым в черное пальто с разрезом и другую одежду явно цивилизованного характера, что выглядело в этой обстановке весьма неуместно, как и его собственное лицо, которое было ярко выраженным гибернийским и сразу же завоевало для него прозвище "О'Салливан". Его пребывание у нас было недолгим, поскольку должны были начаться танцы, и ничего не оставалось делать, как мэру вести первые два круга. Это он сделал с большим изяществом, хотя нам сказали, что он не жаждал этой задачи и сделал ее только потому, что если он откажется, то голоса на следующих выборах достанутся другому претенденту. Танец был достаточно прост: просто торжественное кружение вокруг длинной процессии этих великолепных девиц, насчитывающей, возможно, сотню или больше, рука об руку и в такт музыке причудливого оркестра, состоящего из барабана, кларнета и своеобразного пенни-свистка. Демарх танцевал лучше всех, а после двух величественных кругов по зеленой территории покинул круг и наблюдал за представлением в свое удовольствие, его лицо светилось сладостным сознанием политической безопасности и верно выполненного долга.

Как долго продолжались танцы, мы так и не узнали. Вечер должен был ознаменоваться фейерверком, каркасы для которого уже были готовы и поражали великолепием, соответствующим костюмам виновников торжества. Насытившись зрелищем, мы вернулись в карету, нагруженные цветами, фисташковыми орехами и бусами, подаренными нам местным гостеприимством, и поехали домой через равнину, чтобы быть вознагражденными прекрасным закатным сиянием Парфенона как достойным завершением самого необычного и приятного дня.

ГЛАВА VIII. ДЕЛЬФИ

Паломничество в Дельфы, которое раньше было сопряжено со значительными трудностями и неудобствами, теперь, к счастью, таковым не является. Правда, греческие пароходы, курсирующие между Пиреем и Итеей, ближайшим к древней святыне портом, все еще оставляют желать лучшего, и на них никак нельзя положиться в плане соблюдения расписания; но, если не считать этой незначительной трудности, ничто не мешает обычному посетителю совершить это путешествие, которое является далеко не самым лучшим из всех обычных коротких прогулок по Греции, не только из-за большой известности самого места, но и из-за впечатляющих живописных достопримечательностей Дельф. Старый недостаток - отсутствие приличного жилья в самих Дельфах, а точнее, в современной деревне Кастри - был устранен наличием двух трактиров, правда, довольно ограниченных по вместимости, но все же предоставляющих вполне сносное жилье. Действительно, по слухам, самый новый из этих крошечных хостелов является одним из лучших в Греции за пределами Афин, а другой причудливый курорт, принадлежащий и управляемый любезным Василием Параскевасом, одним из "местных героев" этого места, уже давно пользуется уважением среди эллинских посетителей. Василий, по внешнему виду почти такой же грозный, как древний Полифем, но во всем остальном такой же нежный, как сосущий голубь, почувствовал силу конкуренции, и его реклама легко конкурирует с рекламой отеля "Сесил". На самом деле заведение восхитительно примитивно, кажется, что оно шатко висит на самом краю глубокого оврага, который находится прямо под возвышенными Дельфами, и может похвастаться несколькими небольшими комнатами и даже обещанием ванны, хотя Василий был вынужден признать, что его реклама в этом отношении была чисто перспективной и скорее указывала на намерения, чем на реальность.

Истинно отважные могут по-прежнему добраться до Дельф по древней дороге по суше с востока, несомненно, по той самой, по которой ехал старый царь Лайос, когда был убит на пути к оракулу, не подозревая о родстве, своим собственным сыном *Œdipus*, - возможно, из-за спора о том, кто должен уступить дорогу. Ведь старая дорога была узкой, с глубокими колеями, пригодной для одной колесницы, но часто приводившей к ссорам, когда на пути встречались два таких надменных духа. Приехать в Дельфы по этой дороге и уехать морем - несомненно, идеальный план. То, что мы решили не отправляться в путешествие по суше, объясняется ранней весной, когда на плече Парнаса, вокруг которого вьется дорога, лежит снег. Говорят, что для тех, кому не мешает сезон, путешествие по суше из Ливадии в Дельфы, проходящее через крошечную деревушку Арахова и, возможно, проводящее ночь под открытым небом на Парнасе, стоит того, чтобы потрудиться, и оправдывает расходы на курьера и лошадей, которые необходимы.

Путь, который мы выбрали, не только бесконечно проще, но и далеко не лишен интересных особенностей. Мы отплыли ранним вечером из Пирея, проплыли по гладкому морю мимо Пситалеи и знаменитых вод перед Саламином до Коринфа, где канал оказался достаточно широким, чтобы наше маленькое суденышко могло проплыть по нему до залива. Мы вошли в этот необычный канал уже в сгущающихся сумерках, но все же было достаточно светло, чтобы разглядеть всю длину канала, вдоль глубоких берегов которого слабо светили электрические лампы, неэффективно освещая буксирный путь по обе стороны. Стены возвышались над водой, местами до двухсот футов, и никогда не были очень низкими, превращая эту четырехмильную ленту воды между узкими морями в мрачную пещеру. Она была достаточно широкой для одного судна размером с наше, что напоминало сухопутное шоссе в Дельфы; но, к счастью, благодаря системе семафорных сигналов ни один *Œdipus* не оспаривал у нас дорогу, и мы стремительно промчались по каналу, между возвышающимися скальными стенами, под косым железнодорожным мостом, перекинутым через него в конце Коринфа, и вышли в залив. Этот проход по каналу довольно хорошо управляем. Всем было

приказано убратся с носа, трое мужчин нервно стояли у руля, а штаб домкрата был сосредоточен на яркой линии, которая отдаленно обозначала проем между обрывистыми сторонами расщелины, линии света, которая постепенно расширялась, открывая другое море и другую землю по мере того, как мы приближались и смотрели с нашей прямой и узкой водной дорожки на Коринфский залив за ее пределами. Великолепие открывающейся перспективы трудно преувеличить. По обе стороны узкого залива высились громадные горы, северная линия вершин которых доминировала над снежным куполом Парнаса, а южная - над Килленом, также покрытым белизной. Они были призрачны в темноте, которую лишь немного разбавляла луна, неясно светившая с пасмурного неба. Коринфский залив достаточно красив с железной дороги, идущей вдоль него до самых Патр, но еще красивее он вдали от моря, откуда видны сразу обе стороны во всем великолепии их крутых серых гор. К счастью, ночь была спокойной, и залив, который может быть таким же плохим, как Ла-Манш в худшие времена, был гладким, когда мы отчалили от маленькой гавани современного Коринфа и взяли курс на мысы у Итеи, примерно в сорока милях от нас. И вот мы отправились на покой, пароход уверенно шел всю ночь, а по правому борту возвышался Парнас.

С рассветом корабельную компанию разбудил энергичный свисток. Судно стояло на якоре у Итеи, звездной деревушки, которую совсем не хвалят те, кто был вынужден попробовать ее скудные условия для ночлега. К счастью, теперь нет необходимости полагаться на них, ведь до Дельф можно доехать за несколько часов, а в лунную ночь поездка, хоть и прохладная, но, как говорят, очень приятная. Прибыв на рассвете, мы были лишены этого удовольствия и сразу же после приземления отправились из деревни, чтобы преодолеть девять миль до Кастри. Некоторые ехали в каретах или рессорных телегах, которые в народе называют "сустас", другие - на мулах, а третьи шли пешком. Уже издалека мы увидели деревню, примостившуюся на склоне предгорий Парнаса, которые круто поднимаются примерно в трех милях от нас по ровной равнине. Равнина оказалась восхитительной. С обеих сторон ее окаймляли скалистые утесы, а все дно было засажено оливковыми деревьями, через огромные рощи которых неторопливо пролегала дорога. В траве большого фруктового сада журчал ручеек, а зелень травы была усыпана бесчисленными анемонами и другими дикими цветами в изобилии. Далеко позади нас возвышались Пелопоннесские горы, а впереди возвышались запретные скалы, закрывающие Дельфы. Над далекой Кастри всегда возвышалась высокая вершина Парнаса, несколько приниженная близостью и потому несколько разочаровывающая тех, чьи предвзятые представления об этой классической горе требовали великолепного уединения, но все равно впечатляющая.

РАВНИНА ПОД ДЕЛЬФИ

Естественно, на этой длинной и ровной равнине кареты вскоре проехали мимо нас и исчезли в холмах впереди, в то время как пешеходная тропа покинула шоссе и смело устремилась в оливковую рощу в общем направлении на Дельфы. Когда она достигла основания резкого подъема на склон горы, то пошла прямо вверх, оставив дорогу искать свой более постепенный путь зигзагами и детурами, - такими длинными, что вскоре выяснилось, что кареты, которые так давно отделились от нас, в свою очередь сместились и впоследствии были замечены поднимающимися по крутому склону позади нас! По мере того как мы поднимались и смотрели вниз на равнину, вид сзади становился все более прекрасным. Она ничем не напоминала море зелени, оливковые деревья текли в нее с возвышенностей, как река, и заполняли ее от берега до берега. Неудивительно, что древние считали эту равнину землей, за которую стоило сражаться.

Несмотря на то что снега Парнаса были так близко, подъем был теплым. Каменистые склоны холмов отдавали тепло апрельского солнца, хотя было пасмурно, и продвижение становилось все медленнее, отчасти из-за тепла, а в большей степени из-за все возрастающего великолепия открывающегося вида. Тропа все время вела на восток, в узкое ущелье между двумя массивными горами, которое сужалось и сужалось по мере подъема. Вскоре мы миновали придорожную деревушку, расположенную на полпути вверх по дороге, обменялись приветствиями с ее жителями, которые оказались дружелюбными людьми, готовыми помочь нам на пути в Дельфы, и быстро вышли из гнезда зданий на тропу, а Кастри все время оставалась впереди и выше, и казалась такой же далекой, как всегда. Как мы выяснили, сегодня было Вербное воскресенье, и жители крошечной деревушки несли веточки зелени, которые они нам протягивали и которые, как выяснилось позже, имели скорее политическое, чем религиозное значение, поскольку это был не только день триумфального въезда Господа, но и день закрытия всеобщих выборов.

Восхищение зеленой и плодородной долиной позади сменилось благоговением перед мрачными ущельями и возвышающимися над ними жуткими скалами, сквозь которые, как

темные дымовые трубы, пробивались глубокие расщелины в скале, мрачные и таинственные и, несомненно, способные благоговение в древнем сознании, усиливая тем самым впечатление от навеянной богами Дельфы. Слева гора круто и возвышенно поднималась в синеву; справа скала резко уходила от тропы в темные глубины оврага, а рядом другой ее стороной снова возвышалась соседняя гора, замыкавшая эту все сужающуюся теснину.

Наконец после трехчасового карабка по скалам мы добрались до Кастри и обнаружили, что это бедный городок, усыпанный лачугами, но, как и гора Сион, прекрасный по расположению. Журчащий ручей, питаемый источником наверху, пересекал единственную улицу и терялся в глубине оврага внизу. По обеим сторонам возвышались отвесные скалы, а перед нами долина огибала уступ горы и, казалось, смыкалась полностью. Кастри не всегда занимал это место, когда-то он стоял дальше за острым углом горы, прямо над древним святилищем; и французским раскопщикам, обнажившим древние места, пришлось силой и оружием перенести деревню, прежде чем можно было приступить к работе, - задача, которая была выполнена с немалым трудом, но по завершении позволила исследовать то, что когда-то было самым известным из всех языческих религиозных святилищ. Любопытно, что восстановление храмов в Дельфах оказалось в руках французов, потомков тех самых галлов, которые за много веков до этого разорили святилища и сокровищницы Локсии. Мы остановились у Василия, чтобы попробовать мастику - местный ликер, напоминающий анисет, очень освежающий в теплый день, - а затем отправились к руинам, которые лежат в нескольких минутах ходьбы дальше по склону горы.

Ничто не может быть более впечатляющим, чем перспектива, открывшаяся перед нами, когда мы спустились к самому знаменитому месту. С этой точки не было видно никакого выхода из великой долины, потому что ущелье петляло среди скал, которые возвышались высоко вверх и опускались далеко внизу к основанию скалистой долины. Человеческого жилья здесь нет. Кастри уже скрылся из виду. По обочинам дороги и на более пологих склонах оврага внизу можно было встретить оливковые деревья, а кое-где и самолеты. За ним, через таинственные извивы дефиле, пролегает дорога на Арахову. Именно здесь находилось самое знаменитое святилище Аполлона, обитель его доверенных жриц, одаренных пророчеством; и не могли найти поклонники древности более подходящего места для оракула, чем эта мрачная горная лощина, где природа сговорила сама с собой, чтобы покорить человечество своим величием.

По легенде, Аполлон, родившийся, как известно всему миру, на далеком Делосе, перенес свою главную резиденцию в Дельфы сразу после того, как совершил подвиг, убив питона. Говорят, что после этого подвига он прыгнул в море, где принял облик огромного дельфина (дельфиса), и в этом обличье направил курс проплывающего мимо критского корабля к месту высадки в Итее, или Криссе. Там, внезапно вернувшись к своему облику прекрасного юноши, он повел удивленную команду корабля от берега к нынешним Дельфам, провозгласил себя богом и убедил моряков остаться там, построить храм и стать его жрецами, назвав это место "Дельфами". Традиция также просит нас поверить, что на этом месте существовала пещера, из которой выходили пары, оказывающие особое воздействие на человеческий разум, вызывая у тех, кто вдыхал их, оцепенение, в котором жертва бредила, произнося слова, которые считались пророческими. Над этой пещерой, если она существовала, был возведен храм, и в нем жрица, сидя на треножнике, где она могла вдыхать пары, давала свои ответы просителям, которые корпус жрецов позже перевел в гексаметрические стихи, имеющие видимость смысла, но обычно настолько двусмысленные, что допускают более чем одно толкование. Рассказывают всевозможные истории о воздействии на питонессу отравляющего газа - как она корчилась в

неконтролируемой ярости, как у нее поднимались волосы на голове, когда она изрекала невразумительную тарабарщину, и так далее; истории, хорошо рассчитанные на то, чтобы произвести впечатление на доверчивую расу, "сильно отдающуюся религии", как мудрено заметил святой Павел. Если такая пещера и существовала, то она исчезла, возможно, заваленная обломками руин или закрытая землетрясением. Возможно, пещеры вообще никогда не было. В любом случае чудеса дельфийского оракула, несомненно, объяснялись, как это всегда бывает, совершенно естественными фактами. Было отмечено, что корпус жрецов, постоянно посещаемый людьми со всех концов древнего мира, был, вероятно, самым информированным на земле, а совокупность полученных ими знаний настолько превосходила знания простых смертных и настолько превышала средний уровень понимания, что то, что было совершенно естественным, легко превращалось в чудо. И без того благоговейному подателю, предрасположенному к вере и впечатленному чудесным природным окружением этого места, не составляло труда выдать эту всемирную информацию за вдохновенную истину. Отсюда несложно было сделать шаг вперед, особенно для таких умных людей, какими, по-видимому, были жрецы, чтобы начать предсказывать будущие события, основывая проницательные догадки на уже имеющихся данных - и эти догадки принимались поклоняющимся с полной верой как пророчество, данное богом. В качестве дополнительной защиты жрецы часто передавали свои предсказания в двусмысленной форме, как, например, в знаменитом ответе, посланном Крёзу, когда тот спросил, стоит ли ему предпринять экспедицию против Кира: "Если Крész нападет на Кира, он разрушит великую империю". Такие ответы, конечно, устраивали просителя, поскольку допускали льстивое толкование; и только после испытаний Крész узнал, что "великая империя", которую ему суждено было разрушить, была его собственной. В других случаях догадки, не облеченные в двусмысленную форму, приводили к печальным последствиям - как в случае, когда пифия, взвесив вероятности и несомненно полагая, что боги всегда на стороне самых тяжелых батальонов, посоветовала афинянам не надеяться победить вторгшихся персов. Такая ошибочная оценка была естественной для осведомленных людей, и весьма вероятно, что на нее отчасти повлияли подарки персидского царя, ведь такое искажение оракула было далеко не редкостью. Фактически это привело к окончательной дискредитации оракула, и вскоре святилище перестало почитаться как источник добрых советов. Тем не менее на протяжении многих сотен лет он пользовался беспрецедентным почитанием всего древнего мира. Паломники приезжали и уезжали. Города и государства хранили там богатые сокровищницы, на которых была основана значительная банковская система. Игры в честь пифийского Аполлона проводились на стадионе, который до сих пор можно увидеть высоко на склоне горы над обширными руинами священного участка. Храм за храмом возникали вокруг великого главного святилища бога. Даже далекий Книд воздвиг сокровищницу, а победоносные державы устанавливали там трофей за трофеем в битвах, выигранных на суше или на море - вежливость того времени не позволяла упоминать ни одну эллинскую жертву по имени.

ДЕЛЬФИЙСКАЯ ДОЛИНА

Все эти останки были терпеливо вскрыты и кропотливо идентифицированы и обозначены с помощью объемистых трудов святого покровителя путешественников Павсания. Работа велась под руководством эрудированной французской школы, и современный посетитель, ознакомившись с планом в путеводителе и получив помощь от многочисленных путеводных столбов, установленных на этом месте, легко найдет дорогу. Одно из зданий, "сокровищница афинян", небольшое сооружение размером с храм Nike Аптерос, сейчас "восстанавливается" раскопщиками, но с довольно сомнительным успехом. Если не считать этого случая, руины в основном можно восстановить только в воображении по видимым планам и валяющимся повсюду фрагментам. Однако в музее, расположенном неподалеку, некоторые дробные реставрации в помещении позволяют составить очень хорошее представление о внешнем виде по крайней мере двух древних зданий.

Пространство и предполагаемый объем этого повествования не позволяют подробно рассказать о многочисленных руинах, расположенных вдоль зигзагообразного маршрута старого "священного пути". Благодаря способностям французской школы у посетителя не остается сомнений в идентичности зданий, и путник, хотя и не археолог, не должен заблуждаться. Можно, однако, мимоходом отметить любопытную многоугольную стену из кривых камней, до сих пор стоящую вдоль части пути и сохранившую остатки колоннады с надписью, указывающей, что когда-то здесь был установлен трофей афинян - возможно, клювы покоренных кораблей. Конечно, центром и душой всего участка был великий храм Аполлона, ныне совершенно плоский в руинах, но когда-то это было поистине грандиозное сооружение. Алкмеониды, заключившие контракт на его строительство, удивили и порадовали всех, построив лучше, чем того требовали условия договора, снабдив храм мраморными завершениями и педиментальными украшениями, когда по букве контракта можно было бы обойтись местным камнем. Так проницательная семья, временно находившаяся в немилости в Афинах, вновь обрела уважение!

Как бы ни было легко и правдоподобно объяснить обычные подвиги оракула в Дельфах как совершенные чисто природными средствами, иногда случались чудеса, которые и в наши дни сочли бы чудесными - при условии, что в первоначально рассказанных историях есть хоть доля правды. Самым заметным примером является случай, в котором фигурировал Крёз. Этот богатый монарх был крайне неравнодушен к оракулам и обычно обращался к ним перед любым серьезным делом. В данном случае он задумал экспедицию против Кира - ту самую, которую он в итоге предпринял из-за загадочного ответа, о котором мы уже говорили, - и предпринял чрезвычайные приготовления, чтобы убедиться, что совет, данный ему, заслуживает доверия. При всей своей доверчивости Крёс был склонен к хитрости и предложил проверить силу более известных прорицательских святынь путем небольшого эксперимента. По словам Геродота, он отправил разных людей к различным оракулам в Греции и даже в Ливии: "одних в Фокис, других в Додону, третьих к Амфиару и Трофонию, четвертых в Бранхидею в Милии, а пятых в Аммон в Ливии. Он отправил их разными путями, желая проверить, что знает оракул, чтобы, если окажется, что они знают правду, послать во второй раз, чтобы узнать, стоит ли ему решиться на войну с персами. Он отдал им следующие распоряжения: Вычисляя дни с момента отплытия из Сард, они должны на сотый день обращаться к оракулам, спрашивая, что делает в это время Крёс, сын Алятты. Ответ они должны были принести в письменном виде. О том, какие ответы давали другие оракулы, никто не упоминает; но не успели лидийские послы войти в храм в Дельфах и задать вопрос, как пифия гекзаметром произнесла: "Я знаю число песков и меру моря; я понимаю немного и слышу того, кто не говорит; аромат черепахи в твердой оболочке, сваренной в меди с мясом ягнят, поражает мои чувства; под нее кладут медь, а поверх нее - латунь". Из всех ответов, открытых Крёзом, ни один не удовлетворил его, кроме этого. И когда он услышал ответ из Дельф, то преклонился перед ним и одобрил его, и был убежден, что дельфийская питонесса - настоящий оракул, потому что только она одна истолковала то, что он сделал. И когда он разослал своих гонцов к нескольким оракулам, ожидая назначенного дня, то, подумав о том, что невозможно обнаружить или угадать, прибегнул к следующей хитрости. Он разрубил черепаху и ягненка и сам сварил их вместе в медном котле, а сверху накрыл медным покровом"^[(1)].

Таким образом, в одном случае оракул, как предполагается, совершил подвиг, который мы сейчас называем телепатией, и который, если бы он действительно произошел, не мог бы быть объяснен никаким другим способом. Этого было достаточно, чтобы утвердить Дельфы как святыню, которую следует почитать, в сознании Крёза, и, чтобы умиловить бога, он послал ему великолепные дары. И поскольку они могут дать некоторое представление об огромных богатствах этого места в прошлые века, будет хорошо рассказать о том, что, как предполагается, прислал Крёс. Геродот сообщает, что он совершил грандиозное жертвоприношение, в пламени которого расплавилось невероятное количество золота и серебра. "Из расплавленного таким образом металла он отлил полукирпичи, которых самый длинный был длиной в шесть ладоней, самый короткий - в три; а по толщине каждый был в одну ладонь. Их было сто семнадцать. Четыре из них, из чистого золота, весили по два таланта с половиной. Остальные кирпичи из бледного золота весили по два таланта каждый. Он сделал также фигуру льва из чистого золота, весом в десять талантов. Этот лев, когда храм в Дельфах сгорел, упал со своего постаменты из половинок кирпичей, так как был поставлен на них. Теперь он лежит в сокровищнице коринфян и весит всего шесть талантов с половиной, потому что три таланта с половиной были выплавлены из него в огне. Закончив эти вещи, Крёс отправил их в Дельфы, а вместе с ними и следующие: две большие чаши - золотую и серебряную. Золотую поставили справа при входе в храм, а серебряную - слева; но их убрали, когда храм горел, а золотую чашу поставили в сокровищнице Клазомен; а серебряная, содержащая шестьсот амфор, стоит в углу Пропилеев и используется для

смешивания вина в праздник Феофании. Делийцы говорили, что это работа Феодора Самийского, что, вероятно, правда, так как это была не обычная работа. Он также прислал четыре серебряных бочонка, которые также находятся в коринфской сокровищнице; и он посвятил две люстровые вазы, одну из золота, а другую из серебра. Спартанцы утверждают, что золотая ваза была их подношением, так как на ней есть надпись "От лакедемонян"; но это неверно, так как ее подарил Крёс. Он послал много других подношений, среди них несколько круглых серебряных крышек, а также золотую статую женщины высотой в три локтя, которая, как говорят дельфийцы, является изображением пекарихи Крёза. И ко всему этому он добавил ожерелья и опоясания своей жены"⁽²⁾.

Таков рассказ Геродота о дарах царя, считавшегося самым богатым из всех древних монархов. В ответ на свои дары он получил ответ, что "если Крёйс начнет войну с персами, то разрушит могущественную империю". Это так обрадовало Крёза, что он послал еще больше даров, "дав каждому из жителей Дельф по два статера золота". На дальнейший вопрос о том, как долго ему суждено править, он ответил: "Когда мул станет царем мидийцев, тогда, лидиец с нежными ногами, беги через галечный Гермус; не медли и не красней, как трус". В этом высказывании еще меньше загадок, но, тем не менее, Крёс дожил до того дня, когда человек, которого он считал "мулом", стал правителем Мидии, и увидел, как разрушилась его собственная могущественная империя. Случай с Крёзом во многом типичен для отношения древних к оракулу - их вера в то, что он вдохновлен, и их частые попытки склонить его к благосклонности с помощью великолепных даров. Конечно, не каждый мог сделать такие подношения, как Крёс. Но подарки, сложенные в зданиях священного участка, должны были иметь огромную ценность, а созерцание их было несколько подавляющим. Кстати, недавно были опубликованы оценки, согласно которым богатство Крёза, измеренное по нашим современным стандартам, составило бы всего около 11 000 000 долларов.

Несомненно, трепетное отношение к этому месту в основном защищало сокровища от кражи. Когда Ксеркс вошел в Грецию и приблизился к святилищу, жители предложили закопать ценности в землю. Однако Фибус, выступая через жрицу, запретил это делать, сказав, что "он в состоянии защитить свои собственные". Так оно и оказалось на самом деле, ведь приближающиеся войска были потрясены видом священного оружия бога, перенесенного, очевидно, сверхчеловеческим способом из оружейной внутри храма на ступени снаружи. Более того, пока захватчики приближались по долине, где до сих пор стоит храм Афины Пронойи, разразилась буря, и с нависающих сверху скал рухнули два огромных утеса, убив некоторых и деморализовав остальных. Из храма Афины раздался боевой клич, и делийцы, воодушевившись этими чудесами, спустились с холмов и уничтожили многих бегущих медяков.

Самой успешной попыткой исказить и испортить оракул, по-видимому, была попытка Алкмеонидов, которые упоминаются как строители великого храма после его разрушения огнем. Они были изгнаны из Афин Писистратидами и во время своего изгнания заключили договор с Амфиктионами о восстановлении великого святилища Аполлона. То, что они импортировали парийский мрамор для фасада здания, в то время как контракт мог быть удовлетворен камнем из Пороса, кажется, было не столько бескорыстным поступком, сколько попыткой завоевать благосклонность бога. Афиняне долгое время утверждали, что строители еще больше убедили оракула денежными дарами призвать спартанцев к освобождению Афин от тиранов; и в конце концов Писистратида были изгнаны, повинувшись этому мандату, а Алкмеониды вернулись с триумфом, как и было задумано с самого начала.

Наконец-то мы с облегчением перешли от завораживающих руин к самому музею. Он не велик, но в нем есть несколько удивительно интересных вещей, и главная из них,

несомненно, бронзовая фигура возницы. Я не могу заставить себя поверить, что он превосходит бронзового "эфеба" в Афинах, которого он сразу же напоминает и по материалу, и по обработке глаз; но, тем не менее, он прекрасен, поскольку стоит, слегка откинувшись назад, как это бывает во время езды, а в одной руке все еще видны остатки вожжей. Его самообладание и довольно аристократическая мина часто отмечались, и при внимательном рассмотрении можно обнаружить то, что, несомненно, является самым любопытным во всей статуе - а именно, небольшую бахрому ресниц, которой те, кто отливал изображение, позволили выступать вокруг инкрустированного глазного яблока. Случайный наблюдатель может легко не заметить их, но они придают глазам необыкновенную естественность. Еще одна статуя, мраморная копия бронзового оригинала Лисиппа, также заслуживает комментариев, поскольку, по мнению авторитетных специалистов, она является лучшим примером школы Лисиппа, чем гораздо более известный "Апоксиомен" в Браччо Нуово в Риме. Каждая из фигур - работа ученика Лисиппа, но утверждается, что копия юноши в Дельфах, несомненно, была сделана учеником, работавшим под руководством мастера, в то время как "Апоксиомен" был вырезан уже после смерти Лисиппа. Отсюда вполне естественно сделать вывод, что дельфийский образец является более точной репродукцией, чем знакомая нам ватиканская фигура. В этом музее также находится резной камень, известный как "омфалос", потому что он обозначал предполагаемый пуп земли. По легенде, Зевс однажды пустил в полет двух орлов с противоположных сторон света, приказав им лететь навстречу друг другу с одинаковыми крыльями. Они встретились в Дельфах, которые, таким образом, разделяют эту форму знаменитости с Додоной в Эпире.

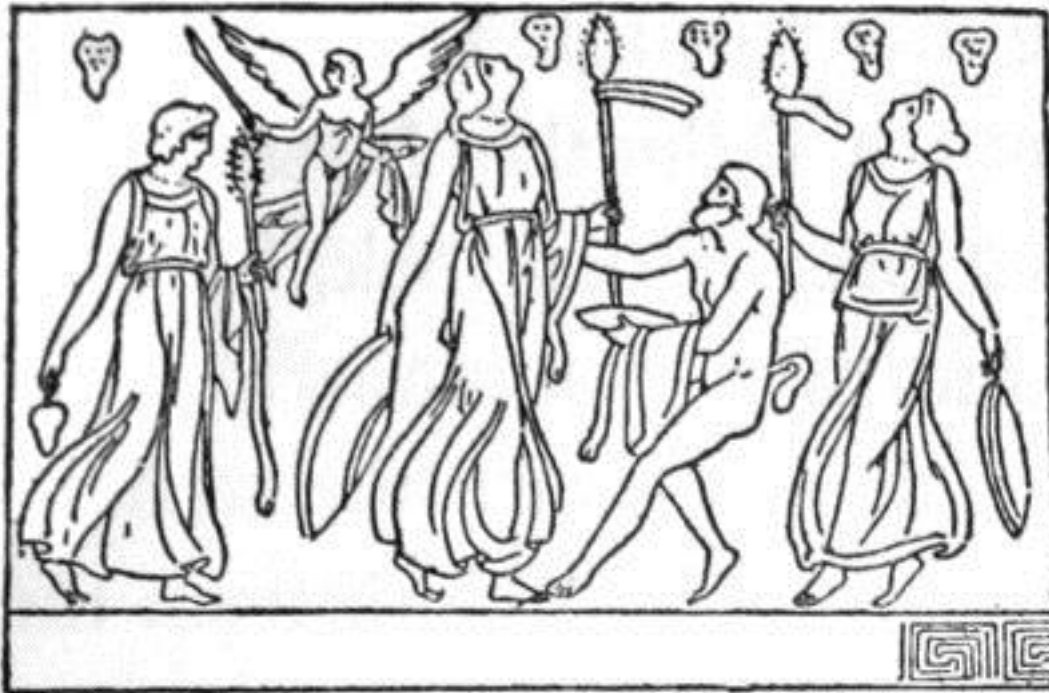
ВОЗНИЦА-ДЕЛЬФИЕЦ

Конечно же, мы посетили Касталийский источник, который до сих пор бьет из расщелины в скале, как и в те времена, когда поданные приходили к нему прежде всего для очищения. После долгого пути не возбраняется отдохнуть у этого древнего источника, умывшись и напившись из его неизменного источника, потому что вода хороша, а возможность выпить свежей воды в Греции настолько редка, что за нее хватаются при каждом удобном случае. Расщелина, из которой бьет источник, поистине удивительна. Она узкая и достаточно

темная для колоссального дымохода, уходящего далеко в недра горных высот позади. Старый каменный желоб, вырубленный в скале, когда-то наполнялся этим источником, но теперь поток отведен, и он стекает журчащим ручейком по гальке. Не менее вдохновляющая вещь в Дельфах - стоять здесь и размышлять, наслаждаясь касталийской водой, о том, сколько великих людей в ушедшие века стояли на этом самом месте и слушали то же журчание этого ручья, уходящего в вечность.

У родника, под двумя огромными платанами, которые, как мы верили, были прямыми потомками тех, что посадил на этом месте Агамемнон, мы сели обедать, а каменный хан напротив дал нам приют и огонь для нашего кофе. А после обеда мы побродили среди руин на травянистых склонах нижнего склона, где можно увидеть разрушенный гимнасий, храм Афины Пронийи и восхитительный круглый "толос", который, хотя и сильно разрушен, все еще представляет собой прекрасную деталь. Если бы на этом месте не было ни одного разрушенного храма, его все равно стоило бы посетить, и не только из-за того, что когда-то он был главным святилищем Аполлона, но и из-за величия и впечатляющей обстановки, столь характерной для Греции в ее лучшие времена. Повезло и тем, кто смог задержаться здесь на некоторое время, ведь теперь местное жилье лишилось своих древних тягот. Сегодня, как и во времена жрецов, Дельфы поддерживают связь с самыми отдаленными уголками земли с помощью телеграфа, нелепые провода которого сопровождают альпиниста на всем пути от Итеи, так что детали прибытия, отъезда или пребывания могут быть легко организованы издалека. Однако долгое пребывание здесь не сулило нам ничего хорошего, и мы были вынуждены, хотя и неохотно, спускаться по неровному склону горы, через обширные и безмолвные оливковые рощи, возвращаться в мир людей, к убогой Итее и нашему кораблю.

ГЛАВА IX. МИКЕНЫ И РАВНИНА АРГОСА

Из Афин в Микены мы добирались на поезде. Как только железная дорога покидает Коринф, она уходит на юг, в Пелопоннес, в страну, которая по легендарной интересности не имеет себе равных в мире. Старый Коринф, мать колоний, мог бы претендовать на первенство с чисто исторической точки зрения, но он должен навсегда подчинить себе полумифическое очарование, окружающее разрушенные и заброшенные Микены, знаменитую столицу Атрея и двух его прославленных сыновей, Менелая и Агамемнона. Что касается самого Коринфа, то древнее место было недавно исследовано под эгидой американской школы в Афинах, и эти раскопки, вместе с крутым подъемом к изолированному и возвышенному Акрокоринфу, составляют достопримечательности этого места в наши дни. Поезд проходит довольно близко к горе, так что даже из окна вагона можно различить укрепления на ее вершине; но очевидно, что это венецианские укрепления, а не древнегреческие остатки, которые видны таким образом. Как чисто природное явление Акрокоринф производит огромное впечатление, ничуть не напоминая Мессенский акрополь в Итоме. Это обрывистая скала, достаточно высокая, чтобы заслужить название горы, и достаточно изолированная, чтобы быть заметной особенностью пейзажа на протяжении многих миль, когда вы приближаетесь к Коринфу со стороны моря или из Афин на поезде. Обстоятельства никогда не позволяли нам подняться на нее, но вид с вершины на бушующую поверхность гористого Пелопоннеса, как говорят, неописуемо прекрасен и дает тот же эффект, что и рельефная карта, а перспектива на север через Коринфский залив, конечно, не менее великолепна.

Судьба распорядилась так, что мы должны были придерживаться линии железной дороги и проследовать прямо к Микенам, интерес к которым был подогрет замечательной экспозицией микенских реликвий в музее в Афинах, а также сознанием того, что мы собираемся посетить родину завоевателя Трои и его царицы-убийцы. Поезд сделал несколько крутых подъемов, когда огибал плечо Акрокоринфа, и в течение двух часов или около того он неуклонно поднимался вверх, огибая длинные долины на просторных поворотах, где внизу виднелась старая дорога из Спарты. На каждой станции почтовый вагон выбрасывал пачки газет, которые толпы людей, собравшихся на платформе, тут же выхватывали и с жадностью покупали. Любовь к новостям ни в коем случае не

ограничивается афинянами, она распространилась и на их соотечественников; каждое утро на всех железнодорожных станциях Эллады разыгрывается одна и та же сцена по прибытии афинского поезда. На каждой остановке воздух оглашался требованиями купить тот или иной утренний ежедневник, и каждый, получив выбранный им журнал, поспешно удалялся в тень ближайшего дерева, а те, кто не умел читать, собирались рядом и слушали новости мира, пересказанные более сведущими людьми из вторых рук. Крестьянские костюмы были наиболее интересны, ведь теперь мы находились в стране пастухов, вдали от сумасшедшей толпы и одетые для работы. Одежда у всех была в основном одинаковой: тяжелый шерстяной капот, если было прохладно, узкие кальсоны, подвязанные ниже колен, тяжелый кожаный кошелек на поясе, диковинные башмаки с помпонами на носке, если они были большими, означали недавно купленное снаряжение, а если маленькими - то старую обувь. Эти странные украшения принято срезать по мере их обветшания, и этот процесс повторяется до тех пор, пока помпон не будет полностью удален, и тогда наступает время покупать новую обувь.

Пейзаж теперь поражал воображение. Равнины были невелики и отделены друг от друга стенами изрезанных холмов, чьи барьеры не вызывали презрения в дни, когда связь была примитивной и медленной, и которые сыграли важную роль в том, что несколько древних государств так долго оставались порознь, вместо того чтобы позволить им навсегда объединиться. Соседние вершины стали все чаще напоминать о мифологии, в основном связанной с различными героическими подвигами Геракла. Поезд остановился в самой Немее, и нам издали указали место борьбы с Немейским львом, а на одной из дальних вершин говорили, что она находится у озера, где были убиты стимфалийские птицы. Вскоре после этого уклон стал резко снижаться, пока, промчавшись через невероятно узкий перевал - место современной кровавой битвы между греческими патриотами и турками, - поезд не вырвался на широкую равнину Аргоса, некогда славившегося разведением лошадей. Узкие и довольно бесплодные долины, окаймленные голыми холмами из серого камня, уступили место огромному ровному участку песчаной почвы, ведущему к морю, которое блестело вдали под лучами полуденного солнца. По обе стороны от широкой равнины возвышалась стена гор, всегда серая и без деревьев, хотя в былые времена она, несомненно, была хорошо засажена. С исчезновением деревьев пришла засуха, и сегодня реки Аргонида - это просто песчаные русла, лишенные воды только в сезон таяния горных снегов.

Поезд остановился в Фихтии, станции в Микене, и там нас ждала респектабельная карета, которая пережила лучшие времена в каком-то городе, но теперь была отведена для перевозки любопытных в различные точки Аргонической равнины. Она находилась там в ответ на неизбежный телеграф, который мы предусмотрительно использовали. В противном случае нам пришлось бы добираться до Мицене пешком, что было бы затруднительно не столько из-за расстояния, сколько из-за дневной жары. Мицене сегодня абсолютно пустыня и безлюдна, она лежит примерно в двух милях к востоку от железной дороги, на отрогах двух внушительных горных вершин. По направлению к ней дорога круто поднимается вверх, и вскоре мы, миновав скудную деревню с крестьянскими хижинами, неожиданно наткнулись на двухэтажное строение с грозной вывеской: "Гранд-отель Елены и Менелая!" На первый взгляд, оно не отличалось от остальной части деревни, которая была примечательна, главным образом, своими детьми и собаками. При ближайшем рассмотрении это оказался маленький причудливый трактир с несколькими спальными комнатами в верхнем этаже, куда можно было попасть только по наружной лестнице. На первом этаже - а это был первый этаж в самом буквальном смысле этого избитого выражения - находилась широкая комната, которая частично использовалась как столовая, а частично - как магазин и офис.

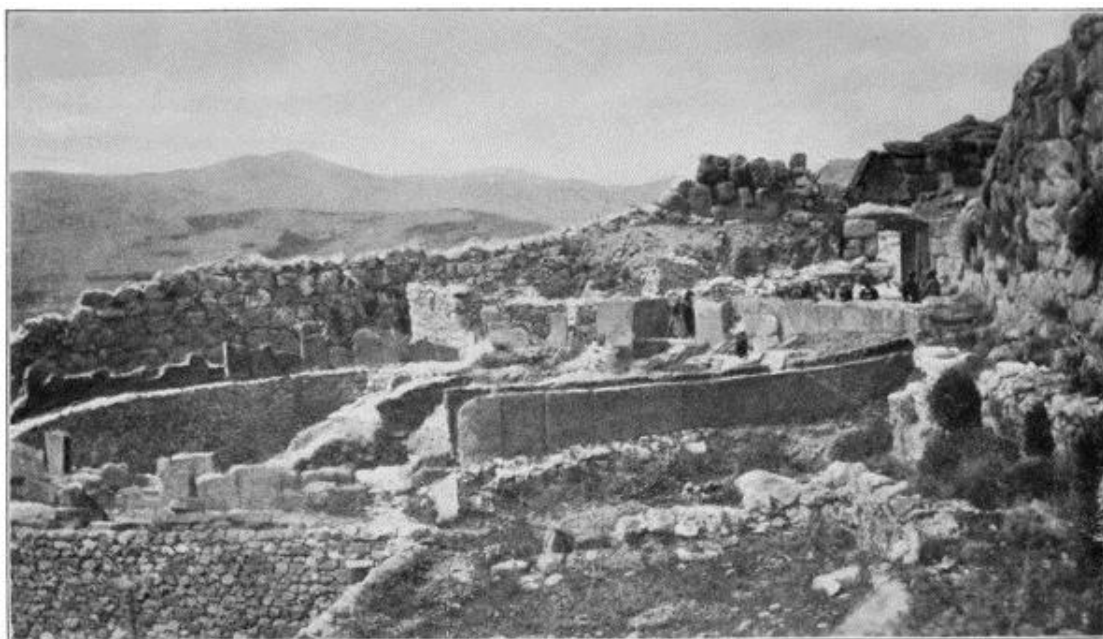
Собственно место приема пищи было отделено от остальной части квартиры решеткой из реек или пикетов с калиткой, через которую из главного зала к столу проходили не только гости и хозяин, но и различные собаки, куры и кошки. Этот отель, единственный доступный в округе и носивший столь звучное и благозвучное название, оказался неотразим. Обед, состоявший из превосходных жареных цыплят и разных скромных сопутствующих блюд, был быстро подан высокой стройной девушкой, дочерью хозяина дома, которую, вероятно, тоже звали Хелен. Во время трапезы различные куры, возможно, предки наших *pièces de résistance*, удовлетворенно кудахтали, входя и выходя, а скорбная гончая неоднократно пробиралась через ворота, чтобы быть столь же неоднократно отброшенной в темноту кабинета поваром и официанткой. В прежние времена, до появления "Гранд-отеля Елены и Менелая", приходилось носить еду с собой и есть ее под сенью знаменитых Львиных ворот на месте самого Старого города - места, изобилующего острыми ощущениями. Тем не менее хорошо, что в окрестностях теперь есть место для развлечений, и вдвойне хорошо, что оно получило такое звучное название.

До руин было не более полумили, но добираться до них пришлось в гору и с большим трудом. По обе стороны от большой дороги, где, предположительно, когда-то располагался настоящий повседневный город Микены, мало что сохранилось, кроме замечательной аллеи, ведущей к подземной гробнице, или сокровищнице, о которой лучше будет рассказать несколько позже. Склоны были покрыты травой, а кое-где сохранились следы очень старой "циклопической" кладки, свидетельствующие о существовании городской стены или, возможно, древнего шоссе с примитивным арочным мостом, перекинутым через овраг. Отсюда открывался обширный вид на равнину. Микены, Науплии, Аргос и Тиринс, расположенные по углам великой равнины, которую можно было объехать за день, были видны из нескольких крепостей царства Агамемнона, так что из своей главной крепости на высоте в Микенах Агамемнон вполне мог претендовать на звание монарха всего, что он исследовал. За долиной круто вздымались пики-близнецы, у основания которых лежала крепость, не оставляя и следа от дубовых лесов, некогда покрывавших их; а на скалистом подножии возвышался акрополь города, прекрасно приспособленный природой для обороны. Именно на этой возвышенности и были найдены руины, и посетителю сообщают, что это была цитадель, а не основной город - место, куда осажденные жители могли стекаться в поисках безопасности во время войны, и где Атрей и его род имели свой дворец. Именно здесь доктор Шлиман проводил свои замечательные исследования, о которых нам еще предстоит многое рассказать. Это замечательный факт, что события последних двадцати лет или около того дали удивительное понимание тусклости так называемой "героической" эпохи - эпохи, которая долгое время спустя была воспета Гомером - так что теперь фактически можно сказать, что мы знаем больше о повседневной жизни и условиях времени осаждавших Трою, чем о времени самого Гомера, и больше о героях, чем о тех, кто воспевал их подвиги. Знания о более отдаленных периодах, похоже, меняются в зависимости от расстояния. Темные века, как было мудро замечено, были слишком темными, чтобы люди могли прочесть историю, рассказанную древними памятниками, такими как сохранившиеся в Микенах, и только в последнее время свет стал достаточно ярким, чтобы их можно было понять с такой ясностью, что мертвое прошлое, казалось, снова ожило. Из останков в Микенах ученые раскопали дома, стены, дворцы, водоемы, украшения, оружие и повседневную утварь догомеровской эпохи. Кости и другие реликвии, отброшенные в мусорные кучи, дают представление о повседневной пище людей. Гробницы показали, как хоронили людей после смерти, и принесли множество золотых украшений, свидетельствующих о чудесном мастерстве обработки металлов.

Этот верхний город Микен был построен на скале, которую, как мы вскоре обнаружили, отделяли от остальной горы ущелья, оставляя стороны очень крутыми и гладкими, так что почти со всех сторон это место было недоступно. Ущелья в сторону гор были естественными рвами, причем достаточно широкими, чтобы предотвратить штурм или даже эффективное метание сверху в цитадель. Однако крепость была значительно укреплена искусственными сооружениями и оказалась полностью обнесена стеной, особенно сильной на открытых участках, и в первую очередь у главных ворот, где огромные каменные глыбы и огромная толщина стены были наиболее заметны. Дорога вьется по последнему крутому подъему, пока не превращается в узкую проезжую часть, едва ли достаточно широкую для одной колесницы, а прямо впереди внезапно появляются знаменитые Львиные ворота, с одной стороны обрамленные грозной стеной, прислоненной к скале, а с другой - выступающим бастионом почти невероятной толщины. Камни поразительных размеров, обтесанные циклопическими строителями с грубой регулярностью, и удивительно, что в столь грубую и примитивную эпоху люди могли так искусно обращаться с такими огромными блоками. Неудивительно, что в народе распространилась версия о том, что это работа циклопов, привезенная из-за границы, - и действительно, эта версия не лишена правдоподобия, поскольку в разбросанных по всему миру финикийских поселениях достаточно свидетельств, чтобы предположить, что строители этих многочисленных крепостей в Арголиде действительно приехали из-за моря.

Из всех руин в Микенах "ворота львов", несомненно, самые впечатляющие. Они находятся в конце длинного и узкого вестибюля между каменными стенами, их косяки сложены из огромных вертикальных камней, в которых и сегодня видны прорезы для петель и глубокие отверстия, в которые вбивались древние болты. Сверху находится еще один массивный одиночный камень, образующий перемычку. Особенность циклопических дверных проемов в Микенах заключается в том, что вес, приходящийся на центр перемычки, почти всегда облегчается за счет треугольного проема в каменной кладке сверху, а в главных воротах огромные блоки стены были расположены так, чтобы оставить такой проем. Даже массивная перемычка этих широких ворот, вероятно, не выдержала бы напора стен, если бы не было придумано подобное приспособление. Как бы то ни было, легкая каменная плита, которой был заполнен треугольный проем, до сих пор на месте, и именно она дала название воротам, благодаря грубо изваянным львам, украшающим их. Эти два льва, за вычетом голов, сидят лицом друг к другу - "геральдически противопоставленные", как говорится, каждый из них опирается передними лапами на основание алтаря, несущего скульптурную колонну, которая обозначает центр плиты. Колонна изображена большей в верхней части, чем в основании, что является особенностью каменных колонн микенской эпохи и напоминает о том, что первые каменные столбы были точными копиями заостренных кольев, которые использовались в качестве опор в еще более ранние времена. Отсутствующие головы львов, несомненно, были металлическими - возможно, бронзовыми - и располагались так, чтобы казалось, что они смотрят на дорогу. Они исчезли, и никто не знает, куда. Раньше говорили, что этот причудливый барельеф - "самая древняя скульптура в Европе", но это еще одно из удобных заблуждений, которые разрушила современная наука. Никто, однако, не может отрицать, что Львиные ворота впечатляют, и что они настолько древние, что мы можем без серьезной ошибки считать, что смотрим на что-то, что, возможно, видел сам Агамемнон через плечо, когда отправлялся в Трои. Сразу за воротами мы обнаружили узкое отверстие в камнях, ведущее в некое подобие подземной камеры, предположительно для часового. Ворота и их массивные фланкирующие стены производят впечатление абсолютной неприступности, и было достаточно легко представить себе аргивских копьеносцев, толпящихся на бастионе наверху и обрушивающих смерть и разрушение на обнаженные правые руки захватчиков, зажатых в тесном притворе внизу.

Внутри ворот открывается старая рыночная площадь, и именно здесь были обнаружены гробницы, из которых происходят многочисленные реликвии, увиденные в Афинах. Рыночная площадь по-прежнему окружена любопытным эллиптическим сооружением, которое представляет собой двойное кольцо из плоских камней, с плитами, уложенными плашмя сверху, образующими нечто похожее на овальную скамью по всему периметру ограждения. Нам предложили поверить, что на самом деле это были места для сидения стариков и членов городского совета; но если это правда, то в те времена на земле действительно жили великаны. Другие авторитеты предполагают, что это была подпорная стена для своего рода кургана, насыпанного над могилами внутри - гипотеза, которую, кажется, почти так же трудно принять. Каково бы ни было назначение этого удивительного круга из каменных плит, вряд ли стоит сомневаться в том, что когда-то он окружал "агору", и именно в этом пространстве Шлиман опускал свои шахты и поднимал так много удивительного из гробниц внизу. Гробницы, расположенные в таком центральном месте и наполненные таким количеством золота, несомненно, можно считать последним пристанищем царственных особ, и хочется верить, что это были государи из рода Агамемнонов, если только сам "принц людей" не был одним из них. Сейчас модно говорить, что Шлиман был слишком готов к поспешным выводам, вызванным его собственными надеждами и предвзятыми идеями, и не придавать значения его утверждению, что он раскопал могилу знаменитого воина, победившего город Приама; и, возможно, это оправданно. Но нельзя забывать, что, согласно старой легенде, Атрей, Агамемнон, Кассандра, Электра, Эвримедон и некоторые другие были похоронены на рыночной площади Микен, что, несомненно, и послужило причиной раскопок в этом месте; раскопок, которые, к тому же, оказались столь плодотворными для царской награды.

АГОРА-МИЦЕНА

На возвышенности, где крутизна была слишком велика для колесниц, есть тропинка, ведущая к самому царскому дворцу, который, несомненно, не помешает назвать дворцом Агамемнона. Конечно, сегодня он практически плоский, на нем остались лишь следы фундамента, за исключением кусочка мостовой или фрагмента стены, на котором, возможно, можно обнаружить слабый сохранившийся штрих фрески. Вокруг цитадели внизу видны следы других жилищ, настолько тесных, что к этой части города невозможно применить гомеровский эпитет "Микенцы широких улиц". По всему периметру вершины проходила стена, даже в тех местах, где, казалось бы, стена не нужна. По мере того как мы

осматривали место, гид собирал горстями траву, которая росла повсюду, и быстро привел нас к любопытной циклопической "арке", сделанной путем падения двух наклонных камней друг к другу на вершине приближающегося ряда стенных блоков, которая, как выяснилось, была входом в подземную галерею, ведущую вниз к резервуару форта. Это было темное и извилистое место, а спуск в недра холма был довольно крутым, настолько, что мы не рискнули далеко, а позволили проводнику осторожно спускаться, пока он не оказался далеко внизу; тогда он поджег травы, которые накапливал, и осветил для нас эту внутреннюю галерею. Стены этого прохода были веками отполированы проходящими козами, которые терлись о камень, и в свете костра они блестели и сверкали, открывая длинный туннель, ведущий вниз, в пещеру далеко внизу, где когда-то хранились запасы воды, подававшиеся туда из источника к северу от цитадели. Камни, брошенные в туннель, долго гулко отдавались по скользкому полу, и наконец, видимо, с треском столкнулись с последним препятствием. Затем вверх потянулся дым от импровизированного факела, и мы были вынуждены поспешно выбраться на открытый воздух. Однако вернулись мы позже, так как с гор обрушился ливень, грозивший промозглым дождем, из-за чего укрытие древнего акведука оказалось как нельзя кстати. Однако он скоро закончился и дал нам возможность посидеть на самой верхней скале акрополя, глядя на то, что когда-то было самым важным из греческих королевств, с гор на севере и западе до самого моря - приятное зрелище, которое было прервано лишь размышлениями о том, что нам еще предстоит посетить так называемую "сокровищницу Атрея" у дороги внизу.

Это еще одно из странных сооружений, вокруг которого долго и ожесточенно велись споры: была ли это гробница или нет. Поблизости есть несколько таких подземных камер, но самая знаменитая из них, о которой идет речь, относится к обычному типу и полностью раскопана, так что ее легко исследовать. К ней ведет длинный проход в склоне холма, обложенный с обеих сторон хорошо отесанным камнем. Проход заканчивается только тогда, когда достигнута глубина, достаточная для раскопки высокой подземной камеры. В конце этого любопытного переулочка стоит высокая и узкая дверь, прислоненная к холму, с перемычкой из массивного плоского камня и неизбежным треугольным отверстием над ней; но в этом случае блок, который, предположительно, когда-то закрывал ее, исчез, и никто не знает, была ли она, как и ее собрат у главных ворот, украшена скульптурными львами или нет. Внутри гробница имеет форму старомодного соломенного улья, облицованного камнем, на котором есть следы, указывающие на то, что он, в свою очередь, когда-то был облицован бронзовыми плитами. Это огромное помещение, в котором голос отдается странным эхом, и освещено оно только дверью и треугольным отверстием над ней. С северной стороны находится камера поменьше, где свет можно получить, лишь зажегши несколько сухих трав, собранных в стороне. Те, кто придерживается мнения, что это была гробница, утверждают, что настоящий гроб был в меньшей прилегающей камере. Однако есть авторитеты, утверждающие, что эти камеры были вовсе не гробницами, а сокровищницами, и на эту тему существует огромное количество спорной литературы, которую при желании можно полистать на досуге. Если это была гробница, то, судя по другим захоронениям, обнаруженным на акрополе выше, очевидно, что существовало, по крайней мере, два разных стиля захоронения, - а в гробницах выше, похоже, находились знатные люди, от которых можно было ожидать столь почетных и внушительных усыпальниц. В "сокровищнице Атрея" не было найдено ни одной кости, но множество костей было найдено в других местах, и этот факт мог бы показаться значительным и даже убедительным, если бы не было известно, что кости были найдены в подобных ульевых гробницах в других местах Греции, в частности, возле Мениди, где шесть скелетов были обнаружены в подобном сооружении. Конечно, может оказаться правдой, что тела, найденные на высотах в Микене и доставленные в Афины, принадлежали к совершенно другой эпохе, чем те, что были

похоронены в ульевых гробницах, и что ульевые гробницы могли быть разграблены задолго до того, как возникло подозрение о существовании такой добычи, как в рыночных могилах. Поэтому неспециалисту остается решать, называть ли эту подземную камеру гробницей или сокровищницей, и посвятить свое время восхищению изобретательностью, с которой была построена каменная облицовка этого места: каждый ярус камня слегка выступает над своим нижним собратом, чтобы в конце концов сойтись наверху в точку. Совершенство этой подземной сокровищницы кажется не менее удивительным, чем легкость, с которой древние строители управлялись с большими массами камня.

Что касается истории Микен, то наибольшей известности она, несомненно, достигла во времена Атреиды, когда была домом аргосских царей. Предполагается, что во дворце на высоте Клитемнестра провела десять лет отсутствия своего повелителя в Трое и там же убила его по возвращении. Поэты сплели об этом месте множество песен и рассказов, во многом фантазийных и легендарных. Но позднейшие раскопки показали, что поэты были очень близки к фактам в своих описаниях материальных вещей. Скамьи перед дверями, оружие и щиты героев, кубки, которыми пользовался, например, Нестор, - все это находит свое отражение в недавно обнаруженных фактах и придает еще больше красок событиям, которые описывают древние авторы. То, что Микены были практически заброшены вскоре после своего великого расцвета, несомненно, объясняет богатство реликвий, найденных раскопщиками, а ее низкое состояние в течение веков забвения любопытно, но не противоестественно обеспечило ее возвращение к знаменитости, с огромным объемом интереснейших свидетельств ее бывшего величия, совершенно не пострадавших.

От Микен до Аргивского Гераума, древнего храма Геры, который когда-то был главным святилищем этого региона, около двух миль; но поскольку путь лежал по неровной местности, а времени у нас не было, было решено отказаться от этой экскурсии, которая, несомненно, может оказаться очень интересной для энергичного археолога, и тем более для американцев, поскольку это место было исследовано американской школой. Он расположен на холмах, окаймляющих равнину Аргоса с востока, на прямой линии между Микенами и Науплией. Наш собственный путь снова привел нас в Фихтию и повел по центру равнины по очень хорошей дороге, проходящей через широкие поля, заросшие зерном, посреди которых, по грудь в земле, стояли редкие лошади, удовлетворенно понурились. Почти единственными строениями были отдельные каменные ветряные мельницы, некоторые из которых еще работали, а другие были разобраны. Наконец дорога спустилась с берега и уперлась в песчаное русло того, что в определенное время года, несомненно, было рекой, но в это время года, а возможно, и большую часть года, - просто широким плоским песчаным пространством, столь же безводным, как и самая засушливая часть Сахары. Железная дорога, на протяжении нескольких миль составлявшая нам дружную компанию, была снабжена железным мостом, перекинутым через эту пустыню с такой же силой, как если бы это был бушующий поток, что, несомненно, иногда так и бывает. Чуть дальше мы въехали в Аргос.

Аргос - довольно большой город, но решительно непривлекательный, если не считать множества маленьких садиков. Они есть почти у каждого дома, и с наших высоких мест в респектабельном, но устаревшем деповском вагоне мы могли заглянуть в глубину многих из них, чтобы полюбоваться буйством роз и зелени. Что касается домов, то они были маленькими и не слишком чистыми. Население, однако, было очень дружелюбным: молодые женщины *толпой* сидели вдоль шоссе, беспечно отдавая честь, а дети забрасывали нас носовыми горшками в надежде на лепту. Над Аргосом возвышается крутой холм, известный

как "лариса" или акрополь, с вершины которого открывается прекрасный вид на все царство аргивян и на горы, не говоря уже о Науплийском заливе; Но так как время шло к закату, а мы были еще далеко от Науплии, то пришлось довольствоваться одним только воображением и известием, что маленький монастырь на полпути вверх по склону холма был подожжен в предыдущее пасхальное воскресенье слишком восторженными празднующимися, которые слишком вольно обращались с неизбежными ракетами и римскими свечами. Также нам пришлось уделить внимание огромному театру, вырубленному из твердой скалы у подножия Ларисы и, как утверждает сайт, одному из самых больших в Греции. Однако он был удручающе заросшим травой и бесконечно менее привлекательным, чем самый маленький в Афинах, не говоря уже о великолепном театре в Эпидавре, который мы обещали себе посетить на следующий день. Поэтому мы с неохотой отмахнулись от старого Аргоса с его крикливыми жителями и садами с высокими стенами и поехали в гавань, теперь уже совсем рядом, по пыльной Науплийской дороге. Через танцующие воды лежала сама Науплия - белое пятнышко у подножия огромного утеса далеко вокруг бухты. По обочинам дороги простиралась болотистая местность, а внутри страны простиралась великая равнина, уходящая к серым холмам, на которых виднелись северные границы старого царства и возвышенная скала Микен, с которой сыновья Атрея смотрели вниз на свои обширные земли.

Вскоре мы узнали, что "хорошо обнесенный стеной" Тиринс уже близко, и нам не суждено было завершить день, и без того хорошо отмеченный воспоминаниями о циклопической кладке, не добавив к ним самое потрясающее из всех, воспоминание о больших камнях, нагроможденных в доисторические века в этом древнем дворце, размеры которого впечатлили даже этого закаленного созерцателя Павсания. Тиринс оказался очень интересным местом; по общему виду он очень похож на Микены, но в деталях достаточно отличается, чтобы мы не переставали восклицать. Он расположен не более чем на изолированном холме рядом с шоссе, и в его высоте и протяженности нет ничего внушительного. Это длинная, низкая скала, лишенная каких-либо построек, за исключением прочных подпорных стен, которые, возможно, восходят к временам самого Геракла.

Тот, кто построил крепость в Тирине, считал нужным сделать входную дверь выходящей на равнину, а не на море; поэтому нужно было сойти с дороги и обойти ее с северной стороны скалы, где постепенный уклон позволял легко подойти к своего рода пандусу, или террасе, защищенной стенами самой удивительной циклопической конструкции. Утверждается, что эти огромные и грубо отесанные блоки местной породы, взятые из каменоломен на холмах к северу, когда-то были скреплены грубым глиняным раствором, который с тех пор полностью исчез. Как добывали такие огромные блоки в те первобытные времена и как с ними обращались, остается загадкой. Но утверждается, что для отделения камней от их родного ложа использовались разбухшие клинья из мокрого дерева.

Как руины, Тиринс довольно трудно воссоздать в воображении по видимым останкам. Наклонный пандус и ворота, остатки которых сохранились до сих пор, интересны, но главным образом из-за поразительных размеров камней, использованных при их строительстве. Внутри старый дворец находится в состоянии полного и всеобъемлющего разрушения. Однако на скальном полу видны очертания стен бывшего дворца, а также то тут, то там видны следы древних колонн, оставивших свой след на фундаментной скале. Внешний и внутренний дворы, мегарон, мужские и женские апартаменты и даже остатки "ванной комнаты" - последнее название свидетельствует о том, что даже в далекую микенскую эпоху к отведению сточных вод относились внимательно - возможно, даже более внимательно, чем поздние греки. Тиринфская особенность, которая затмевает все

остальное, - это расположение крытых галерей из камня по двум сторонам дворца, от которых через определенные промежутки отходят боковые камеры, которые, как предполагается, использовались для хранения. Сегодня они скорее напоминают створки наших старомодных крепостей. В этих галереях грубые предвестия арочного принципа видны даже более отчетливо, чем в подземном канале в Микене, который ведет к затопленному водоему. Стороны коридора вертикальны лишь на небольшом расстоянии и быстро начинают наклоняться внутрь, встречаясь под острым углом вверх. Боковые камеры имеют аналогичную конструкцию. Нигде не видно, чтобы "циклопы", если их можно так назвать, признавали принцип ключевого камня, хотя они, кажется, очень близко подошли к нему случайно, местами, и особенно в случае с маленькими воротами, которые можно увидеть на стороне цитадели в направлении современной магистрали. Что касается галерей, то в настоящее время они отполированы до стеклянной гладкости внутри от трения приютивших их стад овец и коз. Они интересны не только из-за массивных камней, использованных при их строительстве, но и потому, что сходство этих коридоров и камер хранения с устройствами, найденными в старом Карфагене и других финикийских местах, может служить доказательством общего происхождения архитектуры и, таким образом, придать цвет рассказу о том, что древние цари Аргоса получали ремесленников чудесного мастерства и силы из-за границы. Огромные размеры грубо отесанных камней легко породили предание о том, что эти инопланетные строители были людьми гигантского роста, которых называли "циклопами" от имени их царя Циклопа и относили к расе фракийских гигантов; разумеется, совершенно отличных от других мифологических циклопов, служивших Гефестосу, или сицилийских, ставших бременем жизни для Одиссея в его странствиях. В настоящее время широко распространено мнение, что иностранные каменщики, возводившие циклопические стены в Арголиде, были родом не из Фракии, а с южных берегов Эгейского моря - возможно, из Ликийи. Интересно, что примеры такого же вида каменных работ, носящих аналогичное название, можно найти даже в Перу.

На несколько более низком холме к западу от главного акрополя - если он заслуживает такого названия - показано, что когда-то здесь располагались помещения для слуг. И мы спустились, как это принято, с главных руин на дорогу, по грубой каменной лестнице в том месте, где раньше находилась задняя часть замка, к узкой беседке, камни которой образуют почти идеальный, но, несомненно, совершенно случайный арочный проем, а затем к нашей карете, которая быстро умчала нас в Науплию. Дорога туда пролегла вокруг спокойной бухты, широким изгибом проходящей через пейзаж, который был удачно отмечен несколькими весьма достойными внимания деревьями. Сама Науплия представляла собой приятную картину, лежащую в хорошо защищенной гавани у основания внушительной скалы, на вершине которой хмурые крепостные стены старой венецианской крепости возвещали о присутствии современной государственной тюрьмы Греции. Вечернее солнце подчеркивало белизну города на фоне скалы, стоящей за ним, а далеко на западе, через закрытый сухой залив, вечернее сияние трогало розовым светом снежную вершину Киллины и высвечивало изрезанный горизонт менее высоких Пелопоннесских гор. Именно они предстали перед нами, когда наша карета с грохотом выехала из узкой улочки на широкую эспланаду набережной у дверей нашего отеля.

ГЛАВА X. НАУПЛИИ И ЭПИДАВРЫ

Утром нас разбудил непривычный звук - приглушенный, быстрый, ритмичный каданс, доносящийся с эспланады, сопровождаемый монотонными полутонами голоса, произносящего что-то в такт марширующим ногам; все это время от времени прерывалось словом команды и реже - отчетливым лязгом оружия. Солдаты из крепости проводили утреннюю тренировку. Слова команды звучали странно естественно, хотя, по всей видимости, на греческом языке, несомненно, потому, что военные всего мира имеют привычку произносить "команды к исполнению" на каком-то нечленораздельном хрюканье. Счет "четверками" тоже звучал естественно, несмотря на более заметный эллинизм цифр. Приглушенный топот войск не мешал, а скорее усыплял, что очень удачно, потому что я уже несколько раз бывал в Науплии, и эти ранние учения под окнами отеля *Hôtel des Étrangers* кажутся обычным делом.

Прекрасное открытое пространство вдоль набережной - заманчивая площадка для парадов, а в другие часы - привлекательное место для общих собраний, особенно вечером, когда жителей Науплии можно увидеть отдыхающими вдоль причалов или пьющими кофе в тени под белой линией зданий. Пристань изгибается на большое расстояние вокруг бухты, и вдоль нее пришвартовано множество тех диковинных пустотелых шхун, которые занимаются каботажными перевозками в Греции. Науплиа, похоже, все еще остается чем-то вроде порта, хотя и бесконечно меньшего и менее оживленного, чем Пирей или Патры. Ее название, конечно же, напоминает о море. Красота ее расположения часто напоминает посетителям Неаполь, но это лишь слабое сходство с итальянским городом. По размерам она действительно невелика. Однако с живописной точки зрения ее перспективы великолепны, ведь с нее открывается панорама далеких и внушительных вершин, возвышающихся вдали над внутренней бухтой, так хорошо защищенной от внешних морей массивным мысом, на внутренней полке которого и стоит город. Город вынужден быть узким из-за небольшого пространства между водой и огромным утесом, обрывисто возвышающимся позади. Здесь есть место не более чем для трех параллельных улиц, и поэтому Науплии приходится восполнять в длину то, чего ей не хватает в ширину, и тянуться на восток в уменьшающейся линии зданий до того места, где болотистый берег изгибается в сторону Тиринса, или

теряется в бесплодной стране, которая лежит в серых долинах, ведущих вглубь острова к Эпидавру.

Из окон гостиницы наиболее заметным объектом на среднем расстоянии был живописный островок посреди бухты, почти полностью покрытый желтым фортom уменьшенного размера и венецианской внешности - домом интересного, хотя и жуткого функционера, а именно национального палача. Ведь Науплия в наши дни - это прежде всего Синг-Синг Эллады, место расположения национальной тюрьмы, где содержатся главные преступники королевства, и особенно те, кто приговорен к смерти. Средневековые укрепления на вершине за городом были переоборудованы под тюрьму и известны как Паламида. Мы не стали подниматься в тюрьму, хотя подъем не может быть тяжелым, а довольствовались покупкой мелких изделий, которыми торгуют уличные торговцы в нижнем городе, - ниток "разговорных бус", странных ножей и тому подобных вещей, которые, как вас уверяют, были сделаны "разбойниками", содержащимися в тюрьме наверху. Почему-то нитка бус, сделанная греческим "разбойником", кажется желанным приобретением.

"Месье де Науплия, если так правильно называть старосту, сам является преступником. Как правило, а возможно, и всегда, это человек, осужденный за убийство, но принявший должность палача, чтобы избежать высшей меры наказания по закону. Это не малая цена, так как, спасая шею жертвы, она означает виртуальное изгнание на время службы и отвращение всех хороших людей навсегда. Нам рассказали, что палачом в то время был человек, который предавался совершенному карнавалу убийств - настолько, что почти в любой другой стране он был бы признан жестоко и бесповоротно сумасшедшим и избежал бы смерти, заключившись в психушку. Но это не так. Вместо этого его приговорили к заслуженному обезглавливанию на гильотине, причем наказание было смягчено лишь тем, что он согласился взять на себя нежелательную обязанность по отправке других ему подобных - должность, которая влечет за собой виртуальное одиночное заключение на срок, по разным данным, от пяти до восьми лет, и связанную с длительной одиозностью. Все эти годы он должен жить на острове палачей, без присмотра капрала, охраняемого солдатами из форта, которые меняются каждый день или два, чтобы не заразить или не развратить людей, потворствующих побегу заключенного. Другие рассказывали, что срок его кровавой каторги достигал двадцати пяти лет, но это намного больше, чем средний срок, установленный историей как его предел. Говорят, что после освобождения эти несчастные уезжают за границу и ищут места, где их состояние неизвестно. В дни, когда должны исполняться смертные приговоры, старосту с торжественной военной pompой доставляют в тюрьму Паламиде, расположенную над городом, и там, во дворе тюрьмы, устанавливают гильотину, которая ждет руки, выпускающей смертоносный нож. Платят ли палачу указанные гроши в любом случае, или, как нам сказали некоторые, ему платят столько "за голову", мы так и не узнали. Тем не менее остров палача, несомненно, является одной из достопримечательностей Науплии, причудливой на вид и окутанной некой потрясающей тайной.

Узкие улочки Науплии ненадолго отвлекают от работы. Они оказались довольно чистыми, а в утренние часы на них можно было увидеть живописное множество варварских цветных одеял и ковров, вывешенных на воздух с верхних балконов. На одной из улиц плотная толпа у открытой двери привлекала внимание к утреннему заседанию городского суда. Мужчины, бродившие по улицам, были в основном в европейской одежде, хотя то тут, то там крестьяне из пригородов демонстрировали свои причудливые капоты и напыщенные башмаки. Один из этих дворян в туземных ботинках подошел к нам и, ухмыляясь, сообщил на отличном английском, который странно сочетался с его эллинской одеждой, что когда-то он работал

на электроламповом заводе в Цинциннати. Понравилось ли ему это? О, да! На самом деле он был готов вернуться туда, где платят лучше, чем в Науплии. И, выразительно пожав плечами и сделав широкий жест, охвативший всю территорию древнего царства Атрейдаи, он добавил: "Аргос разорен, ничего хорошего!" Еще один такой человек заслуживает, пожалуй, упоминания; однажды, когда мы созерцали греческий танец в классическом районе, он ворвался в благоговейную задумчивость и на английском языке, напоминая марку Бауэри, сообщил нам, что был в Америке и объездил всю эту страну изобилия в странствиях цирка Барнума, добавив в качестве наиболее убедительного залога нашей дружбы: "Я был со стариком Барнумом, когда он умер". Греков, говорящих по-английски, на Пелопоннесе много, и даже те, кто не претендует на знание этого языка, гордятся тем, что могут сказать "all right" в ответ на старательные попытки овладеть пиджин-греком.

ЖЕНЩИНА, ПРЯДУЩАЯ ПО ДОРОГЕ В ЭПИДАВР

Интерес к самому городу Науплии, включая осмотр массивных стен, сохранившихся со времен Средневековья, не занял много времени. И это было удачно, потому что мы планировали провести день в Эпидавре, который находится в восемнадцати милях или около того, и добраться до него можно было только путем долгой и трудной поездки в повозке - той же самой респектабельной старой ландау, в которой мы накануне проехали всю длину царства Агамемнона. Из-за крутизны и солидности нашей группы третья лошадь каким-то чудесным образом была прикреплена веревками к карете, обед был погружен в капот впереди, и мы помчались по узким улочкам в сторону открытой местности к востоку от города - страны, которая, как мы вскоре обнаружили, состояла из узких долин, извивающихся среди

серых и безлесых холмов, высота которых неуклонно возрастала по мере продвижения по шоссе. Это было хорошее шоссе: расстояния обозначены в "стадиях", как греки классически называют километры, а столбы на стадионах постоянно напоминали нам, что это "Одос Этнике", или национальная дорога. Но, к сожалению, нам не хватало больших деревьев, которые можно увидеть в ближайших окрестностях города, когда мы выбегали на пыльную дорогу в жару усиливающегося апрельского дня.

Дорога, хотя и не была крутой, в основном шла вверх по длинным долинам, что при самых благоприятных условиях делало путешествие более чем трехчасовым, а общая однотипность пейзажей делала его довольно монотонным. Человеческого жилья здесь почти не было, поскольку, хотя то тут, то там можно было встретить виноградник, большая часть прилегающих земель представляла собой не более чем каменистое пастбище. Однако вскоре выяснилось, что современный греческий пастух не боится играть на своих трубах в полдень, опасаясь вызвать гнев или ревность Пана, как это было раньше; со склонов гор и из-под скудной тени одиноких оливковых деревьев до нас доносились слабые и далекие завывания труб, на которых кто-то из стада убаюкивал время музыкой. Этот далекий звук не поддается описанию. Тон вряд ли можно назвать пронзительным, ведь он таков лишь в том смысле, что его высота высока, как у обычного человеческого свиста; по сути, это мягкая нота, не имеющая определенной мелодии, но колеблющаяся вверх и вниз и заканчивающаяся минорным воем, который вскоре становится приятным для слуха. Кроме того, он напоминает об идиллиях Феокрита, а пасторали и буколики приобретают новый смысл для каждого, кто слышал музыку греческих пастухов. Ничего не оставалось делать, как купить трубы и научиться на них играть; поэтому среди встретившихся нам путников начались ревностные поиски, чтобы раздобыть такие же. Однако не в этот день, а на следующий нам наконец удалось купить то, что, конечно, выглядело как трубы, но оказалось иллюзией и ловушкой, если говорить о музыке. Это были прямые деревянные трубки, в которых через равные промежутки были выжжены отверстия, образующие "упоры" для изменения тона. В них не было вставлено ни одного тростника, и если на них вообще можно было играть, то только благодаря искусной "губе". Мы, однако, извлекли из них немало удовольствия, пытаясь воспроизвести на них мягкий свист туземцев; но ближайшее приближение к пробуждению какого-либо звука, которого добился кто-либо из нашей группы, было столь уныло-меланхоличным, что ему было торжественно предписано и велено никогда больше не пробовать этого, под страхом передачи "месье де Науплиа" в качестве единственного подходящего наказания. Позже мы узнали, что ноты, похожие на флейту, которые мы слышали в долинах от невидимых пастухов, исходили от совсем другого духового инструмента - тростниковой бамбуковой трубки, не похожей на ивовую свистульку американского мальчика, с шестью или семью стопами, просверленными в трубке.

Самым интересным зрелищем на дороге в Эпидавр были путники. В нескольких стадиях от Науплии с холма спустился крепкий мужчина, который спускался со своих стад и шел по дороге в город. Он был одет в крестьянскую одежду, а через плечи нес ярмо, с обоих концов которого свисали большие желтые мешки со свежеприготовленным сыром, влага из которых стекала через сетки ткани, пока он шел на рынок. Эти сыры мы встречали на маленьких рынках в Афинах и нашли их не слишком вкусными, если привыкнуть к аромату козьего молока и "свежести"; хотя, вероятно, вкус к греческому сыру, как и к смолотому вину, является приобретенным.

То и дело попадались группы пастухов, особенно в тех немногих местах, где по пути встречались строения и тень. Все они были живописны в своей деревенской одежде, но особенно женщины, которые пряли лен на ходу и которые, вероятно, занимались ремеслом,

столь же древним, как сама эллинская цивилизация, примерно тем же, чем занимались их самые отдаленные предки. Эти маленькие узелки крестьян достаточно охотно позировали перед камерой, довольствуясь копейками на выпивку. Не менее любопытной особенностью этих крестьянских пастухов был тип носимых ими копыт - не большие изогнутые копыта, как это представляется в обычном воображении, а прямые палки с причудливой узкой причудой на конце, которыми пастух ловит проворную и неуловимую козу или ягненка за заднюю ногу и держит до тех пор, пока не сможет схватить животное за какую-нибудь более подходящую часть. Эти пастухи оказались гостеприимными людьми, готовыми предложить свежее молоко из стада, которое считалось у них деликатесом, каким бы оно ни казалось нашим необразованным вкусам.

ЭПИДАВРСКИЕ ПАСТУХИ

Примерно на полпути к Эпидавру мы проходим мимо еще одного остатка далеких времен - возвышенного укрепления на пустынном холме. Оно построено из многоугольной кладки, то есть из угловатых камней, подогнанных друг к другу без раствора, а не из квадратов, как у циклопов. Неподалеку, перекинутый через овраг, изрезанный веками зимних потоков, находился циклопический мост, сложенный из огромных камней таким образом, чтобы образовать прочную арку, и по нему когда-то, несомненно, проходило великое шоссе из Эпидавра на равнину Аргоса.

Уже далеко за полдень показался серый театр Эпидавра - просто каменная глыба на фоне зеленого холма, лежащая в миле или около того на ровном поле, на котором были разбросаны остатки некогда самой знаменитой больницы в мире. Эпидавр считал себя родиной Эскулапия - или, если говорить о греческой земле, Асклепия, - и навсегда сохранил память о нем, воздвигнув на этом месте огромное учреждение, которое сегодня мы можем назвать "санаторием". После жары и пыли поездки было приятно растянуться в тени скудных местных деревьев, на душистой траве возвышенности возле театра, и оглянуться на длинную

долину, с ее далекими голубыми горами, обрамленными вистой массивных серых холмов. Ближайшие из них впечатляли своей высотой, но были абсолютно лишены растительности, как холмы вокруг Аттики; и именно эти горы служили единственной декорацией для заднего плана пьес, поставленных в большом театре неподалеку. Театр, конечно же, является главной достопримечательностью Эпидавра и сегодня, ведь он великолепно сохранился, в то время как все остальное представляет собой беспорядочную массу плоских руин. Ни один античный театр не сохранился лучше и не может превзойти этот по общему изяществу линий или совершенству акустических свойств. Многие из них, несомненно, были больше, но среди всех старых греческих театров Эпидавр лучше всего сохранил для современного глаза театр древних, круговой оркестр и все остальное. Акустику каждый может проверить достаточно легко. Мы расположились по всему театру в разных позах, высоких и низких, вдоль полусотни ярусов кресел, и слушали орацию, посвященную интересным моментам в устройстве театра, произнесенную самым обычным тоном, из центра оркестра, но слышную на самом дальнем ярусе.

Круг оркестра не вымощен, как это было в афинских театрах, а представляет собой зеленую лужайку, в центре которой каменная точка указывает на место древнего алтаря. Было отмечено, что круг на самом деле не так идеален, как кажется: в одном из радиусов он короче примерно на два фута. Но на первый взгляд он абсолютно круглый и является самым красивым типом кругового оркестра из существующих на сегодняшний день, если, конечно, не единственным совершенным. Огромный амфитеатр, окружающий его, был, очевидно, в значительной степени естественным, который небольшое количество искусственной каменной кладки легко сделало полным; и он настолько совершенен сегодня, что очень небольшой труд сделал бы вполне возможным дать там пьесу сейчас перед огромной аудиторией. О подобном плане говорили несколько лет назад, но от него отказались, несомненно, из-за очевидной трудности доставки на место значительной компании зрителей или их размещения там. Кроме того, пришлось бы перестраивать просценион, фундамент которого все еще можно увидеть за оркестром, и можно с содроганием представить, что может произойти в процессе, если сторонники теории сцены и их противники не смогут договориться лучше, чем они делали это до сих пор.

После осмотра театра и наслаждения видом на равнину и суровые холмы наш драгоман позвал нас на обед, который был накрыт в небольшой деревенской беседке внизу. Он предусмотрительно снабдил нас свежей кефалью, пойманной утром у причала Науплии, и приготовил ее в маленьком домике, который занимал местный *смотритель*. Голод, однако, беспокоил нас гораздо меньше, чем жажда. Нас предупредили не пить воды из священного колодца Асклепия в поле внизу, а поскольку здесь не было источника, за который можно было бы поручиться с той же уверенностью, что за воды Касталии, мы, как обычно, перешли на бутилированный продукт с острова Андрос - - воду, которая не только по своей сути чиста и превосходна, но и стоит недорого из-за причудливых англичан на ее этикетке. Переводя на английский язык свой панегирик источникам Андроса, переводчики заявили, что она "равна превосходящим ее минеральным водам Европы".

Священный колодец бога, однако, доказал позже, что не утратил всех своих достоинств даже под ударами современной теории микробов; пока мы бродили по лабиринту руин в сильную жару раннего полудня, один из нашей компании испытывал серьезные неудобства из-за обычного "кровотечения из носа", которое мгновенно прекратилось после применения воды, набранной в нелепую жестяную кастрюлю. И таким образом мы добавили то, что, вероятно, является самым последним и единственным на протяжении нескольких столетий способом лечения в некогда знаменитом заведении, которому покровительствовало местное

божество. Говорят, что бог родился на склоне холма к востоку от луга, но эта история, к сожалению, противоречит другим традициям. Похоже, что Асклепий изначально был не богом, а простым человеком, каким он предстает в гомеровских поэмах. Его обожествление произошло позже, как это нередко случалось в древности, и вместе с ним появилась целая сеть легенд, приписывающих ему богоподобное отцовство и назначающих его сыном не меньше, чем Аполлона. Действительно, некоторые авторитеты утверждают, что поклонение Асклепию возникло вовсе не в Эпидавре, а в Фессалии, и что культ был перенесен на его главное место в Пелопоннесе фессалийскими искателями приключений.

ТЕАТР В ЭПИДАВРЕ

По всему лугу под большим театром разбросаны остатки древнего заведения. Церемония исцеления в Эпидавре, по-видимому, в значительной степени была обрядом лечения верой, хотя и не полностью; есть основания полагать, что, как и в Дельфах, в чудотворении использовался более или менее естественный здравый смысл и что жрецы-целители на самом деле приобрели не мало примитивных навыков в медицине. Однако это было умение, которое сопровождалось большим или меньшим количеством мумий и обстоятельств, полезных для воздействия на разум пациента; но даже сегодня это не полностью отсутствует в медицинской практике с ее элементами "плацебо" и "терапевтического внушения". Обычай отправлять пациента отдохнуть в лоджии вместе с другими, где он мог ожидать ночного визита самого бога, уже упоминался на этих страницах и сохранился до наших дней на острове Тенос в канун Благовещения. Рассказы о чудесных исцелениях в Эпидавре, несомненно, были столь же распространены и так же хорошо подтверждены, как и аналогичные современные истории в Лурде и Сент-Анн-де-Бопре.

Помимо собственно апартаментов, предназначенных для спящих пациентов, которые составляли лишь малую часть оборудования санатория, здесь был неизбежный большой храм самого бога, большой гимнастический зал, свидетельствующий о вере врачей в телесные упражнения как средство лечения, и большое здание, считающееся первым примером больничной палаты, а также многочисленные вспомогательные постройки, предназначенные для проживания. Сатирические комментаторы обратили внимание на наличие святилищ в честь Афродиты и Диониса как на неизгладимое свидетельство того, что преданность этим божествам, по-видимому, считалась причиной болезни человеческой расы. Наличие великолепного театра и удобного стадиона свидетельствует о том, что жизнь в Эпидавре не обходилась без развлечений, чтобы разбавить утомительное лечение. И в свое время он, должно быть, представлял собой большое и красивое скопление зданий. Сегодня это такой же лабиринт, как и руины в Дельфах или в Олимпии. Посетителя, не занимающегося археологией, вероятно, больше всего заинтересует театр и любопытный круглый "толос" - удивительное здание, назначение которого неясно, состоящее из нескольких концентрических каменных колец, которые когда-то служили колоннадами. Оно стоит посреди большого участка и в своем разрушенном состоянии напоминает не что иное, как некогда знаменитую загадку "свиньи в клевере". В маленьком музее, расположенном на холме, была предпринята очень успешная попытка дать представление об этом прекрасном храме путем частичной реставрации. Находясь в помещении, он не может дать представления ни о диаметре, ни о высоте оригинала; но включение фрагментов архитрава и колонн позволяет составить впечатление об общей красоте сооружения, как мы уже видели в случае с подобными частичными реставрациями в Дельфах. Обширные руины самого участка не поддаются нетехническому описанию. Они почти полностью плоские, и планы местности служат для идентификации большинства зданий, не давая представления об их внешнем виде в завершенном виде. В некоторых помещениях до сих пор сохранились тротуары, а основания алтарей и экзедральные сиденья лежат повсюду в явном беспорядке. Тем не менее, находки были проложены и идентифицированы с практической полнотой, и с помощью планов можно легко пройти по участку и получить очень хорошее представление о многочисленных зданиях, которые когда-то составляли то, что, должно быть, было густонаселенным и привлекательным курортом для больных. Что бы ни думали о религиозных аспектах поклонения Асклепию, очевидно, что режим, предписанный культом в Эпидавре, с его отношением к чистому горному воздуху и здоровым физическим упражнениям, не говоря уже о желанных развлечениях для ума, был подкреплен широкими возможностями оборудования этой всемирно известной больницы.

Когда мы были там, греческая школа археологии занималась раскопками возле великого храма бога, фундамент которого теперь полностью исследован на значительную глубину, и было интересно наблюдать за примитивным способом, которым велись раскопки. Мужчины с кирками и лопатами причудливой формы разгребали землю и сбрасывали ее в плетеные корзины, которые, в свою очередь, женщины несли на головах на некоторое расстояние и там сбрасывали. Это была медленная работа, и, судя по всему, ничего особо интересного обнаружено не было. Определенно, пока мы наблюдали за этой кропотливой работой, ничего не было найдено.

ГЛАВА XI. В АРКАДИИ

С благосклонности хозяина дома, который обещал прислать на станцию наш обед "в маленьком мальчике", мы выехали из Науплии на поезде ближе к полудню, направляясь в глубь Пелопоннеса через Аркадию. Путешествие, которое мы наметили для себя, было несколько нестандартным, и не исключено, что так будет всегда, по крайней мере для тех путешественников, которые настаивают на железнодорожных путях и гостиницах как на предварительных условиях внутреннего вояжа и предпочитают избегать примитивных городков и мелких удобств крестьянских домов. Действительно, наши собственные чувства в то время граничили с опасениями, хотя, когда все закончилось, мы не мало удивлялись этому факту. Наш план состоял в том, чтобы покинуть линию железной дороги, которая теперь полностью опоясывает Пелопоннес, примерно в середине восточной стороны и смело направиться через середину Пелопоннеса к западному побережью Олимпии, посетив по пути города Мегалополис и Андритсена, а также храм в Бассе. Это означало долгий дневной переезд в карете и два дня верховой езды по горным тропам; а поскольку никто из нас,

включая двух дам, не привык к конным упражнениям, опасения, которые сопровождали наш отъезд со станции Науплии, были, пожалуй, небезосновательны.

Пришлось прибегнуть к услугам драгомана, поскольку никто из нас не говорил по-гречески настолько, чтобы достать яйца и другие предметы первой необходимости, и мы совершенно ничего не знали о стране, в сердце которой нам предстояло отправиться. Драгоман в таком путешествии полностью берет на себя ответственность за вас. Ваша единственная обязанность - обеспечить расходы. Обо всем остальном он позаботится сам: заблаговременно подготовит кареты, найдет лошадей, проводников и погонщиков, обеспечит питание, проживание в гостинице, чаевые, железнодорожные билеты и даже послеобеденный чай. Этот комплексный сервис можно получить за заявленную сумму в десять долларов в день на человека, и в нашем случае он включал не только все вышеперечисленное, но и кровати, и постельные принадлежности, и нашего личного и специального повара. Для тех, кто привык путешествовать в роскоши, десять долларов в день не кажутся высокой средней ценой. Для тех же, кто, как и мы, привык смотреть мир, тратя в день примерно половину этой суммы, она, вероятно, покажется поначалу немного экстравагантной. Однако, пусть добавит со всей поспешностью, это единственный способ увидеть внутренние районы Греции с комфортом, а тот комфорт, который он обеспечивает, легко стоит тех затрат, которые он влечет за собой.

С того момента, как мы покинули Науплию, мы были лишены всяких забот. Мы безоговорочно отдали себя в распоряжение опытного молодого афинянина по имени Спирос Апостолис, которого нам хорошо рекомендовали знакомые в городе и который обязался обеспечить нам все разумные удобства и транспорт, как уже говорилось выше, а также снабдить нас всеми необходимыми сведениями по мифологии, археологии, географии, истории и т. д., которые нам случайно потребуются. Спирос, как мы стали его называть, владел не только различными языками, в том числе и английским, но и техническими археологическими познаниями и знанием древней истории, что очень пригодилось нам в путешествии по известным местам. Уже через несколько дней мы стали относиться к Спайросу как к старому другу и обращались к нему как к верховному арбитру по всем возможным вопросам - от правильной одежды до названия далекой вершины.

Успокоенные тем, что в ближайшие несколько дней нам совершенно не о чем торговаться и что на данный момент у Спироса, который находился где-то в поезде, есть билеты первого класса на наш транспорт, мы откинулись на подушки и стали наблюдать за удаляющимся пейзажем и уменьшающейся громадой скал Науплии. Поезд религиозно остановился на станции Тиринс - подумайте о станции, предусмотренной для заброшенного акрополя, - а затем удобной трусцой отправился в Аргос, где мы должны были сменить машину. Именно здесь мы купили наши пастушьи трубы; и мы усердно упражнялись на них, не добившись никакого результата, кроме того, что привели в замешательство собравшихся на платформе жителей, когда один из деревенских мальчишек, увидев дымку пара, поднимающуюся по линии, привел всех в восторг классическим восклицанием "ἔρχεται", эквивалентным новоанглийскому "она едет!".

Комфорт от того, что Спирос подал нам руку в поезд и увидел, как наш багаж укладывается вслед за нами, не задумываясь о том, как правильно платить за *факини*, может осознать только тот, кто это испытал. И, кстати, багаж был сведен к минимуму для путешествия, состоящему из чемодана на каждого. Наша группа состояла из тех, кто обычно "путешествует налегке", даже на обычных линиях движения; но для этого случая мы сократили даже наше обычное количество препятствий, отправив двух наших захватов на другой конец нашего маршрута по северной железной дороге. Никому не хотелось

отправляться в этот путь по пересеченной местности с ненужным багажом, где каждый лишний предмет увеличивает число вьючных мулов.

Поезд, только что вышедший из Афин и направлявшийся в южный порт Каламата, вскоре свернул в сторону от побережья Эгейского моря и начал трудоемкий подъем по склонам глубоких долин, по ходу движения образуя огромные подковы, с частыми скальными выемками, но ни разу - туннель. Я не помню, чтобы мы проехали хоть один туннель во всей Греции. Виды из окон, которые часто были великолепны, пока поезд медленно и мучительно поднимался по длинным подъемам, все же были традиционно скалистыми - все изрезанные холмы, лишенные зелени, бесплодные долины, где нет воды, часто не напоминающие скалистые высоты Колорадо. Это сделало контраст еще более резким, когда поезд, достигнув наконец высот, проехал через перевал, который вывел нас из бесплодных скал в сердце широкой равнины Аркадии. Это была настоящая Аркадия поэтов и художников, совершенно не похожая на ту серую страну, в которой мы жили и которую привыкли считать типичной для всей Греции. Это была Аркадия наших грез - широкая, мирная, плодородная равнина, зеленая и улыбающаяся, населенная пастухами, землепашцами, пастухами и, несомненно, поэтами, волынщиками и нимфами. Есть величие и красота в суровых холмах и узких долинах севера, но было бы неправильно считать, что Греция - это только это и ничего больше. По крайней мере, часть Аркадии - это именно то, что воспевают поэты. Холмы внезапно отступили в далекую даль, и железная дорога пошла по ровной равнине, усеянной фермами. Вода ликующе бежала по ней. По берегам ручьев колыхались деревья. Далеко на юге суровая громада Таягетоса издали обозначала Спарту, длинный гребень горы все еще был покрыт полем сверкающего снега.

В Аркадии есть две такие большие овальные равнины, на одной из которых доминирует Триполис, а на другой - Мегалополис. В первый из них поезд въехал рано днем и остановился среди кричащей толпы извозчиков, требовавших, чтобы пассажиры высаживались и ехали в Спарту. Дорога, как говорят, отличная, и то, что мы не запланировали продлить наше путешествие до этого пункта, а затем на запад через перевал Лангада в страну, которую мы позже увидели, всегда было одним из сожалений, которые отмечают наши эллинские воспоминания. Спарта мало привлекает современного посетителя сохранившимися остатками своего древнего величия и находится именно в том состоянии, которое предсказывал для нее Фукидид. Он мудро заметил, сравнивая город с Афинами, что будущие века наверняка недооценят размеры и мощь Спарты из-за скудости сохранившихся памятников, в то время как здания в Афинах, скорее всего, внушат зрителю мысль о том, что она больше, чем есть на самом деле. Это в точности соответствует сегодняшнему дню, хотя предприимчивая британская школа недавно взяла на себя труд исследовать место древнего лакедемонского города и уже обнаружила останки, которые интересны с археологической точки зрения, что бы ни говорили об их сравнении с афинскими памятниками по красоте. В любом случае, Спарта с ее суровой дисциплиной, грубыми идеалами и боевыми, а не интеллектуальными достоинствами, не может надеяться привлечь современную цивилизацию так, как это сделали Афины, хотя ее окончательное подавление афинского государства дает ей право на исторический интерес. Спарта лежит у горы Таягетос, и по сей день вам показывают овраг на склоне горы, куда, как утверждают, бросали уродливых и слабых спартанских детей, чтобы вывести их из расы, которая ценила телесную силу превыше всех других соображений. Жаль, что Спарта, сыгравшая столь значительную роль в ранней истории, оставила так мало воспоминаний о своем материальном существовании. Если она не была элегантной или культурной, то была сильной, и ее конечный триумф доказал, что страна, где богатство накапливается, а люди разлагаются, не так надежно держится за жизнь, как более грубые и суровые народы.

Так мы миновали Спарту и перебрались с улыбающейся равнины Триполиса на такую же улыбающуюся равнину Мегалополиса, полностью проникнувшись духом Аркадии и тщетно пытаясь извлечь из пастушьих дудок мелодию, способную выразить радость этого события. Теперь стало ясно, что мы пересекли главный водораздел Эллады, потому что поезд пошел вниз, и тормоза пронзительно взвизгнули, когда мы въехали на крошечный перекресток, где стояла маленькая ветка, ведущая в Мегалополис. И вот в прохладе полудня мы оказались в этом городе с неправильным названием, в самом сердце Аркадии, в свете позднего полудня, косо падающего от западного солнца, которое опускалось за внушительный ряд зубчатых гор вдаль.

Для того, кто хоть отдаленно знаком с греческими корнями, название Мегалополис должно означать большой город. Собственно, так оно когда-то и было. Его специально возвели с намерением сделать большой город, основанный тремя соседними государствами, как противовес растущему могуществу лакедемонян; но, как и большинство мест, построенных на пустом месте, он уменьшился, и сегодня это деревня, которую правильнее было бы назвать Микрополисом - если, конечно, она имеет право называться полисом любого рода. Железнодорожная станция, как обычно, находилась далеко за пределами деревни, а во дворе станции нас ждал единственный вагон городского. В нее нас усадили, Спирос сел рядом с водителем, смуглым туземцем, и с грохотом, напоминающим знаменитую карету Дедвуда, мы вихрем вылетели из инклюзива и понеслись в город. Сама деревня оказалась, мягко говоря, жалкой дырой. Она состояла из нескольких строений вокруг пустыря, ровного, как пол, и покрытого редким ковром травы и сорняков. По мере того как мы проходили мимо дома за домом, не останавливаясь, росла надежда, а вместе с ней и благодарность за то, что нам хотя бы удалось избежать ночевки в какой-нибудь лачуге, которую мы до сих пор видели. Тем не менее в конце концов мы остановились перед мрачным жилищем, и нам велели выйти из машины и войти в него. Под темной каменной аркой и по грязному полу каменной мостовой мы осторожно пробирались вперед, оказавшись во внутреннем дворе, который, как отметил Спирос, был "прямым продолжением гипетрального мегарона древнего микенского дома" - действительно, прославленное происхождение для грязного помещения, вокруг которого группировались апартаменты семейной свиньи, коровы и прочих домашних принадлежностей и аксессуаров. Это была малообещающая прелюдия к ночлегу, но еще большее удивление вызвал тот факт, что, спустившись по шаткой лестнице, мы оказались на маленьком балконе и увидели примыкающие к нему апартаменты, предназначенные для нашего пользования. Они были выметены и убраны, а полы вымыты до блеска. Складные железные кровати были установлены и на них расстелены постельные принадлежности, рядом стоял обеденный стол, накрытый для вечерней трапезы, а во главе всего этого стоял повар, чьей энергии были обязаны все эти приготовления, приветливо улыбаясь сквозь лес усов, и должным образом представленный нам как "Стати".

В сумерках мы разожгли аппетит к ужину бодрой прогулкой за пределы деревни, примерно на полмили, к месту немногочисленных и скудных руин Мегалополиса. Наш путь туда сопровождался помпезностью и пышностью, которую обеспечивала толпа маленьких мальчиков и девочек, чье присутствие поначалу было нежелательным, но впоследствии оказалось полезным: они указали нам дорожку, ведущую к руинам, и стали стражниками, отгоняя камнями разных овчарок, оспаривавших у нас дорогу. Затем последовала обычная раздача лепты, и нас оставили в покое осматривать останки древнего величия. Эти останки были немногочисленны и заросли травой. Они включали в себя не более чем театр, некогда один из величайших в Греции, где до сих пор хорошо видны постройки за оркестром, и несколько фундаментов зданий за ними, на берегу извилистой реки. Кроме них, старый Мегалополис больше ничем не выделялся.

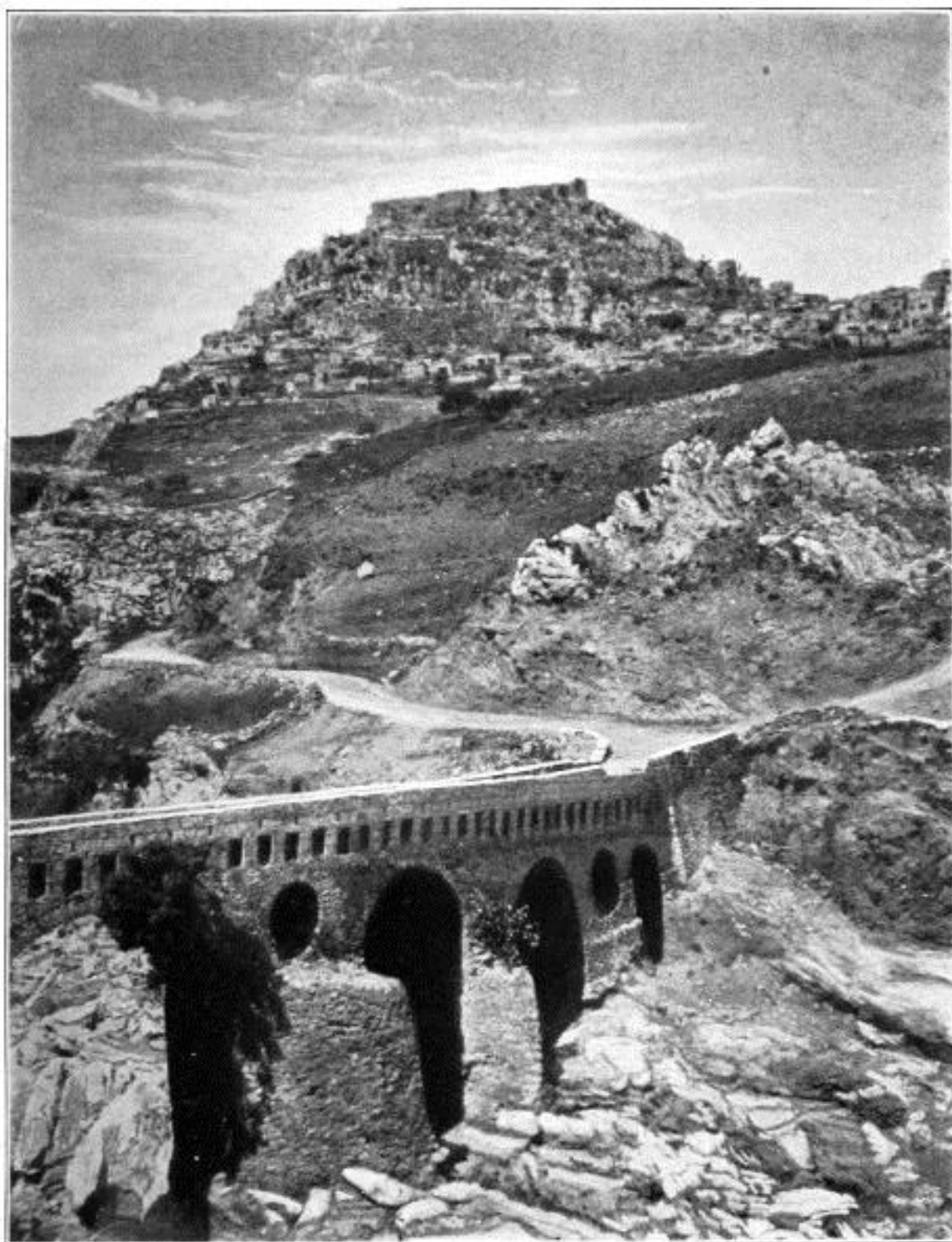
В тот вечер мы сели за стол, чтобы поужинать так, как мало какой отель в Афинах мог бы превзойти. Подсвечники на столе были из полированного серебра с монограммой предков Спироса. Скатерть и салфетки были вышиты. Посуда была вся в узорах, и впоследствии мы обнаружили, что каждый предмет нашего домашнего обихода, от суповых тарелок до самой скромной "посуды" из семейного запаса, был украшен с тем же вкусом. Мы не раз смеялись над несоответствием между нашим окружением и кулинарной панорамой, которую Стати сотворил из своей примитивной кухни на улице и подавал с таким изяществом. Это был шедевр поварского искусства: шесть блюд, следовавших друг за другом в быстрой последовательности, и все они готовились в узкой печи, где пылал угольный огонь под энергичным размахиванием кукурузной метлы. Суп сменился макаронами, макароны - бараньими отбивными и зеленым горошком, затем последовали цыплята, дополненные фасолью и новым картофелем с соседских огородов, а завершили трапезу немецкие блинчики, после чего в прилегающей кофейне подали кофе - все это сопровождалось обильными порциями воды Андроса, которая бодрит, не опьяняя, и стаканами красного вина Солона, которое, как я подозреваю, способно сделать и то и другое. Очень современно выглядящая масляная лампа помогала не только обогреваться, но и освещаться, поскольку мы находились высоко над морем, а ночь была прохладной. Даже в этот отдаленный район проник продукт рокфеллеровской промышленности, и нет ничего более распространенного, чем характерные квадратные канистры для масла с деревянным бруском по центру для переноски, которые крестьяне используют для ведер с водой, когда первоначальное масло исчерпано. Они, конечно, полезны - больше, чем старомодные глиняные амфоры. Но они не так живописны.

Мы с моим спутником, которого будет удобно называть Профессором, отправились в кофейню вниз, чтобы покурить после ужина, и потребовали кофе на нашем лучшем современном греческом языке, вызвав у хозяина радушный ответ: "Конечно". Похоже, он жил в Нью-Йорке, где держал устричный бар; и, как все, кто когда-либо вкушал радости жизни на Бауэри, он не мог быть счастлив в другом месте, но жаждал услышать последние новости из той страны, о которой мечтало его сердце. Мы надолго задержались над нашими чашками, и нам пришлось заставить его заплатить. Затем мы прошли через низкую арку, ведущую к нашему жилищу, заперли ее на засов с громоздкими засовами, которые могли бы украсить Львиные ворота, и улеглись на наши складные кровати, которые, к счастью, не развалились, пока Спирос и Стати не подготовили их к поездке на следующий день. Они занимались этим, пока мы завтракали. Утренняя еда была доставлена в спальню на тележке, которую приводили в движение наши верные слуги; пока мы ели, за столом шла веселая работа, так что в скором времени мы были готовы к дороге. Повозка для путешествия стояла у главных ворот, запряженная опасным на вид, но на самом деле приветливым туземцем, а позади нее лежала рессорная тележка на двух колесах, в которой были размещены наши постели, кухонная утварь и прочие принадлежности. Прозвучал приказ, и караван беззаботно отправился в западные горы, провожаемый из города сияющим лицом человека, державшего устричный бар.

На протяжении многих миль дорога была легкой. Она проходила по плодородной равнине, орошаемой истоками знаменитой реки Алфейос, которую мы обходили в течение нескольких часов. Холмы неуклонно надвигались на нас, пока, наконец, не образовали узкое ущелье, через которое река прокладывала себе путь, бьющаяся о скалы, к равнинам Элиана за горами. Рядом с дорогой находилась старая и разобранная винодельня, которую мы надолго покинули, чтобы посетить. Несмотря на то что он был заброшен, можно было представить, как босоногие девицы, живущие по соседству, выжимают виноградный сок на верхнем чердаке, а жидкость стекает по рыхлому полу в чаны, расположенные внизу. Это

поэтический способ приготовления вина; но, увидев одну ночь крестьянской жизни, мы были вынуждены признать, что современные методы извлечения сока выглядят предпочтительнее.

Впереди были ворота Аркадии, охраняемые заметным коническим холмом, расположенным посреди сужающейся равнины между двумя горными цепями и возвышающимся над городом с красными крышами под названием Карытæна. Времени было слишком мало, а солнце слишком жаркое, чтобы позволить нам подняться на него, но даже с шоссе внизу он оказался чрезвычайно привлекательным местом, напоминая знаменитые холмистые города Италии. За ним простиралась расширяющаяся равнина Мегалополиса, а перед ним - узкое ущелье Альфеи, окруженное двумя могучими холмами. Каритæна похожа на внутренний Гибралтар и, должно быть, в былые времена была почти неприступной защитой аркадской страны с западной стороны, расположенной в самом центре узкого прохода. Но по какой-то причине, возможно, из-за того, что враги Греции приходили в основном с востока, он, похоже, не занял видного места в истории как крепость. Под городом дорога спускалась к реке и пересекала ее по причудливому шестиарочному мосту, на одном из пирсов которого какие-то благодарные люди установили святилище Богоматери. Дальше дорога пошла в гору. Казалось, мы навсегда покинули равнину. Перед нами лежало глубокое и извилистое ущелье, через которое река течет к западным морям. Рев ее стремительных вод становился все слабее и слабее по мере того, как задыхающиеся лошади взбирались вверх со своими ношами, пока наконец не стало слышно лишь смущенное журчание реки, смешивающееся с шелестом ветра в листве придорожных деревьев. Дорога не имела парапетов, за исключением нескольких необычайно опасных поворотов, и мысль о том, что можно сорваться вниз по этому крутому склону к реке, находящейся так далеко внизу, была совсем не приятной. К счастью, только в одном случае мы встретили другую повозку, и в этом случае наша группа неосмотрительно сошла с повозки и со смешанными чувствами наблюдала за их осторожным проездом. Это было сделано достаточно легко и безопасно, но нам было гораздо приятнее находиться на земле и видеть, как колеса проезжают по краю незащищенной внешней обочины шоссе.

ЗАСТАВА АРКАДИЯ

Время от времени поперечный овраг требовал резкого спуска с воздушной высоты, и мы спускались на дно узкой долины, водитель беззаботно трещал кнутом, колокольчики наших коней весело звенели, а мы держались и изо всех сил старались насладиться видом, хотя все больше помнили о незащищенном правом краю полки. Повара Стати это ничуть не беспокоило. Он ехал позади на багажной тележке, которая неуклонно следовала за ним, и на самом крутом спуске раскачивался из стороны в сторону на узком сиденье, его сигарета небрежно свисала с губ - похоже, он спал.

Эти изредка встречающиеся овраги, по-видимому, были вызваны многовековым воздействием воды, а их берега, поросшие лесом, то тут, то там были отмечены крошечными нитями каскадов, которые с приятным пением низвергались со скал, пересекали дорогу и

исчезали в лесистой глубине речной долины внизу. Бæдекер упоминал огромный платан и бьющий из него источник воды как желательное место для обеда, но мы напрасно искали их. Вместо этого мы устроили полуденную трапезу возле заброшенного каменного хана, в котором на открытом очаге Стати разжег огонь и приготовил еще одно из своих кулинарных чудес, которые мы съели под открытым небом у дороги, под платаном, который был совсем не гигантским. Мы так и не простили Бедекеру этот "бурлящий источник". Когда месяц или больше живешь на бутилированной воде, ожидание попить из природного источника становится несерьезным.

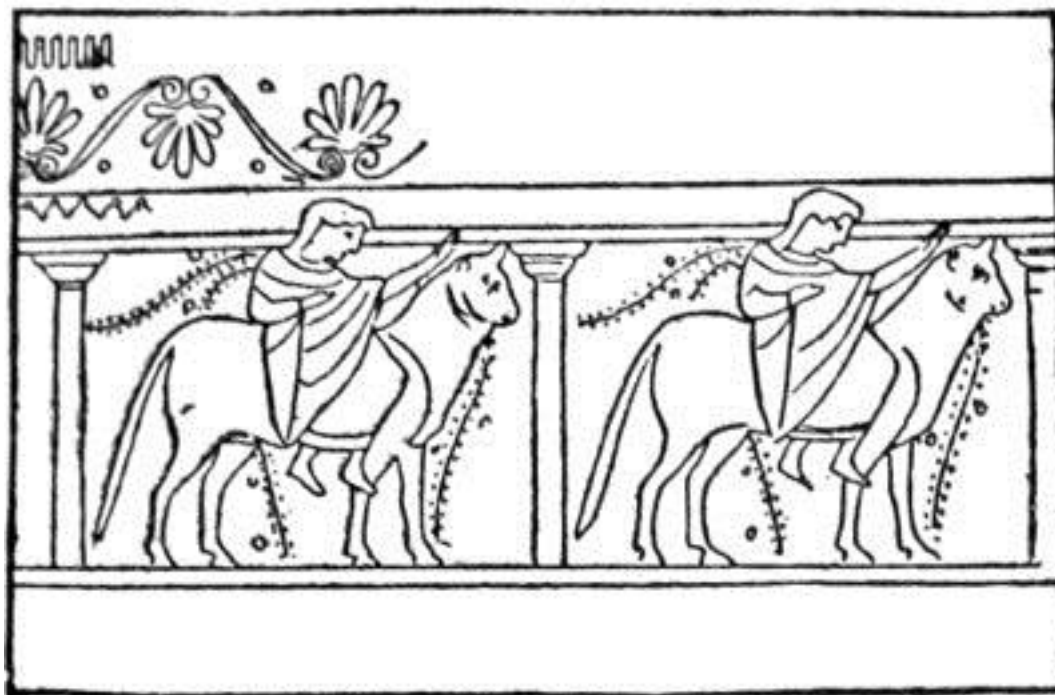
УЩЕЛЬЕ АЛЬФИЙСКИХ ГОР

Оставшаяся часть пути представляла собой постоянный подъем к Андритсене, сменявшийся редкими спусками, хотя это вряд ли можно считать недостатком. Осознание того, что до достижения цели осталось преодолеть две тысячи футов, не способствует внезапной потере всей той высоты, которая была достигнута за час тяжелого подъема. Утомительная многочасовая езда была легко прервана спуском и прогулкой, чтобы насладиться видом, который медленно открывался на запад. Теперь мы находились среди гор Пелопоннеса, и они простирались вокруг. Это была пустынная страна. Далекое блеяние овец и редкие трубы свидетельствовали о том, что где-то рядом есть жизнь, но единственным человеком, которого мы встретили, была женщина, спустившаяся с холма, чтобы попросить водителя позвать врача для ее больного сына, когда он доберется до Андритсены. Наконец, уже ближе к вечеру, водитель указал на узкий вырез в вершине холма, по которому мы медленно поднимались, делая длинные повороты дороги, и объявил, что это вершина перевала. И вид, открывшийся перед нами, когда мы въехали в дефиле, было нелегко забыть. Через узкий проход в вершине лежала новая и другая страна, а посреди нее, прижавшись к склону горы, стоял город Андритсена с красными крышами и белыми стенами, утыканный то тут, то там остроконечными кипарисами. Под городом холмы резко обрывались к долинам, заросшим зелеными деревьями, а выше скалы горного склона круто вздымались к вечернему небу. В

западной дали мы впервые увидели Эриманф и его гигантских соседей - горы, окаймляющие равнину вокруг Олимпии, самые высокие из которых были покрыты снегом и увенчаны вечерними облаками. Мы выпрямились в своих креслах. Стафи вышел из дремоты. Треск хлыстов, и мы помчались в город с той ловкостью походки и уравновешенностью, которые, кажется, требуются при каждом прибытии кареты и четверки из Греции в Сиэтл. И вот они высадили нас на главной площади Андритсены, под огромным платаном, ветви которого раскинулись над всей деревенской улицей, а ствол затерялся в зданиях по бокам. Карета покатила прочь. Драгоман и его верный слуга искали наш ночлежный дом, чтобы привести его в порядок. А мы тем временем размяли затекшие конечности в прогулке по городу, в которой, как обычно, участвовало все праздное население - юноши и девушки, - чтобы осмотреть деревню из конца в конец до захода солнца.

Пожалуй, стоит добавить, что в своем написании "Andhritsæna" я сделал сознательное насилие над словом в том виде, в каком оно представлено на карте - добавленная буква "h" представляет собой, возможно, ненужную попытку передать местное произношение названия. Ударение в нем падает на второй слог.

ГЛАВА XII. АНДРИЦÆНА И ХРАМ БАСÆ

Деревня Андритсена показалась нам чрезвычайно интересной как изнутри, так и извне. Она явно страдала от бедности и, как и большинство пелопоннесских городов, испытывала постоянный отток населения за счет эмиграции в Америку. Естественно, он был убогим, как и Мегалополь, но так, что это не омрачало естественной красоты его положения, а, наоборот, увеличивало его внутреннюю живописность. Мы имели возможность наблюдать это во время нашей первой прогулки по этому месту, начиная с гигантского платана, который является

своего рода ядром всей деревни и укрывает своими раскидистыми ветвями главный центр местной активности - область, непосредственно прилегающую к городскому насосу. Однако это был не совсем насос. Термин этот условный, и под ним следует понимать каменный фонтан, питаемый родником, вода из которого вытекала через два патрубка, куда почти непрерывным потоком шли горожане с неизбежными жестяными масленками, чтобы набрать воды для бытовых нужд.

Главная и практически единственная улица города вела на запад от плоскости, приветливо и непринужденно петляя по деревне. По обеим сторонам ее тянулись дома, как правило, двухэтажные, с решетчатыми балконами, чтобы компенсировать отсутствие пьедестала внизу. Вблизи большого центрального дерева эти балконы казались почти что древовидным жилищем, дорогим детскому сердцу бессмертной швейцарской семьи Робинзонов; и на этих возвышенных местах семьи Андритсены отдыхали после тягот и жары дня, приветливо сплетничали, переходя с улицы на улицу, или, в некоторых случаях, читали.

АНДРИЦЫНА

Разогнать нашу охрану из юношей и девушек оказалось так же невозможно, как и вечером в Мегалополисе. Иностранные гости в Андритсене достаточно немногочисленны, чтобы вызывать всеобщее, но незлобное любопытство у молодых и старых; а молодые, не сдерживаемые настойчивыми требованиями выпить кофе, сразу же настояли на массовом участии в нашем паломничестве. Было прохладно, так как солнце уже село, а горный воздух начал набирать вечернюю прохладу. Мы взобрались на возвышенность над городом и смотрели с ее покатых плит на лесистую долину внизу: вечерний дым из труб тонкими клубами поднимался прямо вверх, а с соседних холмов доносился слабый звон стадных

колокольчиков и изредка тихие нотки мальчишеского пения. Далеко на севере виднелся снежный купол Эриманфа, возвышающийся из громады синих гор, а между ними лежала открытая и ровная равнина Алфеи, расширяющаяся от своих узких мест и образующая широкие луга Элиса на западных берегах Пелопоннеса. То тут, то там дом какого-нибудь местного магната, более зажиточного, чем остальные, мог похвастаться небольшим двором и садом, украшенным мрачными прямыми кипарисами. За городом возвышались скалистые высоты соседних холмов, среди которых тянулись длинные ущелья. Куда ни кинь взгляд, все было очаровательно. Пехота отступила на почтительное расстояние и стояла, глядя на нас, приложив палец к губам в молчаливом удивлении. Матери с младенцами выходили из ближайших лачуг, чтобы осмотреть нас, и наслаждались нами так же, как мы наслаждались открывавшейся перед нами перспективой.

Судя по виду городских домов, мы сочли разумным дать Спиросу и Стати приличный промежуток времени на подготовку нашего жилища, прежде чем снова спуститься на главную улицу и разыскать дом. По-видимому, точное местонахождение его к этому времени было известно всему населению, потому что, пока мы спускались, местные жители охотно указывали нам дорогу жестикующей, указывая на узкий и не совсем приятный переулок, ведущий от центральной улицы по довольно склизким ступеням вниз, на что-то вроде второй улицы, а оттуда на другой переулок, если не менее приятный, чем первый, где грозные деревянные ворота вели во двор. Здесь веселые жители прощались и снова уходили пить кофе. Как только они оказались внутри, перспектива засияла. Это был, конечно же, двор крестьянского дома, поскольку гостиниц в Андритсене нет. Он был вымощен каменной плиткой, а над двором возвышалась основательная веранда, на которой стоял хозяин - бородатый мужчина в великолепном туземном платье, объемная юбка которого была безупречна в ярдах и ярдах фустанеллы. От фески с кисточками до помпонных туфель он представлял собой прекрасный тип крестьянина, контрастируя со своей женой, которая носила незаметную одежду европейского типа. Она была приятного телосложения и явно опрятной, что было выше всяких похвал. Она провела нас в дом, в комнаты, где Спирос и кухарка деловито заправляли кровати, незаметно пудрили матрасы и вообще приводили все в порядок. Вышитое постельное белье, которое привело нас в такой восторг контрастом с обстановкой в Мегалополисе, сразу же привлекло внимание крестьянки, и она тут же одолжила наволочку, чтобы изучить вышивку, которой она была украшена. Что касается комнат, то они были вычищены до белизны.

Сразу за дверью, выходящей на узкий проход, через который мы вошли, был неизбежный балкон, с которого открывался непрерывный вид на северные горы; пока готовился ужин, мы закутались в свитера и шали и стояли в немом восхищении от открывающейся перспективы - глубокой долины внизу, полузагадочной равнины за ней и изрезанной линии пиков, вырисовывающихся на фоне золотистого послезакатного сияния. От этого вида наше внимание отвлек только внезапный звон церковного колокола, который священник настойчиво звонил на вечерню. Колокол, как это часто бывает, висел на дереве рядом с церковью; чтобы предотвратить несанкционированный звон со стороны окрестных сорванцов, мудрый священник укоротил колокольный канат, так что конец его висел далеко среди ветвей, и для целей церкви его можно было достать только длинной железной кочергой, которую святой человек извлек откуда-то из своего святилища и которой он энергично размахивал, чтобы привлечь внимание благочестивых людей. Возможно, это был своего рода греческий ангелус, предназначенный для обозначения часа общей молитвы на закате; но в ответ на его призыв никто не появился, и, простучав, как ему казалось, достаточный промежуток времени, священник отстегнул кочергу и удалился с ней во внутренние помещения церкви, чтобы больше его не видели. Зябкий и нетерпеливый

вечерний воздух также заставил нас укрыться, и тепло лампы и свечей было желанным, чтобы хоть немного ослабить холод, который принесла ночь. В дальнейшем, за обсуждением супов, кур и флагонов "Солон" улыбчивого Стати, о нем временно забыли.

ДЕНДРОЛОГИЧЕСКАЯ КАМПАНИЛА. ANDHRITSÆNA

После вечерней трапезы мы с профессором вышли в темноту двора в поисках кофейни, чтобы получше затянуться послепраздничными сигаретами, но дошли не дальше внешнего двора, решив вернуться за фонарем. Андритсена оказалась не только прохладной, но и очень темной ночью. Ее змеистые окольные пути были лишены единого луча света, и даже главная улица, когда мы ее находили, была избавлена от полного мрака только благодаря лампам, которые тускло мерцали в придорожных лавках, еще не ощутивших на себе силу раннего закрытия. Немногочисленные путники, которых мы встретили, когда пробирались по дороге, освещаемой неэффективным огнем квадратного фонаря, где освещением служила маленькая свечка, тоже несли подобные фонари и выглядели достаточно ужасно в своих капотах. Подобно Диогену, мы искали честного человека - и быстро нашли его в лице владельца крошечного "кафенейона", который приветствовал нас за своим столом и поставил перед нами чашки густого кофе, горячо отрицая при этом свое намерение принять вознаграждение за него. И в самом деле, такая щедрость могла стать наградой, так как в удивительно короткое время стало известно, что иностранные гости подкрепились именно в этом трактире, в результате чего завсегдатаи стали пользоваться большим спросом. Однако завсегдатаев, видимо, не столько интересовал кофе, сколько возможность изучить новоприбывших с близкого расстояния, и, вдоволь налюбовавшись на любопытство собравшихся, мы снова зашагали сквозь ночь к своему жилищу, а фонарь все это время отбрасывал гигантские и жуткие тени на придорожные стены.

Главной причиной нашего визита в эту причудливую и необычную деревушку была ее близость к горе, на плоской вершине которой стоит древний храм Бассæ. Я считаю, что правильнее называть его "храм в Бассе", но сегодня он стоит изолированно и одиноко, и ближе Андритсены нет ни одного населенного пункта, как бы то ни было, когда он был

возведен. Все говорило о том, что до Бассæ можно добраться с одинаковой легкостью как пешком, так и верхом, или, по крайней мере, примерно за то же время; но поскольку у нас не было опыта верховой езды, было решено начать обучение с приобретения лошадей для этой незначительной поездки, чтобы хоть немного подготовиться к двенадцати часам в седле, обещанным нам на следующий день - предчувствие, которое бросало неопределенную тень опасения на наши души с момента отплытия из Науплии. Это был мудрый выбор, потому что, кроме всего прочего, он показал нам сложность греческих горных троп и почти абсолютную уверенность в ногах горной лошади.

Мы были в седле ровно в девять, и в индейском строю отправились по деревенской улице, испытывая трепет, естественный для тех, кто впервые в жизни сел на лошадь. Но эти толчки были ничто по сравнению с тем, что постигло нас почти сразу после того, как мы покинули город и въехали в узкий овраг, ведущий на холмы позади него. Оказалось, что, хотя преобладающее направление дороги - вверх, это ни в коем случае не исключало нескольких случайных спусков, примечательных как своей ужасающей крутизной, так и страшной скалистостью, которую лишь отчасти компенсировала их сравнительная краткость. Ощущение, когда со спины даже небольшой лошади смотришь вниз, в крутой, как крыша с острым скатом, овраг, по которому идет не что иное, как путь высохшего потока, заваленный валунами, сыпучими камнями, гладкими уступами, песком и гравием, не может не радовать. Именно с тихими опасениями и периодическими визгами тревоги наша группа встретила первый из этих спусков. Мы еще не научились доверять своим лошадям и не знали, что хорошо обученная горная лошадь гораздо чаще спотыкается на ровной дороге, чем на одном из этих опасных спусков. С возвышенностей на вершинах неуклюжих греческих седел, заваленных ковриками, расстояние до земли казалось ужасающим, а мысль о том, что можно сорваться в скалистую глубину, по краю которой проходила тропа или в которую она погружалась, не давала покоя. Подниматься вверх было гораздо приятнее, хотя даже здесь нас охватила жалость к маленьким зверькам, которые с таким проворством карабкались по жестоким отвесам скал, неся на своих спинах столь ощутимую ношу упитанных американцев. Спирос сделал все возможное, чтобы успокоить нас. Он ехал впереди и бросал через плечо утешительные замечания миссис Профессор, которая ехала следом. А поскольку он не знал точного состава экипажей, то в конце концов высказал мнение, что лошади для такого путешествия гораздо безопаснее мулов, потому что мулы так спотыкаются. После этого миссис Профессор, ехавшая на особенно своенравном и горном муле, издала вопль тревоги и с удивительной легкостью опустилась на землю, поклявшись, что для нее вполне достаточно прогулки пешком до Бассæ. Тем не менее мул, хотя и спотыкался время от времени, умудрился продержаться с нами до самой Олимпии, и никаких казусов не произошло.

Седла позволяют ездить как верхом, так и на боку, и обычные люди, которых мы встречали, предпочитали последний способ. Каркас седла напоминает по форме козлы, и после того как его устанавливают на спину животного, его заваливают одеялами, коврами и тому подобными вещами, чтобы получилось высокое, но довольно удобное сиденье. Для дам проводники придумали маленькие деревянные качели, подвешенные на веревке, которые служили стремянами для отдыха их подошв. Это устройство было признано достаточно удобным, хотя всадникам приходилось держаться за седло обеими руками, в то время как мультиерьер шел впереди и вел животных. В некоторых крутых местах сохранение сидения в таких условиях требовало немалого мастерства. Что касается мужчин, то специальных мулетов не было. Предполагалось, что мы умеем ездить верхом, и за короткое время мы выяснили, как направлять лошадей с помощью единственного имеющегося у нас поводья, либо натягивая его, либо нажимая на шею лошади. Чтобы остановить современную

греческую лошадь, нужно свистнуть. То есть вы свистите, если вообще можете заставить себя свистеть, что иногда бывает непросто, когда вас охватывает паника и во рту становится сухо и трудно. В основном наше продвижение было настолько умеренным, что для управления лошадьми требовалось не больше мастерства, чем для управления ручной дрезиной. Лишь в редких случаях, когда кто-то из зверей сбивался с пути или отставал, требовалось реальное знакомство с греческим искусством верховой езды. Это случалось с каждым из нас по очереди, прежде чем мы возвращались домой, и в каждом случае погонщики приходили к нам на помощь в положенное время после того, как мы полностью теряли память о надлежащей процедуре остановки и пытались добиться этого громким "уау" вместо успокаивающего сибиланта, который является современным греческим эквивалентом этого полезного и, по сути, необходимого слова.

Время от времени мы находили весьма желательным сойти на землю и пройти пешком, поскольку для непривычного всадника сидение в тесной позе на лошади в течение нескольких часов подряд утомляет и ослабляет нижние конечности. Когда мы ехали в Бассэ, те, кто вообще не ходил пешком, по прибытии обнаружили, что им очень трудно идти. Единственным сдерживающим фактором был труд, связанный со снятием с лошади и предстоящей трудностью забраться на нее снова. В этой операции мушкетеры не мало помогали нашей неуклюжести, и мы обнаружили, что способ привлечь их внимание к желанию сойти заключается в том, чтобы сказать "ка-тто" повелительным тоном - это равносильно слову "вниз".

Таков был наш опыт, пока мы петляли по склонам скалистых оврагов и ущелий в самом сердце холмов за Андритсеной. Когда мы привыкли к управлению лошадьми и убедились, что звери действительно не упадут и не столкнут нас в глубину, мы начали наслаждаться пейзажами. По большей части это была пересеченная местность, хотя на дне долин часто встречались луга, усыпанные бесчисленными полевыми цветами и кустарниками, которые изредка поливал ручей. Утро было чудесным, прохладным и безоблачным. Среди чахлах деревьев щебетали птицы. Мы переходили от узкой долины к узкой долине и наконец, когда выхода не стало видно, прекратили спуск и начали упорный подъем из тенистого подлеска вдоль склона скалистой горы, где не было ни одного леса, кроме разбросанных рощиц дубов-поллардов - старых деревьев, низких и шишковатых, покрытых странными гроздьями, на которых изредка висели венки омелы. На концах своих ветвей деревья выпускают пригоршни мелких веточек, которые, как нам сказали, жители имеют обыкновение обрубать на растопку. Очевидно, что у деревьев нет и половины шанса на жизнь и процветание. Но им каким-то образом удается продлить свое существование, и они придают местности в Бассе и храму там некое странное очарование.

МОЛОТИЛКА В БАССЕ

На западе, по мере того как мы поднимались, появилась блестящая полоска серебра, которую заметили гиды и указали на нее, крича "Таласса! Таласса!" (море). И действительно, это был первый проблеск океана к западу от Греции. Вскоре после этого мы достигли вершины и начали пологий спуск по плоскогорью через редкую рощу низкорослых дубов, среди которых то тут, то там виднелись круглые плоские каменные площадки, используемые для молотбы. На соседних холмах и в долинах можно было увидеть множество таких молотилок, и их число одновременно составляло около десятка. И вдруг, когда мы медленно спускались по аллее дубов, неожиданно взору предстал сам храм, серый, как окружающие скалы, из которых, собственно, он и был построен. В Греции не принято подходить к святыне сверху, и это внезапное появление храма, который прекрасно сохранился, кажется, поразило каждого посетителя, который описал его как чрезвычайно красивый, особенно когда увидел его в обрамлении этих странных деревьев на переднем плане. Мы находились достаточно высоко над строением, чтобы смотреть вниз, поскольку оно, конечно же, лишено крыши; и в отличие от большинства других храмов, так было всегда, поскольку оно было построено по типу "гипетрального" и предназначалось для того, чтобы быть открытым неба. Это была не единственная необычная особенность храма в Бассе. Среди более древних святилищ он отличался тем, что был ориентирован на север и юг, а не на восток и запад, как это было принято в крытых сооружениях греков. Конечно, эта разница в ориентации вызвала множество дискуссий и спекуляций среди тех, чье мнение имеет вес в подобных вопросах. Вероятно, случайный посетитель Греции хорошо знает об обычае устанавливать оси храмов таким образом, чтобы восточная дверь находилась прямо на одной линии с восходящим солнцем в определенные дни, для лучшего освещения интерьера в эти праздники. Хотя прибегали к таким мерам, как использование полупрозрачных мраморных крыш, освещение интерьера крытых храмов всегда было делом не очень сложным, и такое расположение дверных проемов было необходимо для того, чтобы изображение бога было достаточно ярким. На основе этой системы ориентации иногда удавалось определить, что определенные храмы посвящены конкретным божествам, отмечая дни, когда восходящее

солнце приходило точно противоположной оси святилища. Подобные соображения не могут быть с такой же силой применены к гипетральному храму, что бы еще ни было в общем определении ориентации. Но даже в Бассе, где длина храма, очевидно, идет на север и юг, все же верно, что одно отверстие в нем было обращено на восток, и предполагается, что в конце храмового пространства находилось более древнее святилище Аполлона, которое, как и другие храмы, было обращено к восходящему солнцу. Этот более древний участок не был затронут при возведении более крупного здания, и до сих пор хорошо видно, где находился первоначальный священный участок.

Члены одного окружного ряда колонн все еще целы, хотя в некоторых случаях немного нарушена их центровка; на них по-прежнему держится почти весь антаблемент. Стена целлы внутри также практически не повреждена, а внутри нее сохранились большие части необычных полуколонн, опоясывавших целлу и стоявших по бокам от нее. Большой фриз с барельефом, который когда-то шел вокруг вершины, обращенной внутрь, сейчас находится в Британском музее, где он по праву считается одним из главных сокровищ греческой коллекции. Вряд ли стоит говорить о том, что такое расположение фриза было весьма необычным: он находился внутри здания, а не на внешней стороне целлы, как в Парфеноне. Иктин, архитектор Парфенона, также построил храм в Бассе, который был посвящен фигаийцами "Аполлону-помощнику" в благодарность за избавление от чумы. Этот факт породил предположение, что он, возможно, был построен в то же время, когда чума опустошила Афины, в начале Пелопоннесской войны. Как бы то ни было, очевидно, что он принадлежит к тому же золотому веку, который подарил нам Парфенон и Пропилеи в Афинах. В отличие от них, он не светится разнообразными оттенками выветрившегося пентелийского мрамора, а имеет мягкий серый цвет, обусловленный местным камнем, из которого он был построен. И этот серый цвет, контрастирующий с безжизненностью окружающей рощи, дает во многом тот же приятный эффект, что и в Эгине, где храм виден, как сейчас, в обрамлении деревьев.

Нет нужды говорить, что вид с этого возвышенного места - примерно четыре тысячи футов над морем - просто грандиозен. Океан виден как на юге, так и на западе. Горы на востоке образуют внушительную картину, кульминацией которой является возвышающийся хребет Таягетос. В центре средней полосы на юге возвышается, как черный курган, внушительный и изолированный акрополь Итома, оплот древних мессенцев. Как обычно, строители храма в Бассе выбрали для своей святыни самое удачное место. Как раз в то время, когда мы наслаждались видом после обеда, со стороны Истома, пройдя через современную Фигалию, появился одинокий немец. У него был мальчик-проводник, но кроме него он бродил по этой пустынной части Греции один. Он ничего не знал о языке. У него не было драгомана, чтобы сгладить неровности. Он провел несколько тоскливых ночей в крестьянских хижинах, где чаще всего скапливались паразиты. Но он наслаждался всем этим с энтузиазмом истинного филэллина и в целом передвигался на удивление хорошо. Мы долго сидели и болтали в тени храма, сравнивая его с одиноким величием храма в Сегесте на Сицилии. А когда солнце село, мы снова отправились в обратный путь, но на этот раз довольствовались тем, что шли пешком, а не терзали свои души, спускаясь по слишком крутому склону, который вел с горы в долины вниз.

ХРАМ В БАССЕ, СВЕРХУ

ХРАМ В БАССЕ, СНИЗУ

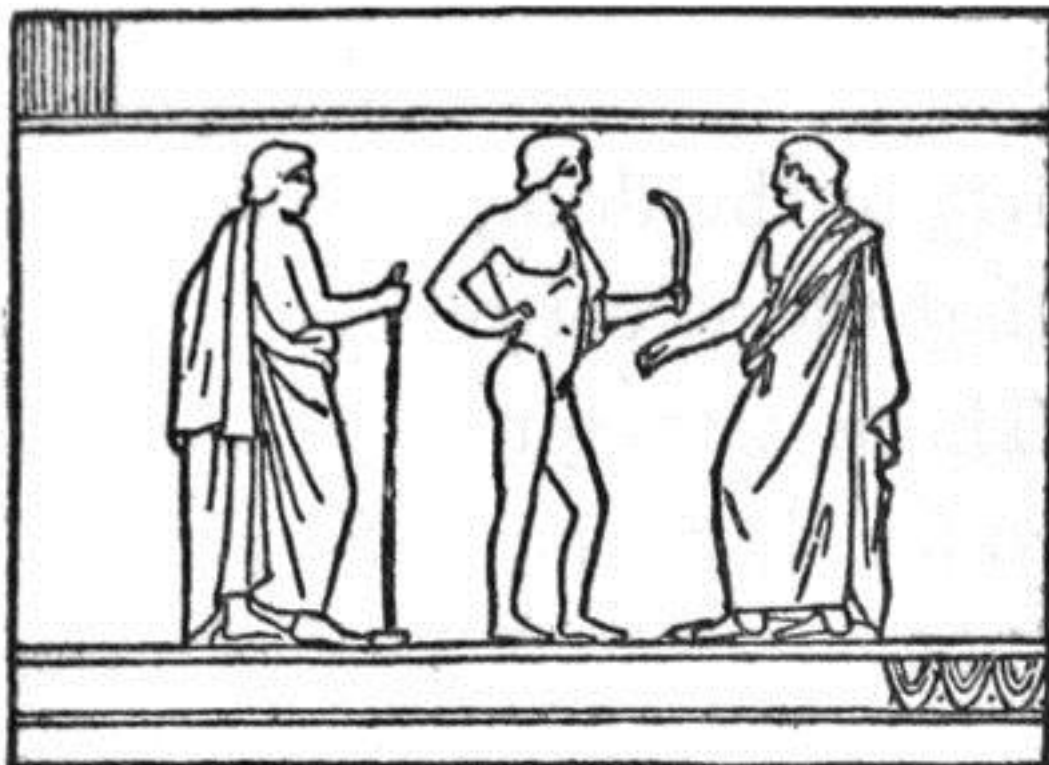
За ужином в тот вечер в Андритсене появился старик с товарами на продажу - диковинными и варварскими одеялами, седельными сумками и прочим, на вид свежим и новым, а на самом деле, по его словам, приданым его жены, которая давно умерла. Ему не было смысла

эти вещи, но он подумал, что сможет найти применение драхмам, которые они принесут. Не стоит и говорить, что на следующий день, когда наши вьючные мулы были запряжены для путешествия по холмам в Олимпию, наши седельные сумки оказались еще тяжелее.

Еще одна вещь заслуживает отдельного комментария, прежде чем мы покинем Андритсену, и это кладбище. В Афинах мы видели много похоронных процессий, которые несли по улицам неупокоенных мертвецов, но никогда не обращали особого внимания на места захоронений, потому что они все еще находятся в основном за городскими воротами, а не в той очереди, которую обычно выбирают посетители. Однако в Андритсене мы наткнулись на одно из них и впервые обратили внимание на любопытные маленькие деревянные ящики, установленные у изголовья могил и больше всего напоминающие птичьи домики, которые гуманные люди ставят на деревьях у себя дома. Внутри ящиков мы обнаружили масляные пятна и иногда остатки разбитых ламп, которые, как нам сказали, были помещены туда в качестве "мнемона", что, несомненно, означает "мемориал", а это слово является его прямым потомком. Лампады, по-видимому, оставляют зажженными на некоторое время после смерти того, кого чествуют, но ни одна из них не горела, когда мы увидели кладбище Андритсены, и практически все они пришли в запустение, как будто умершие были так давно, что скорбь об их уходе забылась. Неподалеку стояла маленькая часовня, на стене которой металлическая табличка и тяжелый железный колышек выполняли роль колокола.

Затем на Андритсену опустилась холодная ночь, и мы улеглись в тепло наших узких постелей, готовые к тому, что нас позовут в путь, чтобы начать нашу утомительную поездку к знаменитому месту старой Олимпии.

ГЛАВА XIII. ЧЕРЕЗ ХОЛМЫ В ОЛИМПИЮ

В пять часов настойчивый стук Спироса в двери спальни возвестил о наступлении дышащего на ладан утра, хотя Фебус еще ни в коем случае не загнал своих коней за край горизонта. Снаружи стоял густой туман - несомненно, низкие облака опустились на гору, - и выбираться из узких постелей и одеваться в холодных сумерках было делом мрачным и невеселым. Тем не менее это было необходимо, ведь путь до Олимпии долгий, и Спирос обещал нам утомительный день, минимум двенадцать часов в седле. Пессимистичный Бедекер придавал этому прогнозу правдоподобие, говоря о том, что дорога невероятно плоха; к тому же мы сами накануне накопили большой личный опыт горных троп в этом регионе. Завтрак в таких обстоятельствах был довольно торопливым и прошел в сравнительном молчании.

Когда последние булочки и джем уже исчезли, и мы начали сворачивать постели, перестук копыт на деревенской улице привлек одного из участников к двери, откуда быстро донеслось, что на улице полно лошадей. Так оно и было. Их было десять, в том числе четыре для нашего отряда, две для Спироса и Стати, одна для мульта, перевозившего груз, и остальные для поклажи - последние были маленькими и, казалось, совершенно недостаточными норогами или осликами, которые отличались скорее своим терпеливым безразличием, чем размерами или оживлением. Пока они грузились, подошли еще четверо животных, которые несли нашего одинокого немца, жившего накануне, и еще одного его соотечественника, появившегося ночью, с их вещами. Их радушно приняли в караван, который, насчитывая четырнадцать зверей и почти столько же людей, с похвальной быстротой выехал из города ровно в шесть часов. Когда мы огибали западный край долины и оглядывались на сверкающую в утреннем свете Андритсэну, тучи уже рассеялись. Мы шли индейским строем по отличной дороге, похожей на ту, по которой мы ехали из Мегалополиса два дня назад, и которая сулила скорое избавление от опасений, пробужденных Бедекером. Но дорога оказалась недолгой. Не успели мы окончательно потерять Андритсену в холмах, как ведущий проводник резко свернул влево, через скалистое ущелье в склоне холма, и повел нас вниз по одному из тех каменистых русел, с природой которых мы слишком хорошо

познакомились накануне. На этот раз, однако, он был менее тревожным, потому что мы научились безоговорочно полагаться на осторожные ноги наших лошадей, не более чем крепко держась за уздечки и попоны и время от времени тихонько посвистывая или бормоча "охс", "охс", обращаясь к умным животным как внешний и слышимый знак внутреннего и душевного беспокойства. Подъем был крутым, но коротким, и мы, к всеобщему нескрываемому восторгу, снова вышли на дорогу.

Дорога, однако, вскоре скрылась на лугу. Когда она будет окончательно завершена, путешествие станет намного легче, чем мы его нашли. Полагаю, через несколько лет в Олимпию можно будет ездить в карете, а проблема с лошадьми перестанет отталкивать посетителей Бассэ от продолжения путешествия на запад. Теперь путь лежал по приятной луговой местности, усеянной примитивными фермами, которые сияли под ярким утренним солнцем. Мы проскочили через узкую речку на возвышенности и поднялись на очередной каменистый подъем, за которым еще один спуск привел нас на еще более низкий луг. Тем временем утренний холод сменился нарастающим теплом, и вьюки быстро превратились в седельные одеяла. Мы ехали и шли попеременно, выбирая для пешеходных прогулок ровные участки по траве и садясь верхом только при резких подъемах, снимая таким образом усталость, которую в противном случае пришлось бы преодолевать верхом. Мы всегда могли видеть внушительные вершины на севере, а благодаря уклону тропы вниз вскоре стали видны высоты холмов за Андритсеной. Непосредственная близость нашего пути была в основном пасторальной и сельскохозяйственной, поскольку повторяющиеся хребты, по которым мы карабкались, служили лишь границами между хорошо обводненными долинами, в которых росли небольшие деревья и кустарники, и где время от времени резкое жужжание давления из примитивного водопровода указывало на наличие водяной мельницы. Кроме этих отдельных мельниц, здесь было мало признаков жилья, так как поля казались в основном заросшими травой. Вдалеке виднелась долина Алфеи, расширявшаяся от ограничивающих ее скальных стен до, казалось, песчаной полосы на равнине далеко внизу, и нам сказали, что в сумерках нас переправят через нее в Олимпию, если мы поймем лодочников до того, как они отправятся домой. Именно это стремление успеть вовремя заставило Спиросу подгонять нас, чтобы, выйдя на берег реки, мы не нашли отклика на призыв паромщика: "Варка! Варка!" - обычная форма приветствия лодочников в Греции. Взяв это на вооружение, мы не теряли времени на дорогу, а уверенно шли вперед, то верхом, то пешком, то вверх по склону, то через рощи невысоких акаций или иудиных деревьев, то по травянистым лугам, где обилие диких цветов добавляло красок в зелень.

Однако приятная долина недолго оставалась дорогой. Через час или около того проводники снова свернули на холмы, которые казались такими же высокими, как и те, что мы покинули, и вошли в извилистое ущелье, изрезанное горным ручьем, Вдоль которого тропинка поднималась все выше и выше к далекому дому, который погонщики указали и назвали "ξενοδοχεῖον" - профессор уже давно научился называть его "Сенатор Шихан", - и в этом придорожном трактире сложилось ошибочное впечатление, что нас скоро ждет обед. Однако этого не произошло. Когда мы достигли высоты и отдохнули под двумя лиственными платанами, которые мы там нашли, Спирос повторил свою историю о паромщиках и их отплытии на закате; и мы должны были сразу же уехать, не подкрепившись больше, чем можно было извлечь из нескольких крекеров и бутылки "Солон". И вот мы снова двинулись в путь, все еще поднимаясь, хотя и более постепенно. В конце концов, дорога оказалась не такой уж плохой, несмотря на Бæдекер, и в одном месте мы признали ее самым лучшим местом, которое мы нашли за все время наших пелопоннесских скитаний. Мы ехали тогда по тенистой роще, как вдруг наткнулись на скопление мамонтовых деревьев, ветви которых раскинулись далеко и широко, а из расщелины одного из них радостно бил родник, заливая

дорогу. Именно здесь король во время одного из своих путешествий в прошлом году остановился, чтобы отдохнуть и принять полуденную пищу. Нам, проголодавшимся после шести часов тяжелой езды, казалось, что пример короля должен быть примером для всех добропорядочных граждан; но Спирос был неумолим и напомнил нам, что паромщики могут ждать короля Греции, но никак не более мелких персон. Мы не должны останавливаться, пока не доберемся до Гремки, потому что в Гремке мы найдем хорошую дорогу, а дальше было четыре часа пути, и мы могли бы точно определить, сколько времени у нас есть для отдыха, по часу, когда мы доберемся до этого места. Мы послушно двинулись в путь, к нам присоединились еще два зверя, так нагруженные пустыми масленками, обычными для здешних мест, что видны были только их ноги. Они внесли комический элемент в впечатления этого дня, поскольку нагруженные таким образом ослы оказались маленькими противоречивыми существами, постоянно сбивающимися с тропы и несущимися вниз по склону горы через заросли деревьев и кустарников, их настилы с консервами издавали веселый грохот, продираясь сквозь заросли, а наши проводники с издевательским смехом наблюдали за замешательством измученных слуг. Когда они не были заняты высмеиванием владельцев этих многочисленных и хлопотных масленок, мултеры пели антифонную музыку в минорном ключе, которая, по словам Спироса, была свадебной песней, в которой жених и семья невесты обмениваются чувствами. Судя по единодушным отзывам путешественников по Греции, это обычное развлечение мулотеров. А еще наши мултеры находили развлечение в том, чтобы, подкравшись сзади, неожиданно шлепнуть лошадь по пухлым ягодицам, что неизбежно приводило к тому, что животное из задумчивого состояния переходило в нечто, отдаленно напоминающее галоп, и вызывал встревоженный визг всадника, после чего мултерьер с самым невинным лицом в мире появлялся под носом у лошади и хватался за уздечку, заверяя испуганного конника, что животное "кала" - или "в порядке".

Все лошади были небольшие, за исключением высокогорного мула, на котором ехала одна из дам, и их нисколько не беспокоили низкие ветви деревьев, через которые мы пробирались. А вот всадников - нет. Колючие ветви, которые только что пронесли над головой невозмутимой лошади, с бескомпромиссной силой обрушивались на седло, и попытка отмахнуться от одного дерева означала столкновение с аналогичными трудностями на другой стороне узкой тропинки. Пробираясь через эту древовидную Сциллу и Харибду было крайне сложно, а лошади совершенно не интересовались нашим положением, так что задолго до того, как мы выбрались из последней рощицы на этом пути, мы представляли собой измученную и исцарапанную компанию.

Вскоре после полудня далеко впереди показались две деревни, и мы уже начали гадать, какая из них Гремка, как вдруг проводники снова повернули и устремились вверх по склону к узкому провалу в горной стене, которую мы обходили стороной. Он оказался узким, как дымоход, и почти таким же крутым, и несколько мгновений мы карабкались по нему, наши маленькие лошади с трудом поднимали свою ношу по склону; но наконец они добрались до вершины, и мы вышли между двумя стенами возвышающихся скал в другой, еще более прекрасный пейзаж. Прямо под нами расстилалась равнина Альфеи, но нам не разрешили спуститься на нее. Вместо этого мы начали подниматься, и еще час или два ехали по склону гряды холмов, через которую только что проникли. Дорога была приятно лесистой, а листва достаточно густой, чтобы обеспечить благодарную тень сверху и мягкий ковер из мертвых листьев внизу. В воздухе витал бальзамический аромат ветвей, а птицы пели весело, хотя был полдень. Сквозь просторы, открывавшиеся в этой восхитительной роще, мы то и дело видели Эриманфский хребет, отделенный от нас лишь милями открытой равнины и впечатляющий своей суровостью.

Бока гряды холмов, по которым пролегал наш путь, были изрезаны оврагами, изрезанными ручьями, и поэтому наше продвижение было непрерывным подъемом и спуском. Ноги были скользкими из-за мельчайших частиц красноватого гравия и песка, так что даже наши горные лошади поскальзывались и спотыкались, и нас предупредили, чтобы мы спустились и сами выбирали дорогу, что мы и сделали, радостно крича "Варька! Варка!" при пересечении каждого абсурдного трехдьюмового ручейка, к большому удовольствию погонщиков. Таким образом, к двум часам дня мы прибыли в Гремку, маленькую бедную деревушку почти на самом краю великой равнины, и нам сказали, что мы прекрасно провели время, так что у нас был почти час отдыха, пока Стати развьючивал мулов и накрывал обед под двумя приятными платанами у настоящего источника.

От Гремки мы снова нашли дорогу. После того как мы покинули небольшое предгорье, на котором стоит Гремка, она стала почти абсолютно ровной, и весь оставшийся день мы, вопреки всему, снова находились в цивилизации. Любопытно, что именно здесь наши маленькие лошадки, которые были так надежны на обрывистых тропах из сыпучих камней и песка, начали периодически спотыкаться, как бы невнимательные теперь, когда дорога стала ровной, и, несомненно, несколько утомленные милями подъемов и спусков. Проводники и погонщики, освеженные небольшой порцией еды и огромным количеством смолотого вина, стали громче, чем когда-либо, петь брачную музыку, а самая внушительная фигура из всех, человек, который в повседневной жизни был мясником и носил свой огромный тесак на кожаном поясе, попытался поговорить с нами на современном греческом, но с безразличным успехом. Пейзаж, хотя и перестал быть суровым, был приятным и спокойным, поскольку дорога петляла по долине через невысокие холмы и пригорки, увенчанные небольшими сосновыми рощами, а широкие низовья рек свидетельствовали о том, что мы приближаемся к морю. И наконец, ближе к закату, мы длинной вереницей спустились по пескам, окаймляющим стремительный Алфейос, и остановились на берегу напротив Олимпии, чьи отели мы могли легко разглядеть сквозь бурлящий поток.

Алфейос не стоит презирать как реку в апреле. Она не особенно широка, но в ней есть то, чего нет во многих греческих реках, - вода, и ее много, она стремительно течет между низкими южными берегами и более крутыми обрывами, которые ограничивают ее со стороны Олимпии. Паром уже ждал. Он оказался вместительным судном, по форме напоминающим прибрежную шхуну, но лишенным мачт и в основном полым, если не считать небольшой палубы на носу и корме. На нем работали трое сговорчивых и, как оказалось, хищных туземцев, а движущей силой были шесты. С этими паромщиками Спирос и Стати почти сразу же вступили в яростный спор, в котором им помогала наша когорта мулов. Нас это не очень удивило, и, зная, что, что бы ни случилось, мы останемся без финансовых потерь, мы сели на берегу и стали катать камешки по воде. Выяснилось, что лодочник потребовал с нас плату в три раза больше, чем обычно, и что Спирос, не питавший никаких иллюзий относительно ушедших духов, категорически возражал против того, чтобы его так поколачивали, и протестовал горячо и громко, а Стати, чья внешность обычно была такой спокойной, наводил ужас, танцуя вокруг жестикулирующего узла мужчин. В конце концов дело приняло настолько серьезный оборот, что мы с профессором, напустив на себя свирепый вид, расположились рядом, упомянув о совершенно мифической близости с главой эллинского полицейского управления в надежде способствовать благотворному духу компромисса, но на самом деле больше желая успокоить взволнованного повара, который жаждал получить инструменты своего ремесла, чтобы отправить этих трижды квалифицированных лодочников туда и сюда. В конце концов, чтобы склонить к прекращению военных действий, мы отчалили от причала, после чего спор внезапно прекратился, и ноша поднялась на борт. Так же поступил и профессор, которому не

терпелось создать стратегическую базу на противоположном берегу; а остальные сидели и смотрели, как судно мучительно выталкивается в поток и идет против течения, пока не была достигнута точка, откуда сила реки подхватила его и бешено понесла вниз, к причалу на берегу Олимпии. Здесь возникли новые трудности - не финансовые, а механические. Тяжело нагруженные маленькие ослики оказались совершенно неспособны перешагнуть через борт и выбраться на берег. Это было вдохновляющее зрелище: Профессор энергично дергал за уздечку, а остальные члены команды изо всех сил подбадривали их; но все было безрезультатно, хотя они и прилагали все усилия, пока в самый подходящий момент мультащик не придал необходимый импульс мощным толчком, который поднял терпеливого осла над бортом и вытащил на берег. Дальше все было просто. Мы переправились в свою очередь и исчезли из поля зрения лодочников, причем каждая сторона выражала свое мнение о другой в выражениях, которые, как мы поняли по используемым тонам, были диаметрально противоположны комплиментарным. С момента отплытия из Андритсены прошло двенадцать часов до точки, когда мы зашли в гостиницу, и Спирос не на шутку развеселился.

ГЕРЬЮМ. ОЛИМПИЯ

В конце концов, этот день не был слишком утомительным. Частые прогулки, которые мы совершали, помогли нам развеять усталость от долгой езды, которая в противном случае привела бы к онемению конечностей и скованности суставов. Хорошо бы помнить об этом, потому что я не раз видел, как непривыкшие к езде всадники выходили из седла после слишком долгой езды, совершенно не в силах стоять и, конечно, тем более идти, пока длительный отдых не восстанавливал кровообращение в неработающих членах. К счастью, день выдался просто великолепный. Спирос признался, что втайне опасался дождя, который сделал бы тропу опасной в тех местах, где она была узкой и состояла из глины. Как бы то ни было, мы прибыли в Олимпию в удивительно хорошем состоянии и точно в срок, хотя ни в

кчем случае не были готовы снова встретить настоящие кровати и возможность неограниченно пить теплую воду.

Олимпия, как и Дельфы, - это, прежде всего, место воспоминаний. Видимые останки многочисленны, но настолько плоские, что для их мысленного восстановления требуются небольшие технические знания. В современной Олимпии вообще нет деревни - только пять или шесть маленьких трактиров и железнодорожная станция, так что в этом отношении Дельфы действительно имеют преимущество перед Олимпией. Как объекты, связанные с древнегреческой историей и греческой религией, эти два места настолько же похожи по своей природе, насколько и по общей разрушенности. Поле, на котором стоят древние сооружения, находится через крошечный приток реки Кладеус, перекинутый через пешеходный мост.

Даже с противоположного берега руины представляют собой интереснейшую картину, привлекательность которой значительно усиливают соседние сосны, разбросанные по самому участку и густо покрывающие небольшой конический холм Кроноса, а травы на равнине пышно разрастаются среди упавших камней бывших храмов и апартаментов атлетов. Руины так многочисленны и так запущены, что нетехнический посетитель испытывает серьезные затруднения при их описании, как и в случае с любым подобным местом. Практически все руины были идентифицированы и объяснены, и, естественно, все они имеют отношение к жилью или состязаниям приезжих атлетов древности, или к поклонению божествам-покровителям. Почти первыми обширными руинами, которые мы обнаружили, пройдя через окружающую стену, был Пританеум - своего рода древний тренировочный стол, за которым безвозмездно содержались победители состязаний, а за ним находились другие, не менее обширные остатки мест для тренировок, такие как Палестра для борцов. Но над всем этим, очевидно, доминировали два великих храма - древний, сравнительно небольшого размера, посвященный Гере, и мамонтовое сооружение, посвященное Зевсу, которое до сих пор свидетельствует о его огромных размерах, а упавшие колонны-барабаны дают некоторое представление о других пропорциях. В свое время это была главная слава города, а статуя бога даже причислялась к семи чудесам света. К сожалению, эта статуя, как и статуя Афины в Афинах, была безвозвратно утрачена. Но среди руин сохранилось достаточно великого святилища, чтобы внушить представление о его величии; а в музее, расположенном выше, героические фигуры с двух фронтонов были восстановлены и расставлены таким образом, чтобы с замечательным успехом воспроизвести внешнее убранство храма. Остальные древние постройки, связанные с особым назначением этого места, собраны вокруг центрального здания и представляют собой причудливое нагромождение битых камней и мрамора. Единственным диссонирующим элементом является навязчивый остаток византийской церкви. Кроме этого, участок напоминает лишь о том далеком времени, когда регулярные игры созывали всю Грецию в Олимпию, а "мир Божий" царил во всем королевстве. Прямо у подножия Кроноса длинная терраса и лестница отмечают расположение ряда старых сокровищниц, как в Дельфах, а вдоль восточной стороны участка видны остатки портика, некогда знаменитого своим эхом, где сидели судьи, распределявшие призы. Также сохранилась изящная арка, обозначавшая вход на древний стадион, от которого сейчас больше ничего не осталось. Из более поздних построек на этом месте наиболее интересен и обширен "дом Нерона". Олимпийские игры продолжали проводиться даже после римского господства, и Нерон сам внес их в списки в свое царствование. По этому случаю для него возвели дворец - и, конечно же, он одержал победу, ведь любой другой исход был бы самым невежливым, не говоря уже об опасности. Нерону повезло с жильем больше, чем другим древним участникам, ведь в старой Олимпии не было общежитий, в которых можно было бы

разместить толпы приезжих, и атлеты и зрители, приезжавшие со всех концов земли, привыкли брать с собой палатки и разбивать их кругом, многие из них на дальней стороне Альфеи.

ВХОД НА СТАДИОН. ОЛИМПИЯ

О многочисленных сокровищницах, которые, как уже упоминалось, тянулись вдоль стены террасы у самого подножия холма Кронос, говорит Павсаний. Изредка удается найти достаточно сведений о них, чтобы судить о том, как они выглядели - несомненно, подобно так называемой "сокровищнице афинян", которую в восстановленном виде можно увидеть в Дельфах. В этих крошечных зданиях хранились мелкие votивные дары различных государств и оборудование для игр. Недалеко от этого ряда фундаментов и рядом со стеной террасы, ведущей вдоль холма вниз к арке, обозначающей вход на стадион, находятся несколько оснований, на которых стояли бронзовые статуи Зевса, установленные на деньги, полученные от штрафов за нарушение правил игр. Различные древние атлеты добились сомнительной известности, воздвигнув эти "заны", как их называли, один из них - памятник отъявленному трусу Сарапиону Александрийскому, который был так напуган перспективой участия в панкратионе, на который он записал свое имя, что сбежал за день до соревнований.

На территории храма до сих пор можно увидеть фрагменты пьедестала, который поддерживал прекрасное золотисто-серебряное изображение Зевса работы Фидия. Говорят, что сам бог был так очарован работой скульптора, что метнул вниз молнию, которая ударила рядом со статуей, а место было отмечено вазой из мрамора. То, как одобрение было прописано в столь двусмысленном проявлении, может показаться довольно сложным для понимания; но таков, во всяком случае, факт. Из других сохранившихся оснований наиболее интересен высокий треугольный пьедестал Ники Пеонии, который все еще можно увидеть *на месте*, хотя его изящная статуя находится в музее.

Прямо над лугами на дальнем берегу возвышается гряда холмов, через которую мы совсем недавно проезжали верхом. Именно там древние нашли удобную скалу, с которой можно было сбрасывать несчастных женщин, осмелившихся посмотреть на игры. Закон гласил, что ни один женский глаз не должен видеть эти состязания, и, насколько известно, только одна женщина, нарушившая этот закон, избежала наказания. Она была матерью стольких спортсменов-победителей, что на нее распространялся незаслуженный иммунитет. Другим женщинам, чья маскировка была нарушена, подавали суровые примеры, чтобы запугать будущих рискованных служанок и матрон от стремления посмотреть на то, что запрещено.

Игры в Олимпии проводились в течение примерно тысячи лет, и на протяжении всего этого времени они служили единой признанной системой дат. Они повторялись с интервалом в четыре года. Задолго до назначенного месяца игр, которые всегда проводились в середине лета, во все города и государства Эллады отправлялись уполномоченные послы, чтобы объявить о наступлении события и провозгласить "мир божий", который, согласно закону, должен был царить в дни состязаний и к которому было святотатством не присоединиться, независимо от обстоятельств. В назначенный день города всей Греции отправляли в Олимпию цветки своей молодости: бегунов, борцов, метателей диска, водителей колесниц, боксеров и т. д., а также своих лучших лошадей, чтобы побороться за желанный трофей. Во время первых тринадцати Олимпиад проводилось только одно спортивное состязание - бег. В более поздние времена их количество увеличивалось до "пятиборья", или соревнования по пяти видам, а еще позже - до двадцати четырех различных упражнений. По крайней мере, до римских времен в соревнованиях могли участвовать только чистокровные греки, а в борьбе за венок победителя состязались и дворяне, и плебеи, хотя в скачках преимущество было на стороне более богатых. Однако предлагаемый приз не имел никакой внутренней ценности, будучи всего лишь венцом из дикой оливы, и вторгшихся персов не на шутку удивило и встревожило, что против них выступает народ, который так искренне и упорно борется за приз, который кажется таким незначительным. На самом деле награда была не такой уж и незначительной, как казалось, ведь по случайным почестям, которые она несла, мир редко видел ей равных. Человек, доказавший свое право быть увенчанным этим простым венком, не только сам считался достойным чести, но и его семья, и его город; город вообще пришел в восторг от него, некоторые даже пошли на то, чтобы срыть свои стены в знак того, что с такими галантными сыновьями они не нуждаются в оплотах. Ему были предоставлены особые привилегии в стране и даже за рубежом. Во многих городах победитель олимпийских состязаний получал право на содержание за государственный счет в самом почетном месте, а величайшие поэты того времени с удовольствием славил победителей в своих самых величественных одах. Таким образом, хотя игры в честь богов проводились и в других местах Греции, например, в Дельфах и на Коринфском перешейке, ни одна из них не превзошла олимпийскую как национальный институт, разделив высшие почести с оракулом в Дельфах как объектом всеобщего почитания.

Конечно, происхождение этих великих игр окутано тайной, которая, как обычно, выкристаллизовалась в легенду. И поскольку фронто́н в одном из торцов храма Зевса Олимпийского, хранящийся в музее неподалеку, посвящен этой истории, будет уместно рассказать о ней. Предание гласит, что царь Идномай имел великолепный табун скаковых лошадей, которым по праву гордился, а также обладал необыкновенно красивой дочерью, которую люди называли Гипподамеей и за которую, естественно, стремились выйти замуж подходящие юноши со всей округи. Однако условие, поставленное Сенопаус перед тем, как отдать ее руку, было непростым. Поклонник должен был состязаться на своих лошадях с лошадьми Сенопаус, сам управляя упряжкой; если он проигрывал, его предавали смерти. В одной из версий говорится, что Сенопаус, если обнаруживал, что его отделяют от остальных,

обычно пронзал копьем незадачливых сванов сзади. Во всяком случае, никому не удавалось завоевать Гипподамею, когда появился молодой Пелопс и вступил в состязание. Он, несомненно, был наслышан о неспортивной тактике копьеносцев царя, поэтому он применил несколько собственных уловок - сделал что-то с колесницей своего соперника, например, ослабил штырь или подкупил возницу, чтобы тот ослабил ее в какой-то другой части, - в результате чего, когда гонка началась, CEnomaus был сброшен и убит, а Пелопс выиграл гонку и Гипподамею и, конечно, жил долго и счастливо.

Педиментальные скульптуры из великого храма воспроизводят сцену, предшествующую скачкам, в фигурах героического размера, с не менее известной личностью, чем сам Зевс, в центре группы, в то время как CEnomaus и Pelops с их колесницами и лошадьми и их сопровождающими расположились по обе стороны, а Hippodameia стоит в ожидании. Реставрация была проведена либерально, но в целом успешно; кроме того, что она дает очень хорошее представление о самой легенде, она очень интересна со скульптурной точки зрения, поскольку демонстрирует особый стиль резьбы по мрамору. Другой фронто́н, сохранившийся примерно в тех же пропорциях, менее интересен с точки зрения легенды, но полон оживления и художественного интереса. На нем изображено состязание между кентаврами и лапифами, в которое вмешивается Аполлон, чтобы предотвратить изнасилование женщин-лапифов. Насколько мне известно, этот эпизод мало подходит для олимпийского объекта, но легкость, с которой кентавр поддается ограничениям педиментальной скульптуры, вполне может объяснить принятие этого инцидента здесь. Голова Аполлона относится к тому интересному типу, с которым знакомишься, посещая музеи, посвященные ранним работам, и наиболее примечательна любопытной трактовкой волос и глаз.

Участок вокруг большого храма был когда-то заполнен вотивными статуями, и Плиний утверждает, что насчитал около трех тысяч. По всей видимости, лишь немногие из них сохранились достаточно целыми, чтобы представлять большой интерес. Но из всего огромного скопления скульптур сохранилась, по крайней мере, одна, которая должна навсегда сгладить любую печаль по поводу утраты остальных. Это, конечно, неподражаемый Гермес Праксителя, которого все знают по репродукциям и фотографиям, но который в оригинале так несравненно прекрасен, что никакая репродукция не может дать адекватного представления о нем, ни в выражении тела и черт, ни в его осанке и грации, ни в изысканном блеске мрамора. Они мудро расположили ее в отдельной комнате, которая не видна из большого главного зала музея, и наблюдателю остается только созерцать ее без отвлечения. Кажется, все согласны с тем, что это шедевр сохранившейся греческой скульптуры. Она сохранилась почти идеально, не хватает только поднятой руки и небольшой части ног. Последние были поставлены, и небезуспешно, чтобы соединить восхитительные ступни с остальными. Не было предпринято никаких усилий, и к счастью, чтобы восстановить недостающую руку. Младенец Дионис, сидящий на левой руке, не является большим дополнением к статуе, и можно было бы пожелать, чтобы его там не было; но даже этот небольшой недостаток не может помешать восхищению, которое испытываешь от столь совершенной работы. Один только Гермес полностью оправдывает путешествие в Олимпию, и, увидев его однажды, вы уже никогда не сможете забыть его. Атласная гладкость мрамора восхитительно имитирует человеческую (или богоподобную) плоть, несомненно, благодаря известному грекам процессу натирания ее препаратом из воска. Никаких следов другой внешней обработки не сохранилось, кроме слабого следа позолоты на сандалиях. Если волосы и глаза и были когда-то нарисованы, то краска полностью исчезла за те века, что статуя пролежала погребенной в песках, которые неугомонные Алфеи и Кладеи намывали в священную ограду. Ведь в прежние времена реки часто покидали свои узкие русла и

вторгались в чертоги богов, несмотря на все усилия человека отгородиться от них. Они нанесли непоправимый ущерб зданиям, но поскольку в то же время они сохранили Гермес почти нетронутым, чтобы им могли любоваться современные зрители, возможно, их другие вандализмы могут быть прощены.

Музей также включает в свои сокровища несколько метоп из великого храма Зевса, изображающих труды Геракла. Но, вероятно, следующей после несравненного Гермеса следует считать Nike из Пеонии, стоящую на высоком постаменте в одном конце большого главного зала и, кажется, триумфально пронесшуюся сквозь пространство с ее свободно струящимися драпировками - удивительная легкость, несмотря на вес материала. Эта Nike всегда казалась мне достойной соперницей своей более знаменитой сестры из Самофракии, наводящей на мысль о победе даже сильнее, чем статуя на лестнице в Лувре, которая обладает амазонскими качествами, наводящими на мысль о реальном конфликте, а не о прошлом успешном деле. Прискорбным обстоятельством для Ники в Олимпии является то, что ее голова отсутствует, и восстановленную часть пытаются подвесить над телом с помощью железного стержня. К одной из рук таким же образом приделано запястье, и все вместе они придают образу нелепую ноту, напоминая Ичабода Крейна и капитана Каттла в самом несочетаемом окружении. Тем не менее "Nike" прекрасна, и была бы еще прекраснее, если бы не эти жалкие попытки восстановить то, что не подлежит восстановлению.

Из всех многочисленных маленьких коллекций в Греции, коллекция в Олимпии, несомненно, лучшая, и она достойно размещена в здании в классическом стиле, подаренном патристичным греком М. Сингросом. Помимо художественных остатков, здесь есть множество реликвий, связанных со спортивной стороной Олимпии - конечно, главной ее стороной. Среди них - несколько древних дисков из металла и камня, а также огромный камень с надписью о том, что некий силач древности смог поднять его над головой и перебросить на указанное расстояние. Это кажется невероятным, но в те времена на земле жили великаны.

Современные Олимпийские игры, которые время от времени проводятся в Афинах, - это всего лишь слабые попытки придать классический тон самым обычным спортивным соревнованиям международного уровня. Современным соревнованиям не придается того значения, которое придавалось старым, да и менеджмент оставляет желать лучшего. Препних посетителей больше не обслуживают в Пританеуме, а, наоборот, даже отказываются пропускать на соревнования их преемников. Игры наполняют Афины прибыльной толпой и служат рекламой страны, но, кроме этого, они не имеют никакого оправдания для пребывания на греческой земле и портят ее, насколько это касается удовольствия истинных филэллинов. К счастью, в самой Олимпии нет никакой возможности проводить подобные игры взамен. Ее слава ушла навсегда, сохранившись лишь в памяти.

ГЛАВА XIV. ГРЕЧЕСКИЕ ОСТРОВА: ДЕЛОС

Утро выдалось серым для Греции. Небо было пасмурным, с севера дул прохладный ветер, а дождь то и дело срывался и дарил нам несколько мгновений ливня, но потом снова прекращался и позволял бросить короткий взгляд на Эгейское море, в классическое море которого наш маленький пароход задирает свой тупой нос, то поднимаясь, то опускаясь на тяжелой волне. На рассвете мы обогнули Суниум, и теперь наш курс лежал на восток, к некогда знаменитому, но теперь совершенно пустынному острову Делос, центру Киклад. Впереди, когда туман рассеивался, мы могли видеть несколько ближайших и более крупных островов группы - внушительный ряд затопленных горных вершин, которые показывают продолжение Аттического полуострова под водой, когда он течет на юго-восток от мыса Суниум. Кажущийся хаос Греческого архипелага легко свести к чему-то похожему на порядок, если помнить об этом факте. На самом деле он состоит из двух параллельных подводных горных хребтов, продолжений Аттики и Эвбеи соответственно, вершины которых снова и снова пронзают поверхность воды, образуя острова, названия которых каждый школьник помнит как названия, заканчивающиеся на "os". Прямо перед нами, в ряду, пробивающемся сквозь дождь, виднелись Кифнос, Серифос и Сифнос, а за ними, на другом хребте, карта показывала Андрос, Тенос, Наксос, Миконос и Парос, которые пока невозможно разглядеть. Эта плеяда островов, несомненно, оказалась очень полезной для древних мореплавателей, ведь благодаря их количеству и близости друг к другу и к материку, а также их характерным формам и очертаниям, можно было всегда держать в поле зрения какой-нибудь ориентир, что было очень желательно в те времена, когда моряки не знали компасов и ориентировались только по звездам. Любители Браунинга наверняка помнят, какой конфуз постиг родосский корабль, отправившийся с Балаустионом в Афины, но потерявший всякую ориентировку и попавший в Сиракузы. Ни один древний корабль не был уверен в точности навигации без частых посадок на мель, и даже выносливые афинские мореплаватели привыкли, направляясь в Сицилию, держаться изрезанных берегов Пелопоннеса вплоть до впадения в Коринфский залив, а затем следовать на Корфу, прежде чем отважиться на запад через Адриатику к "пятке" Италии, где можно было снова обогнуть берег, пока Сицилия не появится в поле зрения вблизи страшных мест, где обитает Сцилла. Разумеется, другие соображения, такие как пища и вода, добавляли к желательности держать землю в поле зрения большую часть времени в столь долгом плавании; но не менее важной из причин была необходимость держаться правильной дороги.

Мы отплыли на зафрахтованном корабле в составе около сорока человек, большинство из которых были настроены на серьезное изучение археологических вопросов, в то время как незначительная часть беззастенчиво искала удовольствия, лишь слегка подкрашенного научным энтузиазмом. Ни в коем случае нельзя было совершить такое путешествие с комфортом. Греческие пароходы, хотя и многочисленны, но медлительны и малы, и их нельзя рекомендовать с точки зрения чистоты и удобства; а их маршруты включают в себя многое, что не представляет особого интереса для посетителей, которые в основном стремятся увидеть места, прославленные знаменитостями прошлого, и меньше всего интересуются современными морскими портами, предназначенными для прозаической торговли вином и фруктами. Для тех, кому посчастливилось оказаться в числе тех, кто спускается к морю на яхтах, Эгейское море - плодотворный источник удовольствия. Для нас единственным выходом было воспользоваться местными линиями грузовых и пассажирских судов или присоединиться к партии исследователей, совершавших ежегодный круиз среди знаменитых древних мест. Мы выбрали последний вариант не только из-за лучшей возможности посетить острова, которые мы давно хотели увидеть, но и из-за восхитительной возможности получить от путешествия не только удовольствие, но и обучение. И вот мы на нашем собственном корабле, с нашими собственными припасами, с нашим собственным мастером и командой, плывем на восток по серому морю, сквозь весенние ливни, к бесплодному острову, где зародился Фебус.

Сейчас Делос найти достаточно легко, он совсем небольшой. Он давно перестал быть тем плавучим островом, о котором рассказывают легенды. Если позволить себе немного язычества, то можно поверить, что этот скалистый островок был обломком, выломанным Посейдоном из дна океана, который беспорядочно плавал, пока Зевс не поставил его на якорь, чтобы предоставить постель для Лето, чтобы она могла удобно расположиться при рождении Аполлона, несмотря на обещание Земли, что виновной Лето негде будет приклонить голову. Так клятва, которую дала ревность Геры, была сведена на нет, и на Делосе родился самый знаменитый из сыновей Зевса вместе со своей сестрой-близнецом Артемидой.

На самом деле Делос - это двойной остров, разделенный узким проливом на Большой и Малый Делос. И именно с меньшей частью нам пришлось иметь дело, как и древней истории. Ведь, несмотря на свои незначительные размеры и удаленность, Малый Делос когда-то был главным центром империи, великим и процветающим городом, а также хранилищем огромных богатств. Как ни удален остров от Афин, на самом деле он занимает центральное положение по отношению к остальному архипелагу, и с его невысокой вершины в ясный день можно увидеть большую часть Киклад. Узкий пролив, о котором мы уже упоминали, представляет собой почти всю гавань, которую можно найти на Делосе в наши дни. В этом укромном месте мы отплыли и бросили якорь, радуясь попутному ветру, который позволил нам высадиться там, где порой трудно найти достаточно гладкую воду для маленьких лодок; ведь здесь, как и во всех греческих водах, маленькие лодки - единственное средство выбраться на берег. Перед тем местом, где когда-то находился древний город, была неглубокая котловина, которая, несомненно, считалась хорошей гаванью для трирем и галер с небольшой осадкой; но для такого небольшого парохода, как наш, глубина была совершенно недостаточной, и мы остановились на отдых в четверти мили от места высадки, когда тучи разошлись и выглянуло теплое и яркое послеполуденное солнце, когда мы спустились в шлюпки и потянулись к берегу.

Оказалось, что здесь практически нет жилья, кроме французских экскаваторов и их людей, которые завершали знаменательную работу по обнаружению не только древних владений

Аполлона и штаб-квартиры Делийской лиги, но и жилой части древнего города, которая, как мы позже выяснили, находилась к востоку на возвышенности. Мы приземлились на скалистый мол, возведенный вдоль края того, что когда-то было священной гаванью, и по узкоколейке, используемой раскопщиками, пробрались к лабиринту руин, который лежал дальше. Лабиринт оказался таким же завораживающим, как и лабиринт в Олимпии. Основная часть руин, очевидно, является реликтом религиозной стороны этого места, где доминировал, конечно же, культ Аполлона. Столетия почитания способствовали обогащению окрестностей святилища. Повсюду можно обнаружить следы портиков и пропилеев, самый большой из которых был возведен Филиппом V Македонским, о чем свидетельствует сохранившаяся надпись. От зданий мало что сохранилось, но разбросанные здесь куски капитальных конструкций и антаблементов дают слабое представление о характере украшений, которыми были украшены храмы в период их расцвета. Нетрудно проследить ход священного пути, ведущего от входа вокруг священного участка к восточному фасаду главных храмов, который на протяжении большей части своего пути был выложен основаниями статуй, алтарей и остатками фундаментов небольших прямоугольных зданий, которые, как предполагается, были сокровищницами, как в Дельфах и Олимпии. Недалеко от главного храма бога до сих пор можно увидеть основание его колоссальной статуи с надписью, гласящей, что ее сделали наксы, причем вырезали статую и основание из одного и того же камня. Означает ли это, что фигура и основание на самом деле были единым блоком, или только то, что фигура и основание были сделаны из одного и того же специфического материала, вызвало несколько небольших спекуляций. Что касается самой статуи, то недалеко от нее на земле лежат по меньшей мере два больших фрагмента, которые легко идентифицировать по моделированию как части огромной спины и груди колосса. Одна из его ног хранится в Британском музее, а рука - на соседнем острове Миконос. Остальное либо зарыто в землю неподалеку, либо унесено вандалами. О том, что у земли еще много сокровищ, свидетельствуют случайные находки, сделанные недавно на месте раскопок. Когда мы были там, при строительстве траншеи для миниатюрной автомобильной дороги в земле был обнаружен прекрасный скульптурный лев, и с тех пор я слышал, что было сделано еще несколько подобных находок. Так что, возможно, обжигатели извести не полностью избавились от великого Аполлона.

Здесь есть три храма, предположительно все они посвящены культу Аполлона, и один из них, несомненно, памяти его несчастной матери Лето, которая родила его, согласно преданию, на берегу священного озера неподалеку. Недалеко от группы Аполлона находятся еще два разрушенных святилища, которые, как предполагается, были посвящены Артемиде. Однако для обывателя более интересен знаменитый "зал быков", самый большой и хорошо сохранившийся из всех построек, получивший свое название от резных быков на его капителях. Однако нельзя сказать, что он сохранился лучше других. Это так только в том смысле, что его протяженность и общий план легче проследить. Его алтарь, известный как "рогатый алтарь Аполлона" из-за бараньих голов, которыми он был украшен, древние считали одним из семи чудес света. Мы с удовольствием покинули священный участок и отправились бродить на север, мимо римской агоры, в общем направлении священного озера. Оно оказалось жалким водоемом, застойным и непривлекательным по сравнению с тем, каким оно должно было быть в пору своего расцвета, когда его берега украшали бордюры. Недалеко от его берегов нам показали остатки нескольких древних домов, также римского периода, в которых комнаты все еще были разделены стенами значительной высоты. Эти стены изредка украшались лепниной и фресками, в комнатах виднелись фрагменты мозаичной мостовой, а под каждым домом находилась вместительная цистерна для хранения дождевой воды. Конечно, эти жилища, напоминающие Помпеи, были гораздо менее совершенными в плане художественных откровений, поскольку были намного старше.

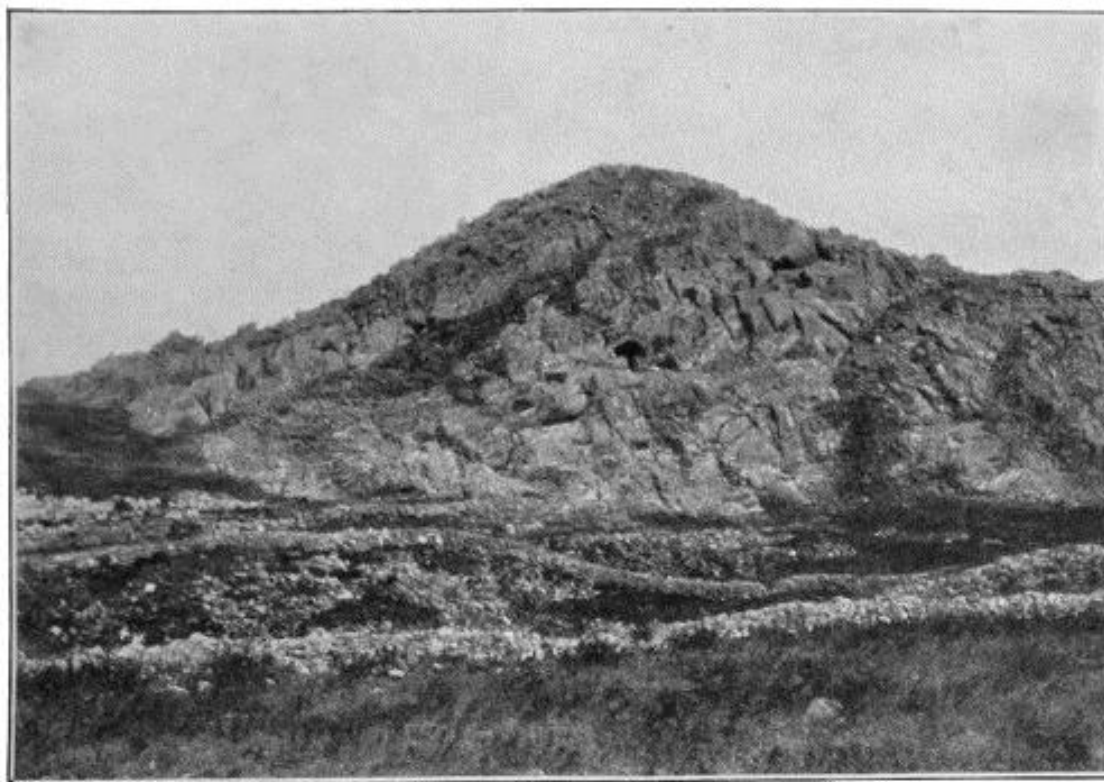
Эти дома, какими бы интересными они ни были, не шли ни в какое сравнение с теми, которые нам позже показали на холме над участком. Их мы миновали по пути к театру, и для нас, не сведущих в археологии, они оказались самыми из всех руин на маленьком острове. Их очень много, они выстроились вдоль нескольких старых улиц, как в Помпеях. Их стены достаточно высоки, чтобы дать представление о верхних этажах, и в одном случае, по крайней мере, мы смогли подняться по печально разрушенной каменной лестнице на то, что когда-то было верхней площадкой. Общее расположение комнат было довольно схожим с тем, что знакомо по раскопанным домам в Помпеях. Большой центральный двор, или атриум, был украшен самой замечательной мозаикой, изображающей Диониса верхом на драконе свирепого вида. Она закрыта, но охранник услужливо поднял тяжелую деревянную дверь, защищающую ее от непогоды, и подпер ее палкой, так что она стала напоминать огромную крышку рояля. Несмотря на мрачность мозаики, ее цвет был живым, а глаза фигур - великолепно выполненными.

По всему периметру атриума были видны следы колоннады, части колонн остались нетронутыми. Стены, по-видимому, были украшены кусочками камня, глубоко уложенными в раствор, и когда-то украшались цветной краской красного, желтого и синего цветов. Настенные росписи, естественно, отсутствовали, поскольку эти дома были не только старше неаполитанского пригорода, но и погибли в результате медленного процесса выветривания, а не в результате внезапного натиска, как в Помпеях. Те следы живописи, которые остались на делийских стенах, нечеткие и довольно неудовлетворительные, и напоминают детские каракули наших дней. Но сами дома, с их случайными тротуарами и одной восхитительной мозаикой, оставляют желать лучшего. Особенно интересным было обнаружение дренажной системы. Дома были не только тщательно оборудованы глубокими цистернами для сохранения дождевой воды, но и хорошо продуманными каналами для отвода сточных вод. У каждого дома на этих улицах стоки были выложены плоскими камнями и уходили в главную канализацию улицы, а те, в свою очередь, сходились в магистральном коллекторе у подножия склона. Совершенно очевидно, что Делос был сухим местом, как по природе, так и по искусству, и что в период наибольшей известности города историку было бы невозможно сослаться на грязное состояние, существовавшее в тот период месяца, когда улицы регулярно чистились.

Мы прошли к театру по склонам высоты, называемой Кифнос, прежде чем увидели древние жилища. Сам театр оказался просторным, но в значительной степени заросшим травой и очень крутым для подъема. Часть, отведенная под сиденья, была примечательна тем, что занимала значительно больше традиционного полукруга, а ее концы были застроены огромными каменными стенами. Сохранились только нижние сиденья. А вот проскенион с колоннами, который, возможно, поддерживал сцену, весьма необычен и интересен.

Некоторые смельчаки поднялись на вершину Кифноса, но это был не тот день, когда можно было полюбоваться видом, которым славится эта возвышенность. В более ясный день можно было бы увидеть множество Кикладских островов, несомненно, благодаря центральному расположению острова и удивительной прозрачности греческой атмосферы, когда она вообще прозрачна. К нашему несчастью, апрельский день выдался дождливым и мало что обещал в плане дальних перспектив. Однако на полпути вниз по склону Кифноса легко можно было увидеть грот Аполлона. По сути, это самая заметная достопримечательность острова. Это своего рода искусственная пещера в склоне холма по направлению к руинам, и здесь находился самый ранний из храмов бога. Древние руки дополнили естественный грот, соорудив для него примитивный портал. Две огромные каменные плиты, как кажется, были опущены друг к другу, пока не встретились, образуя взаимную опору, так что получился

эффект фронтона. Другие плиты были уложены так, чтобы образовать скатную крышу над этим местом, также были добавлены мраморная перемычка и столбы ворот, - предположительно, гораздо позже, чем все остальное. Вполне вероятно, что это почтенное святилище было также местом оракула, так как некоторые из внутренних механизмов грота напоминают те, которые, как известно, существовали в Дельфах; но если на Делосе и был такой грот, он никогда не достигал той репутации, которая сопутствовала более позднему главному дому бога дальних странствий.

ДЕЛОС, ПОКАЗЫВАЮЩИЙ ГРОТ

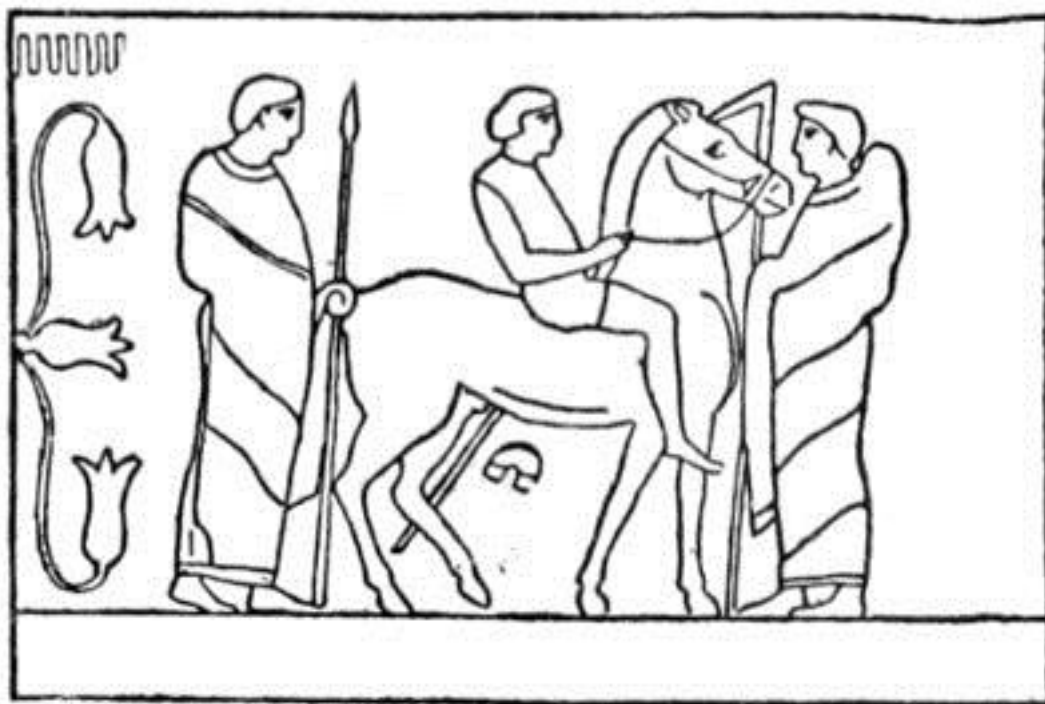
ГРОТ АПОЛЛОНА. ДЕЛОС

Рождение Аполлона и Артемиды, по-видимому, считалось достаточным для прославления Делоса; в последующие годы, когда афиняне сочли необходимым "очистить" город, они постановили, что в будущем ни одному смертному не разрешается рождаться или умирать на острове. В результате через узкий пролив на берегу Большого Делоса были возведены временные жилища для тех, кто *находился в экстремальной ситуации* или должен был быть заключен в тюрьму. Кроме этого факта, большой остров практически не представляет интереса для посетителей.

Конечно, на Делосе есть музей. Когда-нибудь он станет очень интересным. На момент нашего посещения он был только закончен, и в нем не было ни одного пола, кроме тех, что дала природа. В свое время он, вероятно, встанет в один ряд с другими по своей археологической ценности, хотя будет бесконечно менее интересен, чем другие, для неопытных посетителей, которые обычно предпочитают статуи хорошей сохранности маленьким фрагментам и кусочкам надписей. От примечательных скульптур, которыми, должно быть, когда-то изобилывал Делос, осталось сравнительно немного; конечно, ничто не может сравниться с возницей и Лисиппом в Дельфах, или с Гермесом и педиментальными фигурами в Олимпии. Большое очарование Делоса для неискушенного ума заключается в его истории и прекрасном окружении. Как место рождения одного из главных богов Олимпа, место проведения Делийской лиги против персов и первоначальная сокровищница Афинской империи, Делос имеет достаточно истории, чтобы удовлетворить остров, во много раз превышающий его размеры. До сих пор сохранились следы танцевального зала, где

делийские девы исполняли свои чудесные танцы во время ежегодного паломничества, которое было характерно для периода афинского господства; а храмы и сокровищницы, разрушенные до неузнаваемости, напоминают о том значении, которое когда-то придавалось этому месту. До сих пор сохранилась память о так называемой "Делийской проблеме" удвоения куба - задаче, которая поставила в тупик древних математиков, когда оракул предложил, в качестве платы за избавление от чумы, чтобы делийцы удвоили пьедестал из парийского мрамора, стоявший в великом храме. Но это почти полностью место воспоминаний, покинутое всеми, кроме раскопщиков и случайных пастухов. Сегодня это не более чем голая скала, которой она была, когда Посейдон отколол ее от морского дна. Аполлон подарил ей бессмертие, которое, однако, не ослабевает, хотя сам Аполлон уже мертв. Афины и Коринф подарили ему мирскую славу, которая оказалась лишь временной, поскольку зависела от активности в мире дел. Делосу, омываемому Эгейским морем, остается лишь безмятежно коротать долгие приливы и отливы, довольствуясь своим славным часом жизни и радуясь тому, что у его соседей век без названия.

ГЛАВА XV. САМОС И ХРАМ В БРАНХИДЕ

Из-за сильного северного ветра, дувшего снаружи, отплытие с Делоса пришлось отложить до вечерней трапезы, так как наш путь на Самос лежал через морскую котловину. В укрытии узкого канала между Большим и Малым Делосом вода была достаточно спокойной, чтобы можно было с комфортом поесть, и это было похвальное правило круиза - искать укрытие для приема пищи из-за отсутствия "стоек", чтобы содержимое столов не сдвинулось с места при качке судна. Поэтому уже вечером, перед тем как , был взвешен якорь; и когда двигатели дали первые предвестники, с мостика передали, что всем, кто не любит бурную погоду,

лучше сразу же удалиться, так как мы непременно "поймаем ее", как только обогнем мысы соседнего Миконоса и направимся к Самосу через длинный участок открытой воды. Это предупреждение помогло нам понять одну из характерных особенностей плавания по Эгейскому морю, а именно: чередование спокойных вод и бурных морей, которые чередуются между собой, как жирные и жирные полосы в беконе от ирландской свиньи, которую один день кормили досыта, а на следующий голодали. Причиной тому, конечно же, многочисленные острова, расположенные на расстоянии многих миль друг от друга, которые вечно дают укрытие от бриза и волн, а затем снова открываются и подвергают судно воздействию бушующего моря, когда оно пересекает открытый канал между ними. Когда переживания, связанные с этими внезапными переходами, не были тягостными, они могли быть забавными, как мы обнаружили в одно утро, когда столы для завтрака были накрыты довольно неосмотрительно, как раз перед тем, как обогнуть ветреный мыс. Как только судно почувствовало поперечное море, его начало сильно кренить, и весь набор блюд для завтрака быстро покинул незащищенный стол, только чтобы сильно удариться о двери кают, которые выходили в салон, вызвав крики у тех, кто находился внутри; в то время как следующий крен судна отправил обломки по полу, чтобы с таким же резонансом удариться о двери с другой стороны, а стюарды тем временем были измучены до крайности, чтобы вернуть свои чашки и блюда.

Утром по прибытии на Самос мы оказались на ровном киле, под прикрытием этого обширного острова и вблизи берегов Малой Азии, знаменитый мыс Микале вырисовывался впереди. Мы плыли вдоль саамского берега, достаточно близко, чтобы даже издали различить руины некогда знаменитого Гереума, который был одним из объектов нашего визита. Издали он выделялся одной сверкающей колонной, поднимавшейся, казалось, с самого берега. В настоящий момент мы прошли мимо него, направив корабль к маленькому белому городку, расположенному дальше и прямо напротив бухты, образованной огромной громадой Микале. Это было историческое место, поскольку именно в Микале преследующие греки под командованием Леотихида и Ксантиппа окончательно усмирили персидскую армию и флот в 479 году до н. э., сразу после Саламины, окончательно разгромив Тиграна. Микале, однако, мы увидели только издали. Корабль обогнул мол, защищающий гавань некогда главного города Самоса, и впервые встал на якорь в турецких водах. Пока совершались необходимые официальные визиты и проверялись паспорта, было достаточно возможностей осмотреть порт с палубы. Он лежал у подножия изрезанной горы, а городские постройки с двух сторон окаймляли небольшую гавань, изгибаясь вдоль низкой набережной. По общему виду город напоминал Канею на Крите - белизной домов, бледно-зелеными ставнями и изредка встречающейся стройной башней мечети. Формально Самос - турецкий остров. Практически он является таковым только в том смысле, что платит ежегодную дань султану и что его греческий губернатор назначается этим монархом. Во всяком случае, он был достаточно турецким, чтобы требовать паспорта и официального вызова крошечного ялика с флагом-полумесяцем, на котором сиял местный офицер, увенчанный красной феской. Все формальности были улажены по доверенности на берегу, и в положенное время корабельная шлюпка вернулась, неся свободу города и ограниченный запас саамских сигарет, которые продавались по скромной цене в полтора франка за сотню.

Геродот уделяет значительное место истории саамов во времена персидского господства и особенно деяниям тирана Поликрата, который захватил власть на острове и оказался процветающим правителем. Бурные успехи Поликрата встревожили его друга и союзника, египетского царя Амасиса, который испытывал благотворный страх древних перед "ревностью" богов; в результате Амасис отправил на Самос гонца, чтобы сообщить Поликрату, что тот слишком успешен для своего же блага. Амасис опасался, по словам

гонца, что саамского правителя постигнет какое-нибудь зло, и посоветовал Поликрату выбросить все, чем он больше всего дорожил, в качестве умиловления богов. Совет произвел на Поликрата такое впечатление, что он пересчитал свои вещи, выбрал изумрудное кольцо с печатью, которым очень дорожил, взял его на борт пятидесятивесельной галеры и, уйдя достаточно далеко в море, бросил заветное кольцо в воду. После этого он вернулся, довольный тем, что умиротворил предположительно ревнивых богов. Не прошло и недели, как рыбак, поймавший в этих водах необычайно красивую рыбу, преподнес ее в качестве великой чести Поликрату, и, подавая ее к столу, слуги обнаружили в ее брюхе кольцо, которое Поликрат так старательно пытался выбросить! Это событие было признано сверхчеловеческим, и отчет о нем был немедленно отправлен Амасису в Египет. Тот, однако, решив, что Поликрат неизбежно обречен небесами, расторг свой союз с Самосом, наивно заявив, что ему жаль, если что-то случится с другом, и поэтому предложил сделать из Поликрата врага, чтобы тот не горевал, когда его постигнет несчастье! Несчастье действительно настигло Поликрата, и Геродот подробно описывает, как это произошло, заканчивая свои рассуждения замечанием, что он считает себя вправе так подробно рассматривать дела саамов, потому что они совершили "три дела, величайшие из тех, что были совершены всеми греками. Первое - это гора высотой в сто пятьдесят оргиев, в которой прорыт туннель, начинающийся у основания и имеющий отверстие по обе стороны горы. Длина туннеля составляет семь стадий, а высота и ширина - восемь футов соответственно. Через всю длину туннеля проходит еще один котлован шириной три фута и глубиной двадцать локтей, через который вода, подаваемая по трубам, поступает в город, черпаемая из обильного источника на дальней стороне горы. Архитектором этого котлована был мегарянин Евпалин, сын Наустрофа. Это одна из трех великих работ. Второе - курган в море вокруг гавани, глубиной около ста оргий и длиной около двух стадий. Третья их работа - большой храм, самый большой из всех, которые мы когда-либо видели, архитектором которого был Рхек, сын Филеоса, уроженец Самиана. Из-за этих вещей я дольше останавливался на делах саамитян".^[3]

Именно в этом месте, длиной в две стадии, мы и бросили якорь. Несомненно, современный мол все еще стоит на древнем фундаменте, но в наши дни он не считается чем-то выдающимся в инженерном искусстве, как бы его ни считали в детстве. Несомненно, что-то в воздухе Самоса должно было породить расу прирожденных инженеров, ведь на острове не только были построены эти искусственные чудеса, но и родился философ-математик Пифагор.

От города до остатков древнего акведука в горе несложно подняться, а сам туннель представляет собой множество достопримечательностей. В эпоху, когда прокладка тоннелей не была распространенным или хорошо изученным искусством, должно быть, казалось большим удивлением, что саамийцы смогли пробить недра этой значительной скалистой высоты, чтобы получить воду, которую нельзя было перекрыть. Источником стока был источник, расположенный в долине на склоне горы в стороне от города, и воду можно было провести в город без всякого туннеля, просто следуя по долине вокруг. По какой-то причине это было сочтено нецелесообразным - несомненно, из-за очевидного шанса, что враг перекроет снабжение. Возникает очевидный вопрос: что выиграл от прокладки туннеля, ведь сам источник находился под открытым небом и мог быть остановлен так же легко, как и открытый акведук? И единственный ответ, который был предложен, заключается в том, что источник настолько скрыт и так трудно найти, что даже с подсказкой, данной Геродотом, обнаружить его было практически невозможно. А чтобы еще больше скрыть источник, в сердце горы, конечно же, не обошлось без погребения водовода. Тем не менее, известно, что дальний конец туннеля был обнаружен несколько лет назад путем прокладки линии от

места расположения этого источника, так что теперь акведук был перемещен и оказался в значительной степени таким, каким его описал Геродот в процитированном отрывке.

Большинство посетителей, обладающих, как и мы, сравнительно ограниченным временем, довольствуются осмотром только городского конца туннеля, который находится в склоне горы. Он достаточно велик, чтобы войти в него, но для освещения необходимы фонари, чтобы осторожно и часто боком идти по уступу, который граничит с более глубокой выемкой внизу, в которой когда-то проходили настоящие водопроводные трубы. Глубина последней, которую Геродот называет "двадцатью локтями", значительно больше в этом конце туннеля, чем в другом, что, очевидно, объясняется необходимостью исправлять ошибки уровня после завершения строительства туннеля, чтобы обеспечить достаточный уклон для спуска воды. В те примитивные дни неудивительно, что такая ошибка была допущена. Есть свидетельства того, что туннель прорыли две партии, работавшие с противоположных концов, как это принято в наши дни. То, что они сошлись в центре горы с такой общей точностью, говорит об инженерном мастерстве того времени, а то, что они оставили слишком мало для падения потока, совсем не странно. В результате в конце, который обычно посещают путешественники, необходимо соблюдать осторожность, чтобы не соскользнуть с узкого уступа сбоку в дополнительный проход на тридцать футов ниже - падение, которое не стоит презирать ни из-за возможности получить травму, ни из-за сложности вытащить жертву обратно. Вот такой, как сказал бы Геродот, водопровод у саамов.

От туннеля до древнего Гереума, куда отплыл наш корабль, чтобы дожидаться нас, оказалось более двух миль по извилистому пляжу, по которому изредка текли мелкие ручьи из внутренних районов в море. Это была приятная прогулка, несмотря на то, что иногда попадались каменистые участки; с одной стороны, изрезанная горная цепь внутри страны открывала постоянно меняющиеся виды, а с другой, через глубокую синеву Эгейского моря, возвышались величественные высоты Малой Азии, простирающиеся от соседнего Микале до далеких, все еще покрытых снегом вершин Латмийского хребта. Под утренним солнцем открывалась неопределимо прекрасная перспектива, особенно через море к смелым берегам Азии, а далекие горы - в том нежном кьяроскуро, которое так часто сопровождает белые вершины на фоне синевы. Впереди всегда была одинокая колонна - все, что осталось от некогда огромного храма Геры, "самого большого из всех, которые мы когда-либо видели", по словам бесхитростного и правдивого Геродота.

Есть причина считать это место особенно священным для Геры, ведь, по легенде, она родилась на берегу одного из маленьких ручейков, воды которого мы обрызгали, когда шли по пляжу к ее святилищу. Сам храм мы обнаружили далеко от кромки воды, его фундамент настолько засыпан землей, что для его открытия потребовались значительные раскопки. Единственная оставшаяся колонна не завершена, но все еще достаточно высока. Она не имеет капители, и ее барабаны слегка сдвинуты с места, так что она имеет довольно незаконченный вид, чему способствует отсутствие рифления; ведь, как известно даже дилетанту, рифление на греческих колоннах никогда не наносилось, пока не был установлен весь столб, и каждый его стык не был отшлифован настолько тонко, что был незаметен. Мы подошли к руинам через неизбежную просеку, в которой пролегалла неизбежная узкоколейка для вагонеток экскаватора, но никакой активности не наблюдалось. То ли раскопки зашли так далеко, что больше ничего не осталось, то ли денег больше нет, то ли что-то вмешалось, чтобы на время прекратить работы. Однако неподалеку, вдоль берега, стояло несколько домов, в которых жили землекопы и несколько рыбаков, чьи лодки с неводами поднимались, когда мы проходили мимо.

Исследование великого храма Геры выявило необычный факт, что на одном и том же месте в разные периоды существовало два храма. Они не были идентичны по расположению, но более поздний храм перекрывал более ранний, а следы последнего ограничивались самыми нижними камнями фундамента. Из руин более позднего храма было видно лишь немного, кроме одной стоящей колонны и множества валяющихся вокруг барабанов, капителей и баз. Последние были такого типа, какого мы раньше не видели. Это были огромные ромбы из мрамора, украшенные горизонтальными желобками и напоминающие не что иное, как большие кабельные барабаны, частично намотанные - эффект множества узких желобков в слегка вогнутой впадине вокруг колонны. Они были заметной белизны, так как мрамор, из которого был сложен этот храм, не был так богат минеральными веществами, как пентелийский, и не давал того золотисто-коричневого эффекта, который так хорошо знаком по афинским храмам.

ОСНОВАНИЯ КОЛОНН. САМОС

РЕЗНАЯ КОЛОННА-ОСНОВАНИЕ. BRANCHIDÆ

Именно в этом огромном Гереуме, который по размерам соперничал с великими храмами в Эфесе и в Бранхиде, саамийцы хранили похищенную у спартанцев медную чашу, о которой так много говорили древние. По-видимому, из-за того, что Крёз искал союза с Лакедемонией, жители этой земли захотели отплатить ему комплиментом, послав подарок. Они изготовили огромную медную чашу, украшенную множеством фигур и способную вместить триста амфор. Эту чашу они отправили в Сарды. Но когда корабль с ней проходил мимо Самоса, саамцы вышли на берег, захватили корабль и увезли огромную чашу в храм, где она была посвящена богине. То, что саамийцы украли ее таким образом, конечно же, возмущенно отрицалось: жители острова утверждали, что чашу им продали спартанцы, когда узнали, что Крёс пал перед Киром и больше не является желанным союзником. Разумеется, никаких следов подобной реликвии сейчас там не найти. На самом деле о былом величии этого места мало что напоминает, кроме молчаливой и одинокой колонны и очень маленького музея, стоящего у берега, который содержит удручающе мало. По сути, это не более чем мрачный сарай, похожий по внешнему виду на остальные дома хутора.

Пароход ждал нас неподалеку в укромных водах залива, и, поскольку мы хотели посетить храм в Бранхиде в тот же день после полудня, мы покинули Самос и продолжили наше путешествие. Под этим удивительно ясным небом красота обоих берегов была неопиcуемой. Азиатский берег, к которому мы теперь направлялись, был, однако, более величественным из двух, с его передним планом равнин и лугов и великолепным фоном внушительных гор, простирающихся далеко вглубь и теряющихся в невообразимых далях за его пределами. Залитая солнцем морская рябь была того невероятного голубого цвета, которому не перестает удивляться в Средиземном море, и именно внезапный переход от этого цвета к четко очерченной области мутно-желтого цвета в водах, через которые мы скользили, привлек внимание к устью Меандра на берегу. Этот пресловутый извилистый ручей при

впадении в море выбрасывает в воду такое количество грунта, что поверхность его обесцвечивается на значительном расстоянии от берега; через него и шел наш пароход, все время приближаясь к низменному берегу, пока мы не увидели выступающий мыс и, обогнув его, не попали в спокойные, как в пруду, воды. Здесь мы бросили якорь и снова двинулись к суше, впервые ступив на берега Азии.

Самос, конечно, все еще был виден на северо-западе, как темно-синее облако, поднимающееся из волнующегося моря. Перед нами, сверкая в лучах послеполуденного солнца, простирался длинный простор открытого приморского луга, волнистый, почти без деревьев, но густо поросший кустарником и кустами, через который мы пробирались, пока не наткнулись на уединенный фермерский дом и тропинку, ведущую через болото. Это была простая тележная колея среди зелени полей, ведущая к далекому холму, на котором издавна виднелись медленно машущие руки ветряных мельниц и признаки небольшого городка. Ни одна из многочисленных прогулок, которые мы совершили на греческих островах, не превзошла эту двухмильную прогулку по чистому удовольствию. Воздух был прохладным и приятным. Поля были усыпаны цветами - дикими орхидеями, ирисами, гладиолусами и многими другими. Не было видно серых холмов, только вдаль они стали пурпурными и потеряли свою наготу. Вокруг была пустынная, но приятная и пасторальная местность, заслуживающая, тем не менее, общего названия "болото".

Те немногие люди, которых мы встретили по дороге, были фермерами и пастухами, ведущими пастушеский образ жизни в маленьких хижинах из кустарника, столь распространенных на греческих возвышенностях в летние месяцы. Они, как обычно, радостно приветствовали нас и с удивлением смотрели вслед нашему вторжению, пока мы неслись по холмистой местности в общем направлении Бранхидэ.

Наконец на холме, возвышающемся над океаном, появилось это древнее место. Маленькая и убогая деревушка поглотила все окрестности знаменитого храма, который когда-то стоял здесь, и странно контрастировала с оставшимися колоннами, которые вскоре стали видны над крышами, когда мы приблизились, сопровождаемые все возрастающей армией молодежи. Название маленькой современной деревушки на этом месте мы так и не узнали. В древности на этом месте стоял храм Аполлона Дидимея, возведенный Бранхидами - кланом из окрестностей древнего Милета, претендовавшим на происхождение от Бранха. Храм Аполлона, который раньше стоял на этом месте, был разрушен каким-то образом в шестом веке до нашей эры, и Бранхиды решили возвести святилище, которое, как они хвастались, должно было соперничать с храмом Дианы в Эфесе по размерам и украшениям. Это желание было неуместным, ведь Аполлон и Диана - или Артемида, как нам следует ее называть, - были близнецами, поэтому и название "Дидимеус" было применено к храму на этом месте. К сожалению, великий храм, который спроектировали Бранхидеи, так и не был завершен, просто из-за обширности плана. Прежде чем работа была завершена, Аполлон перестал быть столь общим объектом почитания, и то, что планировалось сделать его самой выдающейся святыней, постепенно разрушалось и приходило в упадок.

Однако этого оказалось недостаточно, чтобы уничтожить красоту многого, что было сделано Бранхидеями за те столетия, пока велась работа, ведь утверждается, что на украшение этого места было потрачено несколько сотен лет. Тот факт, что одна из немногих колонн, до сих пор стоящих на месте и венчающих его, не имеет рифления, молчаливо свидетельствует о том, что храм так и не был завершен. Невозможно переоценить изящество и легкость готовых колонн, а также изящество резьбы на их основаниях, которые, очевидно, были задуманы как непохожие друг на друга. Сохранившиеся колонны отличаются большой высотой и удивительной стройностью. Для их строительства было использовано 19 барабанов.

Основания, многие из которых можно увидеть валяющимися, а некоторые и *на месте*, демонстрируют самую тонкую резьбу, какую только можно себе представить: одни украшены круглыми полосами рельефа, другие разделены на грани, делая основание додекагональным, а не круглым, и каждая панель имеет свой, весьма богатый дизайн. Рядом мы нашли остатки огромного каменного лица, или маски, очевидно, предназначенной для украшения карниза и, предположительно, одного из метопов храма.

Обломки великого сооружения были навалены так давно, что посреди них возвышается нечто вроде конического холма; на нем построена башня, с которой можно смотреть вниз на план, насколько он сохранился. Однако основная часть руин находится в восточной части, предположительно передней, где можно увидеть единственные стоящие колонны, изящно возвышающиеся на террасе, которую тщательно вскрыли исследователи. Осталось достаточно, чтобы составить представление об огромных размерах здания, а еще лучше - об элегантности, с которой древние предлагали украсить его, чтобы эфесцы не затмили милезийцев в почитании богов-близнецов. Из рядов статуй, когда-то выстроившихся вдоль дороги от моря к святилищу, одну можно увидеть в Британском музее - любопытного сидящего колосса причудливой архаичной работы, и несколько наводящего, на мой взгляд, на мысль о египетском влиянии в приземистой моделировке фигуры.

Как и следовало ожидать от святилища, посвященного Аполлону, здесь, по-видимому, находился оракул, пользующийся определенной репутацией; ведь Крёс, который был чрезвычайно доверчив в вопросах оракулов, посылал сюда за советом по разным поводам и посвятил здесь сокровища, сходные с тем огромным богатством, которое он передал святилищу в Дельфах. Кроме того, Неко, который занимался прокладкой канала, соединяющего Нил с Красным морем, - прототипа Суэцкого, - посвятил одежду, которую он носил в этот период, богу в храме Бранхидеи. Таким образом, хотя это место никогда не достигало той славы среди греков, которая была у Дельф, оно, тем не менее, похоже, внушало большое почтение жителям Малой Азии и даже Египта, что легко объясняет тщательную заботу, которую Бранхидеи предложили и действительно оказали ему.

Наш осмотр храма и прилегающего к нему города вызвал огромный интерес со стороны младенцев, число которых было огромным. Весь котлован вокруг раскопок был выложен на три глубины мальчиками и девочками, самым старшим из которых было не более пятнадцати лет, которые с открытым ртом изумлением рассматривали нашу группу. Они проводили нас до городских ворот, и небольшой отряд сопровождал нас на обратном пути через болото к причалу, таща за собой протестующего медвежонка, чью мать за неделю до этого застрелил где-то в горах Латмоса какой-то современный Нимрод, и чьи вопли свидетельствовали о наличии в его маленьком мохнатом теле пары способных к дыханию легких. Его взяли на борт, и он сразу же стал корабельным питомцем, похоже, довольным своей участью и явно неравнодушным к сладостям.

Прогулка по огромному и безмолвному лугу в сумерках никогда не забудется. Было что-то мистическое в пустынной равнине, в кустах, приобретающих странные очертания в сгущающихся сумерках, в огромном шаре луны, поднимающемся над зубчатыми вершинами далеких внутренних гор, и, наконец, но не в последнюю очередь, в ревущем огне, который лодочники разожгли на скалах, чтобы с наступлением темноты обозначить место высадки. Мы отчалили, три лодки с усталыми, но счастливыми путешественниками, оставив костер прыгать и потрескивать на берегу, освещая красными бликами суровые скалы и отбрасывая на море гигантские и ужасные тени.

ГЛАВА XVI. КОС И КНИДОС

От маленькой гавани, где мы нашли убежище для высадки, чтобы посетить Бранхидею, до Коса, который был запланирован как место нашей следующей остановки, было всего несколько часов плавания. Как и Самос, Кос лежит недалеко от берега Малой Азии. Главный город, носящий то же название, что и остров, неизменный с древних времен, оказался грозным на вид из-за своих огромных стен и молот, напоминая критские города гораздо сильнее, чем город Самос; желтовато-белые крепости, обрамляющие узкую внутреннюю гавань Коса, напоминают и по цвету, и по архитектуре крепостные сооружения, возведенные для защиты портов Кандии и Канеи. Позже мы убедились, что эти стены - не редкость в здешних местах, и что они свидетельствуют о визитах крестоносцев; ведь великие стены и замок в Галикарнасе, расположенном неподалеку, очень похожи на крепости Коса, и не без оснований, ведь они были делом рук одних и тех же, так называемых "рыцарей Родоса", которые когда-то обосновались в этих краях и построили неприступные по тем временам крепости. В следующие день-два мы часто соприкасались с мощами этих крепких старых рыцарей, которых называли то родосскими, то святого Иоанна, то, наконец, мальтийскими. Что касается Коса, то рыцарская крепость была примечательна, главным образом, с воды, когда мы проплыли мимо хмурых крепостных стен и бросили якорь на открытом рейде перед городом; ведь, как это обычно бывает в таких старых городах, в Косе нет настоящей гавани для парохода с современной осадкой, что бы ни происходило в древности, когда корабли были маленькими.

В лучах утреннего солнца за крепостью раскинулся город, ослепительно белый среди зелени островной зелени, купола и минареты которого перемежались с верхушками машущих деревьев. За городом земля постепенно поднималась к основанию длинной гряды зеленых

холмов, уходящих на юг и в глубь острова. Это была самая плодородная и приятная земля из всех, с которыми мы сталкивались во время нашего эгейского паломничества, и настолько прекрасная, что мы почти забыли, что она турецкая и что нас предупреждали не отходить далеко друг от друга при выходе на берег, опасаясь осложнений и потери дороги. Однако на этот раз это был турецкий язык, чистый и без примесей, а проверка наших документов и паспортов не была пустой формальностью, а была проведена с совиной торжественностью местным сановником в черных мустахиях и с красными петлицами. Пока это происходило, члены нашей партии стояли, сгрудившись за калиткой, преграждающей выход с посадочной площадки, и размышляли о вероятности быть препровожденными в подземелья, которые легко представить себе сырыми и мрачными за соседними стенами из желтого камня.

Представитель султана, убедившись, что нам можно смело въезжать на остров, отворил ворота, и мы, дрожа всем телом, прошли через каменную аркаду, в которой наши шаги отдавались гулким эхом, мимо рядов туземцев, попивающих кофе и курящих наргиле в тени, и через каменную арку попали на просторную площадь, вымощенную булыжником, над которой возвышался самый гигантский и почтенный платан, какой только можно себе представить. Его огромный ствол возвышался в самом центре площади, поднимаясь на своего рода каменный помост, по бокам которого капали каменные фонтаны, глубоко затянутые зеленой плесенью возраста. Сверху, до самых краев площади, ветви раскинули занавес из свежей зеленой листвы. Это были чудесные ветви - огромные, шишковатые, скрученные сучья, которые сами по себе были такими же огромными, как ствол очень приличного дерева, да еще и подпертого лесом столбов. Фактическое измерение окружности ствола показало, что его обхват превышает сорок футов, и нетрудно было поверить в легенду о том, что это внушительное дерево действительно восходит к временам Гиппократы, великого врача Коса, который родился на острове задолго до начала христианской эры. Как бы то ни было, великий самолет Коса и по сей день называют "деревом Гиппократы", независимо от того, имеет ли он реальное отношение к этому выдающемуся отцу медицины или нет.

ДЕРЕВО ГИППОКРАТА. КОС

Мы покинули тенистую площадь по узкой и грубо вымощенной улице, которая была чуть шире переулка и была усеяна белеными домами, стоящими вплотную друг к другу. Она бесцельно петляла по густонаселенной части города и наконец вышла на проселок, где домов становилось все меньше, а великолепных деревьев - все больше, как правило, они затеняли придорожные фонтаны, возле которых сидели завуалированные туземки и сплетничали над своими кувшинами. С нами в дорогу отправилась пара мешковатых солдат, отчасти, несомненно, в качестве надсмотрщиков, но в основном как проводники и защитники - последнее оказалось совершенно ненужным, если не считать случайного опытного отпихивания лающего кур из какой-нибудь придорожной лачуги. Они оказались

дружелюбной парой, хотя, конечно, разговаривать с ними было невозможно, и, пока мы бодро шагали прочь из города по открытой местности, уходящей в сторону холмов, между нами происходил оживленный обмен сигаретами и табаком. Главной их диковинкой была разновидность непотухающих спичек, которая оказалась очень полезной для курильщиков, которых беспокоил оживленный утренний ветерок. Это были плоские спички, сделанные, похоже, из грубой коричневой бумаги, в которую мясники дома заворачивали сырое мясо. Края были зазубрены, и когда спичка зажигалась, она горела без видимого пламени и с небольшим дымом, пока не сгорала вся ткань.

Целью этой прогулки, которая заняла около трех или четырех миль в пригороде Коса, было осмотреть остатки знаменитого храма здоровья, посвященного, конечно же, Асклепию. Мы обнаружили, что он расположен на возвышенности, с которой открывается вид на улыбающуюся равнину к морю, а белые стены и крыши Коса находятся немного в стороне. Такую перспективу невозможно забыть. День был яркий, но в воздухе висела дымка, придававшая аметистовый оттенок другим островам, видневшимся над водой, и делавшая далекие вершины Малой Азии тусклыми и бесплотными. Близкая зелень полей, пурпур моря, нежные оттенки островов и далеких вершин задержали нас надолго, прежде чем мы обратились к любопытным руинам храма, который, как обычно, был не столько храмом, сколько больницей.

От него мало что осталось, кроме фундамента. Три огромные террасы, увенчанные лестницами с легким уклоном, вели к главному святилищу бога, от которого осталось сравнительно немного. Различные здания меньшего размера, святилища для союзных божеств, портики для больных, квартиры для жрецов, сокровищницы и тому подобное, легко различимы, и служат для того, чтобы показать, каким обширным учреждением был храм здоровья в свое время. Реставрация его на бумаге показывает, что он был, вероятно, наиболее впечатляющим, как с архитектурной точки зрения, так и благодаря своему главному положению, которое было не только восхитительным от природы, но и подчеркивалось длинным подходом по трем последовательным террасам к многоколонному главному зданию наверху.

Из множества небольших построек, расположенных на участке, наиболее любопытными и интересными были подземные сокровищницы - если это правильное название для них - которые были обнаружены у подножия склона. По всей видимости, они представляют собой вырытые в земле своды, каждый из которых перекрыт массивной каменной плитой. Плиту можно снять, но только с большими усилиями. В центре ее пробито круглое отверстие, удобное для опускания денег или других ценностей в расположенный под ней сосуд и для вставки снастей, с помощью которых камень поднимали, когда сокровищницу хотели открыть. Огромный вес камня и время, необходимое для его поднятия, были бы достаточной гарантией от несанкционированных посещений сокровищницы. Выдвигались и другие теории, объясняющие эти подземные камеры и их диковинные покрытия - самая фантастическая из них заключается в предположении, что это были камеры, предназначенные для содержания священных змей бога, а отверстия служили для их появления и для введения пищи! Но хотя культ Асклепия, безусловно, использовал священных змей как часть мумий, вряд ли можно предположить, что эти подземные полости использовались для каких-либо подобных целей.

Что касается медицинской практики в Косе, то, по общему мнению, она была разумной и даже "этической", в значительной степени лишенной опоры на пустые суеверия или религиозный формализм в отношении лечебных эффектов, хотя, несомненно, использующей их, как это было не только в древние времена, но и сохраняется до сих пор в некоторых

местах архипелага. Религиозные церемонии, которые обычно принимали форму сна в священных местах в надежде получить божественное исцеление, по-видимому, дополнялись в Косе использованием средств лечения, которые были грубо научными. Гиппократ, самый знаменитый из коанских врачей, оставил множество доказательств того, что он был не простым шарлатаном, а врачом здравого смысла, чей вклад в медицинскую науку ни в коем случае не вышел полностью из-под уважения. До сих пор упоминался обычай класть в храм анатомические образцы, изображающие исцеленные части тела, в качестве подношений от благодарных пациентов - обычай, который сохраняется и в современной греческой церкви, в чем быстро убедится каждый, кто осмотрит алтарную перегородку любой такой церкви.

Чрезвычайное почитание Асклепия в Косе, несомненно, объясняется тем, что Кос был эпидаврской колонией; ведь эпидавры утверждали, что бог врачевания родился на холмах, возвышающихся над их долиной в Пелопоннесе. Во всяком случае, храм здоровья в Косе и великий санаторий в Эпидавре пользовались в древности огромной славой как курорты для больных; и в каждом случае есть следы, показывающие, что это были места, посвященные не только поклонению божеству, но и служению больным с помощью физических средств, насколько такие средства тогда понимались.

Кос, однако, была далека от того, чтобы основывать свои притязания на древнюю славу только на своих врачах и больницах. Ее вышивки соперничали с более известными родосскими работами, и она была ранним домом культуры и курортом для известных студентов, не только медицины, но и риторики, грамматики, поэзии, философии и науки. Известно, что здесь учился Птолемей II, известный также как Птолемей Филадельф, , и совсем не исключено, что сицилийский поэт Феокрит был его сокурсником. Ведь известно, что Феокрит в свое время учился в Косе, а позже был призван к египетскому двору Птолемея, где написал эпиграмму на несчастливый брак Филадельфа с его сестрой. Немалая часть современных знаний о древнем Косе связана с записями, оставленными Феокритом в результате его студенческой жизни на острове.

Куратор древностей, отвечающий за раскопки в Асклепейоне, взял нас под свою ответственность во время нашей обратной прогулки и провел через весь город к своему дому, где, хотя мы и находились на турецкой земле, нам довелось испытать настоящее греческое гостеприимство. Наша компания была достаточно многочисленной, чтобы привести в ужас любую ничего не подозревающую хозяйку, но нас провели в большую верхнюю комнату дома, причем жена и дочь не проявили ни малейшего беспокойства. Это была огромная комната, безупречно чистая и аккуратная, и сорок с лишним человек, входивших в наше число, нашли стулья, расставленные в ряд по всей квартире, где мы непринужденно сидели, рассматривая фрагменты, которые хранитель мог показать из массы надписей, извлеченных из храма. Тем временем, по национальному обычаю, старшая дочь подавала каждому по очереди угощение, состоявшее из консервированной айвы, бокалов с мастикой и огромных стаканов с водой. Это была величественная церемония: каждый серьезно угощался айвой из одного блюда и запивал ее сердечным напитком, а мать суежилась вокруг, поднося свежие ложки. После общего обмена открытками и добрыми пожеланиями, которые должны были быть выражены на греческом языке ограниченного путешественника, мы отправились на посадку и снова сели на корабль.

Мы намеревались сразу же отправиться в Книдос и поздним вечером подняться на высоты этого древнего мыса Малой Азии. Но поскольку Галикарнас, родной город Геродота, лежал прямо на пути, мы зашли в его просторную гавань и вышли, не останавливаясь, ради того, чтобы взглянуть на достопримечательность с воды. Бухта, на которой стоит город - теперь она называется Будрун, - удивительно красива, вдается в материк, а сам город, с его

огромным белым замком рыцарей Святого Иоанна в качестве центрального элемента, находится в самом конце. Замок нам удалось очень хорошо рассмотреть, подойдя достаточно близко, чтобы вызвать бурный восторг жестикулирующего турецкого чиновника, который вышел на крошечной лодке, смело украшенной флагом-полумесяцем, чтобы показать нам, где можно бросить якорь, если мы того пожелаем. С палубы нам указали место, где находится знаменитый Мавзолей, и большинство из нас были уверены, что видели его, хотя найти его было нелегко. Останки этой несравненно великолепной гробницы, предназначенной для царя Мавсола, как всем известно, сегодня можно увидеть в Британском музее.

До мыса Книдос оставалось еще несколько миль, и в середине дня мы бросили якорь в одной из двойных бухт, которыми славилась древняя военно-морская станция. Бухты до сих пор разделяет узкий перешеек - тот самый, который древние тщетно пытались разорвать. Рассказывают, что при сверлении скал разлетались такие осколки, что глазам рабочих угрожала опасность, и оракул, когда его спросили, отговорил их от продолжения работ, сказав, что "Зевс мог бы сделать землю островом, если бы хотел этого". Так и остались две маленькие гавани, по одной с каждой стороны вдающегося в море участка суши. Они использовались как якорная стоянка для трирем и торговых судов соответственно, когда Книдос был мировой державой. Сегодня это место абсолютно пустынно, и мы обнаружили, что обе маленькие бухты лишены всяких признаков жизни, пока вечером сюда не зашел проходящий мимо рыбацкая и не устроил все на ночь.

КНИДОС С ДВУМЯ ГАВАНИЯМИ

Над водами гавани возвышалась величественная скала акрополя Книдоса высотой около двенадцати сотен футов - голая и запретная скала. Ни города, ни храмов, которые когда-то теснились у ее подножия, не было видно. Человек давно покинул это место и оставил его абсолютно незанятым, кроме воспоминаний. В древности это было излюбленное место Афродиты, и на холмах над морем стояли три храма в честь этой богини. Здесь же стояла мраморная Афродита, высеченная Праксителем и многими считавшаяся его шедевром.

Много веков назад ее увезли в Константинополь, и она погибла во время пожара в этом городе в 1641 году.

Три наши лодки без особого труда высадились на обрывистые скалы берега, с некоторым трудом избегая различных затопленных валунов, лежащих прямо у берега. От уреза воды до узкой и возвышенной полки, на которой стояли храмы, пришлось карабкаться. Их руины утопали в высоких травах и огромных кустах маргариток, причем последние росли в самом удивительном изобилии. Одним взмахом ножа я срезал огромную охапку этих цветов, и в тот вечер обеденный салон превратился в прекрасную беседку из диких цветов, которые привезли с собой возвращающиеся.

Это был один из тех дней, когда неархеологическая часть группы поспешно оставила остатки древнего величия внизу и решительно отправилась на восхождение, поскольку вид с нависающей сверху скалы был многообещающим. Это оказалось самым грозным подъемом за все время нашего путешествия по Эгейскому морю. В древности здесь был постепенный подъем по зигзагообразной дорожке к укрепленным высотам, но большинство из нас пренебрегли им и устремились вверх по крутому склону к вершине. Это не слишком разумный план для тех, кто не является закаленным альпинистом, поскольку склон вскоре стал настолько крутым, что оглядываться назад, на гору, было головокружительно, а опора часто была затруднена из-за нагромождения камней и обломков сыпучей породы. Единственной растительностью были небольшие кусты, за которые часто приходилось хвататься, чтобы поднять нас все выше и выше. Однако вершина сполна вознаградила наши труды. К вершине идти было легче, так как мы нашли старую дорогу и постепенно поднимались к месту, где начинались древние стены.

С вершины скалы открывался неописуемо прекрасный вид. Солнце быстро опускалось к горизонту, освещая острова и море. Ветер стих, дымка исчезла, и береговая линия Малой Азии простиралась, четко обрисовываясь, в любом направлении. Мы находились практически на юго-западном углу полуострова. На севере и востоке от нас отступали изрезанные мысы, а в глубине материка громоздились внушительные внутренние горы, упирающиеся своими снежными вершинами в синие вечерние сумерки. Над Эгейским морем из расплавленного золота поднимались темно-синие и фиолетовые острова. У наших ног лежали гавани-близнецы и наш пароход, похожий на игрушечный кораблик, тонкий дымок из его воронки поднимался голубой струйкой в тихий вечерний воздух. Рыбаки с крошечного суденышка, искавшие здесь ночной причал, разожгли на берегу сверкающий костер. Вдоль острого хребта мыса виднелась древняя линия стены, поднимающаяся и опускающаяся вдоль вершины и обрамленная то тут, то там разрушенными башнями - грандиозное инженерное произведение давно погибшей нации. Все это было впечатляюще безмолвно и пустынно, если не считать нас самих. Империя действительно ушла на запад, оставив некогда могущественный Книдос бесплодной пустошью.

Но темнота, внезапно наступающая в этих широтах в это время года, предупредила нас о необходимости поспешно спуститься к огню, который сигнализировал нам с причала, и мы, скользя, спустились по старому мосту к лодкам. В ту ночь луна была полной, и мы допоздна сидели на задней палубе, наслаждаясь несравненным блеском света на море и скалах, освещавших, как и в былые времена, усеянный скалами берег, но на берегу, где больше не кипела жизнь, а в гаванях не было кораблей. А в полночь хрип двигателей и стук винтов возвестили о том, что мы выходим из гавани Книдоса в море, на Родос.

ГЛАВА XVII. РОДОС

Нашей целью было высадиться на острове Родос, а не в городе Родос. Посетить знаменитый северный город, где когда-то стоял Колосс, было бы очень приятно, если бы представилась такая возможность; но мы планировали плыть вдоль юго-восточной стороны Родоса и высадиться в менее знаменитом и, возможно, более живописном месте - Линдосе.

Проснувшись утром, мы обнаружили, что наше судно весело катится в поперечном море у входа в маленькую бухту, служащую Линдосу гаванью, - море, которое лишило наш стол для завтрака его немногочисленной посуды и превратило пол салона в море разбитой посуды.

Воды бухты оказались достаточно спокойными, когда мы проскользнули мимо внушительного мыса, на котором возвышался акрополь древнего Линдоса, и нащупали путь через быстро мелеющие воды к безопасной якорной стоянке. Вода была удивительно прозрачной и голубой, дно просматривалось на много саженей и казалось гораздо более мелководным, чем на самом деле. Мы смогли подойти довольно близко к берегу, прежде чем бросить якорь, и оказались в хорошем укрытии от дувшего тогда ветра, хотя и находились далеко за пределами крошечного внутреннего порта, расположенного у подножия крутого обрыва. Над всем городом возвышался обрывистый и, казалось, недоступный акрополь, его крутые бока уходили вниз к морю, насыщенный красный цвет скалы контрастировал, с одной стороны, с безупречной синевой Эгейского моря, а с другой - с чистой белизной городских зданий. Вершину мыса венчают руины замка рыцарей Родоса, которые в средние века сделали его знаменитой крепостью. На самом деле резиденция рыцарей уничтожила более древние остатки классического периода, в том числе храм Афины, а работы по извлечению греческих руин из-под обломков крепости крестоносцев только начинались, когда мы высадились на берег.

С корабля самым заметным объектом на возвышенности был разрушенный замок Святого Иоанна, портал которого, дававший единственный доступ к плато на вершине мыса, был хорошо виден, когда мы подплывали к нему. Снизу он производил впечатление желтовато-коричневого песчаника, цвет которого он разделял с добротными крепостными стенами, хмурившимися со всех сторон цитадели, даже там, где обрывистость склона на протяжении примерно трехсот футов делала крепостные стены, казалось, произведением сверхъестественного искусства. Под сенью могучей скалы на берегу лежала современная деревня Линдос, очевидно, свежевыбеленная и сверкающая на солнце там, где скала не укрывала ее от утреннего тепла. Это был один из тех удивительно ярких дней, которые так прославили греческую атмосферу: безоблачный и ясный, с такой ясностью, что далекие предметы видны так отчетливо, но в то же время так мягко. Что касается ближайших перспектив, то они были почти мучительны для глаз под полуденными бликами, падающими на безупречный ряд близко расположенных белых домов и магазинов.

Наши лодки отчалили от берега по спокойной глади воды, цвет которой менялся от глубокого индиго у борта до бледно-зеленого, когда она вливалась в бахромку скользких скал у подножия отвесной скалы. Посадочная площадка представляла собой узкую полосу галечного пляжа, от которой к городу, расположенному прямо над морем, круто вела неровная мощеная дорога. Контраст голубого неба и белой чистоты города был ослепительным до крайности, и блики в какой-то мере объясняли женщин в чадрах и детей с воспаленными глазами, которых мы встречали во дворах города. Наши глаза вскоре разболелись настолько, что мы пошли в одном строю по тенистой стороне улиц с высокими стенами, глядя в основном на тень и лишь изредка на дома и лавки по мере того, как мы пробирались в сердце деревни. Но даже эти случайные взгляды открывали нам самые очаровательные детали местной архитектуры: любопытные готические и мавританские окна, сохранившиеся с тех давних времен и украшенные каймой "веревочного" узора, выложенного из камня. Почти все было покрыто ослепительной побелкой, лишь кое-где сохранились реликвии былых времен, которым позволили сохранить естественный цвет родного камня.

В большинстве случаев жилые дома стояли далеко в стороне от улиц, которые были очень узкими и кривыми. Между шоссе и домом неизменно находился крошечный дворик, отгороженный от взглядов прохожих возвышенной стеной, всегда белой. Однако во дворы иногда можно было заглянуть через заманчиво приоткрытые ворота. Эти маленькие дворики были выложены галькой с черно-белыми узорами по всей их протяженности, за исключением тех мест, где хозяйка дома разбивала клумбу. Эти клумбы и ящики с цветами поражали буйством красок и наполняли воздух благоуханием, а зеленая листва создавала живой контраст с мертвенной белизной стен.

В дверях домов, расположенных внутри, можно было увидеть группы застенчивых женщин и робких детей, прячущихся в юбках своих матерей, которые настороженно смотрели на нас, когда мы нерешительно останавливались перед их воротами. Становясь все смелее, мы, наконец, отважились время от времени заходить во внутренние дворики, очарованные миловидностью крошечных садиков; в конце концов мы решились войти и пройти по приятной твердости галечных тротуаров с белыми и черными узорами к дверям, где женщины робко, но приветливо здоровались с нами и приглашали войти. Обращало на себя внимание отсутствие мужчин. Позже нам рассказали, что мужское население Линдоса временно отсутствовало, будучи занятым на строительстве великой плотины в Ассуане на Ниле, и поэтому в то время женщины были практически единственными хозяевами в Линдосе, что, возможно, и объясняло безупречность всего. Нам также рассказали, что

вечером определенный час отводился исключительно для женщин, которые могли свободно бродить по улицам, в основном за водой для своих домочадцев, не опасаясь приставаний. Линдос в то время был Эдемом без Адама и таким чистым и опрятным городом, какой только можно найти на земле.

Дома, в которых нас встретили, оказались такими же чистыми внутри, как и снаружи. Нижний этаж состоял, по-видимому, из одной большой комнаты, а сзади нее, возможно, располагалась квартира поменьше для приготовления пищи. Эта большая комната была и гостиной, и спальней. Пол был вымыт до блеска. Стены были универсального белого цвета. С одной стороны комнаты - а иногда и с обеих - виднелось что-то вроде помоста, или возвышенности, которая, очевидно, служила семейной кроватью. Постельные принадлежности, включая одеяла и коврики варварского великолепия, были аккуратно сложены на помосте или перевешены через его перила. И именно здесь, судя по всему, все домочадцы уединялись на ночь, чтобы отдохнуть всем телом, в гармоничном содружестве.

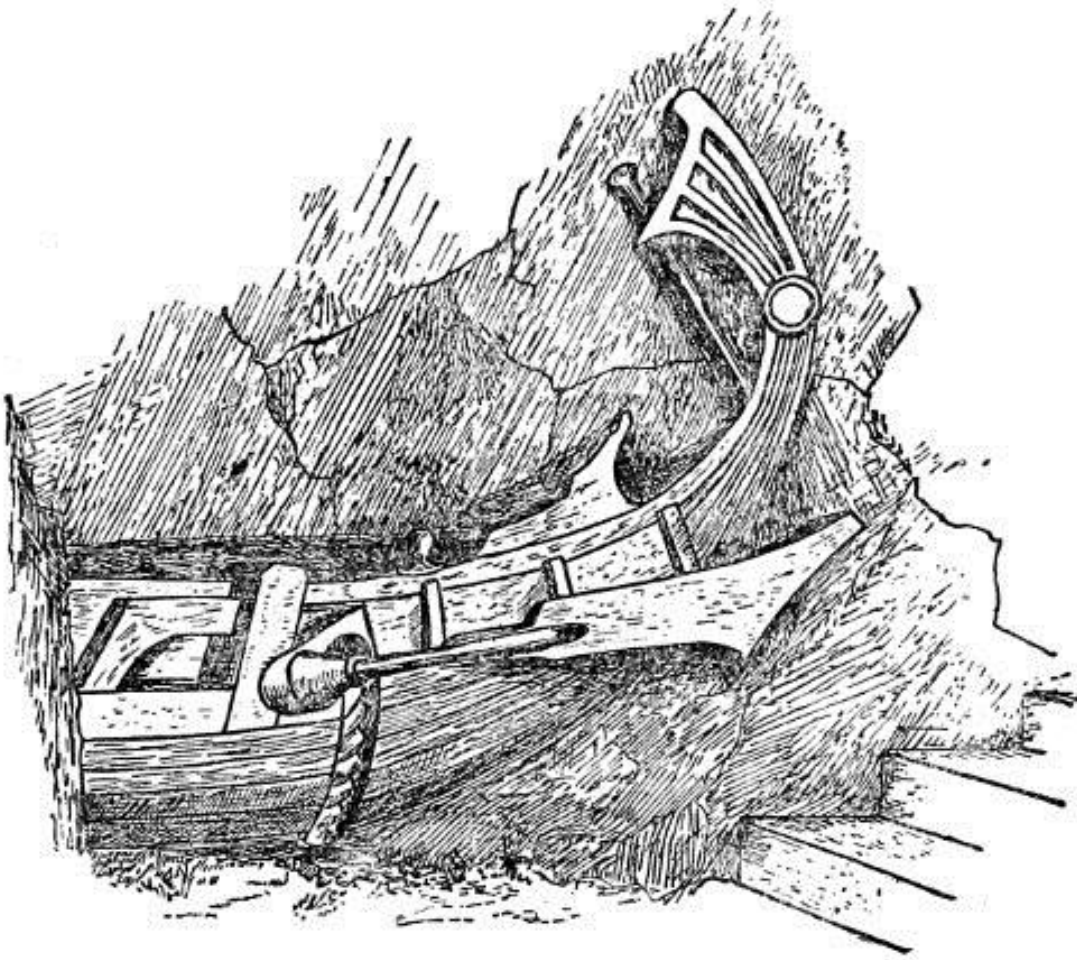
Но больше всего нас интересовало убранство комнат. Почти каждая из них, куда мы заходили, была украшена многочисленными тарелками, висевшими на стенах в большом изобилии, причем редко когда было больше двух одинаковых, и с самыми разными узорами - от ценных родосских до обычных "ивовых" из домашних коллекций наших бабушек. Такой разнородный набор тарелок поначалу несколько озадачил нас. Она была настолько универсальной среди домохозяев и представляла столь широкую область керамического искусства, что присутствие этих тарелок казалось необходимым как-то объяснить. Позже выяснилось, что родосский обычай издавна заключался в том, чтобы отмечать рождение каждого ребенка добавлением тарелки в семейную коллекцию, причем чем меньше дубликатов, тем лучше. Скопление этих блюд, которое мы увидели, представляло собой семейное древо нескольких поколений. Однако, несмотря на связь, предположительно существующую между тарелками и историей семьи, мы обнаружили, что женщины не отказываются расстаться с образцами за определенную цену, и мы унесли не мало. Однако сравнительно редкие случаи, когда нам попадались подлинные и знаменитые родосские изделия, доказывали, что их ценность была хорошо известна местным женщинам. Цены в таких случаях оказывались непомерно высокими, особенно если учесть риск поломки, связанный с доставкой тарелок домой с такого далекого острова. Эти тарелки, отличающиеся красотой дизайна и характерным узором в виде розы в центре, часто можно встретить в музейных коллекциях, и их большая редкость и, как следствие, ценность не позволяют использовать их иначе, чем коллекционером. Те немногие, что мы нашли в Линдосе, можно было приобрести по цене, эквивалентной примерно восьмидесяти долларам за штуку в наших деньгах, что казалось непомерным, пока позже нам не сказали, что даже сто долларов были бы достаточно разумными для некоторых из лучших образцов. Действительно, найти такой экземпляр в продаже становится довольно необычно.

Как мы выяснили, есть достаточно возможностей приобрести знаменитые родосские вышивки; но нас предупредили, чтобы мы оставили торг экспертам, знакомым с ценностями, так как нечастый посетитель почти наверняка будет навязан в любой такой сделке. Эти вышивки, по крайней мере, старые, представляют собой очень сложные творения из цветной шерсти на фоне неотбеленного льна, причем цвета удивительно насыщенные и свежие, несмотря на возраст, о котором красноречиво свидетельствуют пятна и потертые места на ткани. Тема родосской вышивки очень интересна, но слишком сложна и технична, чтобы рассматривать ее здесь. Изучение роста некоторых четко определенных групп условных фигур вполне могло бы послужить материалом для значительной литературы, если бы уже не было сделано. Нам сообщили, что богатство родосской вышивки объясняется

древним обычаем - который, возможно, до сих пор существует среди родосских девушек - начинать подготовку брачного наряда в нежном возрасте, они почти ежедневно работают иглами, пока к моменту вступления в брак не накапливают удивительное количество причудливых покрывал, тканей и украшений для своих сундуков.

Неторопливое продвижение по городу потребовало некоторого времени, поскольку мы часто заходили в маленькие странные домики в поисках диковинных вещей, которые можно было бы унести с собой. А когда мы достигли центра города, жаркое солнце порадовало нас тем, что мы шагнули под просторную арку, омытую снизу небесно-голубым оттенком, который успокаивал наши уставшие глаза, а затем вошли в прохладную и ароматную тишину очень старой греческой церкви, где можно было забыть о бликах солнца на белых зданиях. Из всех диковинок, показанных нам священником, наиболее примечательной была причудливо вырезанная крыша, которую после такого количества чрезмерного света на улице было очень трудно разглядеть в благодатном мраке церкви.

Мы задержались там совсем ненадолго, поскольку конечной целью нашего визита сюда был расположенный выше акрополь. Туда нас провел датский джентльмен, который руководил проводимыми там расследованиями. Дорога вела из плотной застройки города вдоль основания нависающей скалы в сторону открытого моря, все время вверх и вверх над плоскими крышами маленького городка внизу, пока мы не подошли к подножию каменной лестницы, ведущей через расщелину в скале к арочному portalу замка на высоте. Это был длинный лестничный марш, одной стороной упирающийся в гладкую поверхность скалы, а другой - незащищенный. А у подножия впечатляющего подхода к цитадели находилось одно из самых интересных открытий, сделанных на этом месте. Это была гигантская скульптура в виде барельефа, высеченная из самой скалы и представляющая собой, так сказать, в натуральную величину, корму древней триремы. Рельеф был достаточно высок, чтобы на том месте, которое, по замыслу, должно было быть палубой корабля, образовалось плоское пространство, предположительно служившее пьедесталом для какой-то исчезнувшей статуи. Изогнутый конец триремы с поддерживающим болтом, сиденье рулевого и лопасть одного из весел все еще сохранились, и как большое изображение классического корабля скульптура, несомненно, уникальна, и по сей день она так же совершенна, как и тогда, когда художники впервые высекли ее.

СКУЛЬПТУРНАЯ ТРИРЕМА В СКАЛЕ В ЛИНДОСЕ

По эскизу автора

В благодарной тени скалы мы сидели и слушали описание археологических работ, проведенных на этом месте датчанами, которые на данный момент не были официально опубликованы и поэтому не являются подходящим предметом для неспециализированного обсуждения здесь. Однако нам сообщили один интересный факт: с помощью некоторых записей, расшифрованных с табличек, найденных на акрополе, удалось точно установить дату создания статуи Лаокоона как работы первого века до нашей эры. Это было установлено благодаря списку имен жрецов и скульпторов, работавших на них, в периоды, которые удалось установить с удивительной точностью.

АРОЧНЫЙ ПОРТАЛ АКРОПОЛЯ. ЛИНДОС

Мы поднялись на возвышенность, где нам разрешили побродить среди руин по своему усмотрению. Как и снизу, основные черты принадлежали средневековому периоду, который в значительной степени поглотил храм Афины. Тем не менее, раскопщики восстановили достаточно места, чтобы обнаружить остатки старого храма и внушительной пропилеи, а также фрагментарные следы, позволяющие сделать чертежи строений, какими они, вероятно, представлялись древнему глазу. Для остальных главный интерес представляли реликвии рыцарской обители. У парадной лестницы стояла башня, защищавшая акрополь с одной стороны. Арочный портал сохранился почти в идеальном виде, и под ним, через своеобразный ров, можно пройти по импровизированному мосту из досок, где когда-то, несомненно, был разводной мост, служивший для входа или выхода по воле Великого магистра древнего командорства. За вестибюлем располагалась череда сводчатых залов и

покоев, ведущих к открытым участкам акрополя, среди которых наиболее хорошо сохранились часовня святого Иоанна и дом, некогда занимаемый самим Великим магистром. Все они были построены из коричневатого камня и по своему архитектурному стилю несомненно являлись средневековыми. На открытых террасах над входом мало что можно было разглядеть, кроме груды обломков и слабых следов классических храмов. Но больше всего впечатлял отвесный обрыв скалы со всех сторон вокруг акрополя и вид на море и внутреннюю часть Родоса. Обрывы повсюду, кроме одного только входа, перпендикулярно обрывались к морю, которое журчало в двух-трех сотнях футов внизу. Тем не менее, несмотря на очевидную безнадежность преодоления этой высоты, старательные рыцари построили стену с крепостными стенами, которые не столько защищали жителей от нападения, сколько предохраняли их от падения навстречу верной и ужасной смерти. С сухопутной стороны обрыв был значительно меньше, но такой же крутой и такой же неприступный для желающих взобраться на него. На вершине можно было найти даже несколько боеприпасов в виде округлых камней размером со старомодные пушечные ядра, которые можно увидеть в наших современных военных парках.

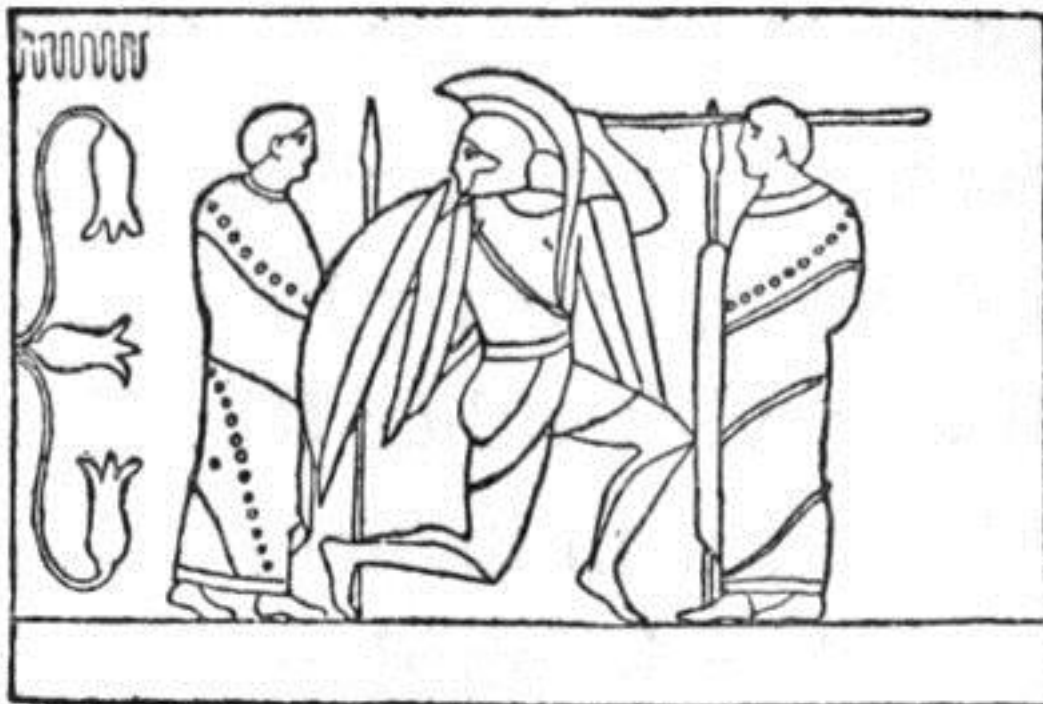
С этой высоты открывался великолепный вид не только на море, но и на гористые земли Малой Азии, а также на скалистые внутренние районы самого Родоса. Сразу за небольшой впадиной, в которой лежал белый город, возвышалась другая, хотя и менее внушительная высота, на склонах которой, по словам экскаваторщика, совсем недавно были обнаружены древние скальные гробницы. За городом раскинулось волнистое море зеленых холмов - приятная, как всегда, и, несомненно, такая же цветущая, как в старину, когда она получила свое название от розы (rhodos) и когда дикий цветок граната дал прозвище "Балаустиону" Браунинга. Будучи колонией Афинской империи, она хранила верность аттическому городу вплоть до 412 года до н. э., в те тревожные дни Пелопоннесской войны, когда звезда Афин угасла и большинство родосцев, наконец, восстали. Те, кто еще держался за Афины, вероятно, ушли, как Балаустион, и вернулись, если вообще вернулись, только после того, как Афины были разрушены под звуки флейты. Во времена римского господства Родос вновь обрел благосклонность, и Тиберий выбрал этот улыбающийся остров местом своего изгнания. За то, что Кассий встал на сторону Сезара, он наказал остров разграблением. В течение нескольких столетий после этого его завоевывали арабы, а от них он перешел к византийцам, которые передали его рыцарям Святого Иоанна, получившим новое название рыцарей Родоса, укрепили место, как мы видели, и долгое время удерживали его против всех желающих, вплоть до 1522 года, когда султан Солиман II уменьшил его. Это по-прежнему турецкая территория, и из находок, сделанных археологами на месте Линдоса, большая часть была отправлена в Константинополь, включая несколько сотен терракотовых статуэток. Ревностные турки, жаловались раскопщики, отобрали у них книги при высадке на берег, в результате чего они вели одинокую жизнь, единственным развлечением которых была работа на акрополе.

У нас не было возможности осмотреть внутренние районы острова, которые другие посетители описывали в ярких красках как наиболее привлекательные в изобилии почти тропической зелени и зарослей кактусов, олеандра, мирта, инжира и гранатов. Как и Кос, Родос был древним очагом культуры, пользовался большой популярностью у студентов и был местом расположения знаменитого университета. Эсхинес основал здесь знаменитую школу ораторского искусства, а в более поздние годы это учебное заведение удостоилось покровительства не менее знаменитого человека, чем римлянин Цицерон. Разумеется, мы не увидели никаких следов.

Не было возможности посетить и древнюю столицу, "город Родос", который может похвастаться руинами очень похожего рыцарского замка. Что касается знаменитого Колосса, который почти все вспоминают в первую очередь, пытаюсь вспомнить, какими были чудеса света, то его больше не существует. Но мимоходом можно заметить, что представление о том, что эта гигантская статуя бороздит гавань, было разрушено, уничтожив одно из самых заветных детских заблуждений, которому не в последнюю очередь способствовала картинка на задней странице Webster's Unabridged, созданная двумя последними поколениями.

На Родосе в его золотой век было три знаменитых города - Линдос, Ялисос и Камейрос, которые вместе с Косом, Книдосом и Галикарнасом составляли древний дорийский "гексаполис", или шесть городов, четыре из которых нам посчастливилось посетить за последние два дня. Город Родос был образован сравнительно поздно жителями трех первоначальных городов острова и стал процветающим и влиятельным портом. Жители были мореходами и достигли высокого уровня мастерства в навигации, с интересным следствием в их кодексе морского права, от которого слабо сохранилась доктрина "общего среднего" в нашей адмиралтейской практике, иногда называемая родосским правом, и имеющая отношение к участию всех грузоотправителей в таких убытках, которые могут быть вызваны выбросом части груза за борт, чтобы спасти весь груз от потери. Посетить Камейрос и внутренние помещения было бы интересно, но невозможно, и мы нашли утешение в невозможности посетить другие родосские достопримечательности в прелести Линдоса, с его акрополем наверху и чистыми белыми стенами внизу, с его садами, дворами и коллекциями тарелок. И мы покидали его с сожалением, которое, несомненно, разделял и одинокий датский исследователь, прощально махавший нам с берега, когда мы отчаливали по мелководью гавани к пароходу и снова поворачивались лицом к западу и тем Афинам, о которых мечтал Балаустион.

ГЛАВА XVIII. ТЕРА

Ни один остров, который мы посетили во время нашего круиза по Эгейскому морю, не оказался более интересным, чем Тера, когда мы отплыли от Родоса через промежуточный океан и вошли в огромный бассейн, который служит Тере - или современному Санторину - гаванью. Более замечательной гавани и придумать нельзя.

Если представить себе, что Везувий погрузился в Неаполитанский залив до тех пор, пока от его нынешней высоты не осталось лишь около тысячи футов; если океан попадет во внутреннюю часть вулкана по двум большим каналам или расщелинам в боках - один в том месте, где вездесущий мистер Кук развлекался или развлекался. И если бы нынешний потрясающий кратер, в который заглядывали тысячи посетителей, был бы заполнен охлаждающими водами по всей своей длине, чтобы образовать большой и спокойный залив внутри горы, то мы бы получили почти точное воспроизведение того, что произошло на Тере около четырех тысяч лет назад. Более того, если мы добавим к нашей везувианской гипотезе предположение, что вдоль восточной губы кратера был построен длинный белый город, протянувшийся, возможно, на милю вдоль острого хребта вершины, мы получим столь же точное воспроизведение того, что существует на Тере сегодня.

Тера находится в конце цепи затопленных вершин, которые свидетельствуют о продолжении Аттического полуострова под водами Эгейского моря. Та же скалистая гряда гор, что исчезает в море у Суниума, снова и снова поднимается, уходя на юго-восток и образуя острова Кифнос, Серифос, Сифнос и им подобные, а замыкает череду, по-видимому, вулканический остров Санторин, под именем которого современные люди знают остров, который древние последовательно называли Каллиста (прекраснейшая) и Тера. Учитывая красоту острова и его сравнительную близость к материковой части Греции или Криту, Тера удивительно мало известна. Исторически Фера имела небольшую известность по сравнению со своими соседями, но во всех остальных отношениях, как нам кажется, она превосходила их всех. Легенда, похоже, оставила остров сравнительно незаслуженным, и поэзия позволила ей остаться невоспетым. Ни один Байрон не наполнил свою чашу теранским вином. Ни одна жгучая поэтесса не жила и не пела на ее единственной извилистой улочке.

Ни один бог с Олимпа не провозгласил этот остров своим родовым достоянием. Но по красоте всех видов, от пасторальной до возвышенно-ужасной, Тера не имеет себе равных в Эгейском море; а по необыкновенной природной истории и особенностям - вряд ли. Ведь это затонувший вулкан с бездонной гаванью, где когда-то был центр огненной активности, - гаванью, окаймленной милями окружающих обрывов, на вершине одного из которых расположен город Тера, на тысячу футов возвышающийся над морем и доступный только по крутой и извилистой тропе для мулов, которая соединяет его с маленькой посадочной площадкой внизу.

Санторин

Мнения относительно точной даты, когда первоначальная гора разлетелась на куски и затонула в океане, сильно расходятся, но приблизительно можно сказать, что это произошло в районе шестнадцатого века до Рождества Христова, хотя некоторые авторитеты склоняются к тому, что извержение произошло в более ранний период. Что касается жителей до этого необычайного потрясения, то о них мало что известно, кроме того, что можно почерпнуть из множества гончарных ваз, оставленных теми ранними поселенцами, с грубыми орнаментами, которые свидетельствуют об их принадлежности к далекой домикенской эпохе, эпохе, предшествовавшей величию города Агамемнона и разграблению Трои. Кажется вполне вероятным, что ранние тераны были родом из Финикии, и традиция

гласит, что они пришли туда под предводительством не менее известного человека, чем сам Кадм. Но что мы знаем наверняка, так это то, что в какой-то доисторический период первоначальный вулкан претерпел самые удивительные изменения и, пылая славой, которую трудно себе представить, опустился в воды Эгейского моря, пока только верхний обод и три центральных конуса теперь можно увидеть над урезом воды. Через две огромные расщелины, пробитые в северном и южном склонах, непреодолимый океан хлынул в огромную центральную полость, в значительной степени охладив пыл горы и оставив ее такой, какой мы ее нашли, - круг хмурых скал, высотой почти в тысячу футов и периметром около восемнадцати миль, включающий в себя спокойную и практически бездонную гавань в том месте, которое когда-то было сердцем вулкана. Поверхность бухты пронзают лишь три маленьких островка, бывшие когда-то конусами вулкана и не совсем бездействующие даже сегодня. Один из этих центральных островов появился совсем недавно, в 1866 году, во время извержения, которое показало, что огонь Санторина еще не потушен никакими средствами, о чем также свидетельствует жар некоторых частей замкнутых вод бассейна.

МЕСТО ВЫСАДКИ В ТЕРЕ

В эту любопытную гавань наш маленький зафрахтованный корабль вошел при свете раннего апрельского утра, которое тускло освещало стены из мрачного камня, возвышающиеся высоко в скалах того черного, покрытого шрамами вида, который свойственен вулканическим образованиям, омраченным разрушениями древних пожаров, но не менее разбавленным от полной угрюмости то тут, то там пластами насыщенного красного камня или пятнами серовато-белого туфа. Тем не менее, все это было мрачно и невесело, особенно в ранних сумерках, ведь солнце еще не поднялось над горизонтом, а тем более не проникло в пещерные глубины гавани Теры. Однако высоко вверх, на вершине утеса, занимая,

казалось, весьма шаткое положение, белела линия города, уже улавливавшего утренний свет на своих куполах и башнях, но казавшегося скорее лилипутской деревней, чем жилищем людей; а далеко на севере, на другом участке стены кратера, город поменьше казался скорее налетом инея или снега, собравшегося на губе кратера.

Несколько шалопов бросили якорь у подножия обрыва, где узкий подводный шельф выступает достаточно, чтобы обеспечить ненадежную стоянку для небольших судов; рядом с ними сгруппировались несколько белых зданий, сумрачно видневшихся в утреннем полусвете и служивших для обозначения посадочной площадки. Однако в основном во всем заливе, который практически бездонен, почти нет якорных стоянок. Ни один трос не смог бы прощупать глубину бассейна, расположенного в нескольких шагах от берега, и, к счастью, в этом нет необходимости, поскольку укрытие здесь идеальное. Пароход держался несколько часов, лишь изредка лениво вращая винт. На юге лежал широкий канал, через который вошел наш корабль, а на севере - узкий проход, через который в сумерках мы намеревались отправиться в Афины. Повсюду окружала стена из странной пестрой скалы, подпираемая то тут, то там огромными обломками черной лавы, которые иногда, казалось, укрепляли ее, а иногда грозили обрушиться прямо в воды. Действительно, оползни - отнюдь не редкость в Тере, и несколько человек были убиты даже на месте высадки падающими сверху каменными массами.

Когда у подножия скалы стало светлее, можно было разглядеть ослиную тропу, ведущую десятком или более крутых витков вверх по склону скалы от места высадки к городу, расположенному высоко наверху, дугообразно пересекающую старые оползни или овраги, а рядом виднелись любопытные пещеры, где пещеры в туфе были замурованы, снабжены дверями и окнами и заселены.

Высадка произошла с небольшой задержкой, даже после того как наши маленькие лодки доставили нас на берег узкого причала, скользкого от водорослей и покрытого баянусами. Нас нетерпеливой группой завели за ряд береговых лодок, вытасненных на причал, и продержали там до тех пор, пока не было получено разрешение "pratique", которое дало нам право проследовать по извилистым тропинкам крошечной деревушки, расположенной неподалеку, к началу подъема. Пристань была заставлена бочками, кучами дров, плетеными кувшинами и прочей атрибутикой, которую можно было ожидать от порта общины, экспортирующей вино и импортирующей воду; ведь Тера вынуждена посылать воду за границу, не считая того, что удастся собрать во время дождей, а также во многом полагаться на соседей в плане древесины. Здесь почти нет местных деревьев и совсем нет источников; и один французский писатель, видимо, был сильно обеспокоен этой неловкой ситуацией, говоря: "Здесь нет ни дерева, ни воды, так что за каждым из них приходится ездить за границу, а ведь для строительства кораблей нужно дерево, а для поездок за водой необходимы корабли!"

Выйдя из скопления небольших зданий у подножия скалы и вступив на крутую тропу, ведущую в город, мы сразу же столкнулись с поездками ослов, которые служат единственным средством сообщения между деревней Тера и кораблями, расположенными внизу, - ослы терпеливо несли на широких палубах фаготы, или доски, или различные емкости, пригодные для перевозки жидкостей. Можно было нанять животных для подъема по извилистому шоссе к Тере, но поскольку уклон не был запредельным, а время, необходимое для подъема пешехода, по прогнозам, составляло от двадцати минут до получаса, в этом не было необходимости, тем более что со стороны залива на скале все еще было тенисто и так будет продолжаться несколько часов. Поэтому мы, не слишком торопясь, отправились вверх по тропе. Она оказалась совершенно непригодной для колес: не только крутая, но и с

широкими ступенями, которые так часто встречаются в греческих и итальянских городах, а вымощена она была базальтовыми блоками, которые от постоянного движения стали очень скользкими. Скользкость, действительно, делает подъем на Тере более легким, чем спуск, ведь на последнем пути нужно постоянно следить за положением ног и идти в темпе, который нельзя назвать бодрым, несмотря на уклон вниз.

ТЕРА

Единственной заботой при подъеме было избегать маленьких осликов с их выступающими грузами и озорным желанием прижать пешеходов к парапету дороги, чего мы быстро научились избегать, обходя животных так широко, как позволяла узкая тропинка, всегда выбирая сторону, примыкающую к самому обрыву; ведь отвесное падение с парапета вскоре стало слишком ужасающим, чтобы созерцать, как дорога закручивается все выше и выше, поворот за поворотом, над деревушкой у причала. Вскоре открылся великолепный вид на залив во всей его полноте, с двумя входными каналами вдаль и отделенной частью противоположной стены кратера, которая теперь называется Терасия, как будто это был, как кажется, совершенно отдельный остров небольшого местного архипелага, а не одна однородная, но затонувшая гора. Прямо под ним лежала посадочная площадка со скоплением белых складов, разбросанными пещерными жилищами и крошечными кораблями, пришвартованными у причала - с близкого расстояния достаточно маленькими, но с такой высоты похожими на кораблики в магазине игрушек. Стена кратера настолько обрывиста, что можно перебросить камешек через парапет и попасть в поселение у подножия тропы. Разнообразные цвета скал, освещенные солнечным светом, придавали мрачную живость виду: красные тона утеса преобладали над запретной чернотой лавы, а длинные провалы то тут, то там свидетельствовали о разрушениях, вызванных значительным оползнем.

Подъем к Тере действительно занял полчаса. Но когда начался город, мы не успели оглянуться: одинокие и рискованные жилища полупещерного типа спускались вниз по склону скалы, чтобы встретиться с шоссе, мучительно петляющим вверх, а те, в свою

очередь, сменялись более претенциозными домами с плоскими или куполообразными крышами, сверкающими безупречной побелкой и переливающимися на утреннем солнце, резко контрастируя с темными скалами, на которых они были основаны. Архитектор из Писания, построивший свой дом на песке, вполне мог считать этот выбор устойчивым и надежным по сравнению с некоторыми из этих теранских жилищ; ведь хотя они основаны на скале и в некоторых случаях наполовину утоплены в ней, кажется, мало гарантий, что сама скала не отколется и не выбросит их на берег среди кораблей.

Когда извилистая тропинка, наконец, достигла вершины, она оказалась сведена к узкой общественной площади, флангами которой служили неизбежный музей древностей и довольно аляповатая церковь; последняя была до боли новой и, как все греческие культовые сооружения, мало претендовала на внешние и видимые признаки внутренней и духовной благодати. Возможно, она посвящена святой Ирине, и очень вероятно, что так оно и есть, ведь остров получил свое современное название от этой святой и может похвастаться бесчисленными святынями в ее память. Мы ставим себе в заслугу, что, хотя Тера громко звала нас многообразными чарами, мы первым делом направились к святилищу; но, к нашему стыду, пробыли там недолго. Почтенный священник, обливаясь потом под множеством великолепных одеяний, совершал службу в присутствии весьма скудной паствы, состоявшей из совсем юных мальчиков и скудного хора. К счастью для нашего душевного спокойствия, единственный фундамент этой церкви находился на стороне площади, удаленной от обрыва, что давало ощущение безопасности, которое невозможно было получить иным способом. Но гора, даже с ее более пологой стороны, далеко не постепенная, а лишь менее крутая, чем по направлению к внутреннему бассейну.

Благословенное бормотание массы" на греческом языке настолько непонятно иностранным ушам, что вскоре мы вышли на улицу, а затем в небольшой музей, расположенный по соседству, где были выставлены довольно ошеломляющие древности этого места, - в основном вазы, которые были сделаны и использовались задолго до извержения, разрушившего первоначальную форму острова за много тысяч лет до этого. Многие из них были изящными по форме, а некоторые, несмотря на свою хрупкость и огромный промежуток времени, сохранились совершенно идеально, демонстрируя грубые усилия кисти раннего художника в геометрических узорах, линиях, углах, а иногда даже примитивные попытки изобразить формы животных. Несомненно, эти реликвии не более древние, чем те, что любопытные могут увидеть во дворце Миноса на Крите, и по древности не уступают остаткам керамики в других местах домикенской эпохи; но по какой-то причине на Тере, как и в других местах, прошедшие века с момента их изготовления и использования воспринимаются более реально, я полагаю, из-за впечатляющей истории извержения в столь туманной дали до рассвета записанной истории. Эти молчаливые свидетели ушедшего дня оказались столь непреодолимыми, что мы избавились от них с быстротой, которая потрясла бы и археолога, и сразу же направились в современный город, который, как и Таормина, представляет собой одну узкую улицу, усыпанную белыми магазинами и жилыми домами, с узкими улочками, ведущими вверх или вниз, в зависимости от обстоятельств, к отдаленным скоплениям зданий. Эта главная магистраль, едва ли шире городского тротуара, следует неровной линии вершины горы, петляя и уклоняясь то вверх, то вниз, то по наклонным плоскостям, то по ступеням, таким, какие часто встречаются на боковых улицах итальянских или греческих городов на холмах.

С более высоких точек город представлял собой море волнистого белого цвета, крыши которого почти поровну делились на плоские, парапетные, предназначенные для улавливания падающего дождя, который на острове вдвойне ценен, и купольные, или полукупольные, свидетельствующие о местной нехватке древесины, что сделало

необходимой эту самоподдерживающуюся арку из цемента. Таким образом, снова и снова вспоминается нехватка дерева и воды. За поворотом главной улицы открылся завораживающий вид на белые стены, обрамляющие аккуратные дворики, вымощенные черно-белой галькой на островной манер, и обрамляющие вдали многоарочную кампанилу, четко выделяющуюся на фоне блестящего неба, блики белизны которого смягчаются сильными косыми тенями и бронзовой зеленью колоколов.

УЛИЦА ТЕРАН

Два обстоятельства не позволили нам задержаться в Тере надолго. Первая - это острая необходимость вернуться на пароход и продолжить круиз по Эгейскому морю; вторая - отсутствие подходящего жилья. Однако, вероятно, последнее оказалось бы не таким уж непреодолимым препятствием, если бы его испытала непреодолимая сила бесстрашной решимости, ведь жилье мы нашли, несмотря на то, что в Тере нет ни одной гостиницы. Блуждая по улицам и, то и дело останавливаясь, чтобы осмотреть любопытные придорожные лавки или удивленно взглянуть сквозь щели в стенах домов на невероятную пропасть, зияющую за ними и под ними, мы неожиданно наткнулись на кофейню, которая совершила наш захват. Владелец, как выяснилось, говорил по-итальянски достаточно, чтобы найти общий язык, вывел нас на балкон, выходящий к воде, и поставил огромный фужер с деревенским вином. Ах, деревенское вино! Оно было желтым. Оно не было тошнотворно сладким, как саамское, которое так восхвалял Байрон. Оно согревало кожу и, потягивая, придавало бодрости. Над головой хлопал выцветший тент под ленивым западным ветерком. Внизу пролегла ослиная тропа, по которой бесшумно поднимались и спускались ослиные повозки под мерцающим теплом апрельского утра. Далеко-далеко внизу, почти прямо у наших ног, лежали игрушечные кораблики и пароход, рядом с которым находилась маленькая деревушка, где, словно муравьи, деловито сновали крошечные люди, но на таком расстоянии не было слышно ни звука. Через море взлетающих и падающих крыш доносился звон настойчивого церковного колокола, созывающего прихожан какой-то церкви Святой Ирины. Такое блаженство стоит недорого - три драхмы с небольшим добавлением греческих копеек за добрую волю! Именно на этом узком балконе с видом на залив мы влюбились в Теру. До этого мы были просто впечатлены.

Греческое слово "отель" в устах местных жителей звучит подозрительно похоже на "сенатор Шихан", как мы уже давно поняли; поэтому мы навели справки об этой особенности города в надежде когда-нибудь вернуться сюда на более длительное время и осмотреть окрестности. Нам указали на отдаленное и не слишком перспективное здание - кофейню, похожую на нашу, но с большой комнатой, где, по словам нашего конферансье, иногда расстилали довольно сомнительные кровати для уставших; возможно, его пожатие плечами было просто плодом профессиональной ревности. Однако неумолимая судьба распорядилась так, что мы не стали ничего исследовать, а довольствовались тем, что бродили по городу из конца в конец, наслаждаясь его причудливой архитектурой, его белыми стенами, разбавленными лишь оттенками буффа или светло-голубого, его несравненным положением на этой скалистой возвышенности и его видами, открывающимися то в пропасть гавани, то через беспокойные просторы Эгейского моря на другие соседние острова.

На северном конце города, где дома заканчиваются и уступают место открытому гребню горы, стояла старая мельница, в пещерные глубины которой нас пригласила войти престарелая старуха. Там обнаружили весьма примитивные механизмы: зубчатые колеса были вытесаны из огромных кусков круглых бревен, в которых были вырезаны грубые зубья. Сразу за стояла закопченная печь, поскольку мельник не только молот окрестную кукурузу, но и превращал ее в хлеб. За мельницей не было ничего похожего на жилье, хотя на дальнем изгибе кратера виднелся белый участок базальта, похожий на многолюдный город с башнями и крепостными стенами. Еще дальше к северу, на мысе, выходящем к морю, расположился незначительный городок, такой же на гребне, а вдоль залива на юге - отдельные поселения и ветряные мельницы. Но город Тера - единственный населенный пункт.

Пытаясь проанализировать впечатление, которое произвела на нас Тера, мы пришли к выводу, что ее главное очарование, помимо ее любопытного положения, заключается в ее

цвете; и что трудность ее описания во многом объясняется неспособностью передать словами удивительные контрасты скал, городов и неба, не говоря уже о море. Можно изобразить, хотя и слабо, архитектурное очарование с помощью фотоаппарата или, если человек одарен должным образом, воспеть хвалу теранскому вину. С помощью геологической статистики можно рассказать о том, как выглядела бы гора, если бы мы смогли отвести океан и обнажить его глубины, оставив круг горы, включающий чашу высотой в три тысячи футов и зазубренные центральные конусы. Можно было бы, приложив сверхчеловеческие усилия, отдать справедливость просьбам нищих детей из города. Но для того, чтобы дать правдивый рассказ о Тере, требуется помощь художника с его пигментами, а лучше всего - личное посещение, которое не потребует от посетителя Греции много времени и хлопот - мало хлопот, то есть по сравнению с теми прелестями, которые может показать Тера. И можно с уверенностью сказать, что каждый такой посетитель будет осторожно спускаться по скользкой брусчатке на площадку внизу с чувством острого сожаления, что покидает этот прекрасный уголок Эгейского моря, и со вздохом выплывет из северного прохода, оглядываясь на огни Теры на скалистой высоте над заливом, смешивающие свои немигающие точки с ровными звездами теплой средиземноморской ночи.

ГЛАВА XIX. НИОС; ПАРΟΣ; ПОЛУНОЧНАЯ МЕССА

Пасхальное воскресенье мы провели на Паросе. Это был мягкий и ничем особенно не примечательный день в местной церкви, старой и причудливой, обладающей многими весьма интересными особенностями внутри и снаружи, о которых мы расскажем позже, поскольку некоторые ее части восходят к языческим временам. Ее пол был усыпан ароматными листьями, которые накануне вечером роняли и топтали ногами прихожане на полуночной мессе; похоже, что в греческой церкви этот праздник отмечается в ночь перед Пасхой, а не в сам день. Действительно, нам самим посчастливилось накануне вечером

присутствовать на этой причудливой ночной церемонии на соседнем острове Иос, или Ниос, как его по-разному называют.

На нашем маленьком корабле, как это принято у греков, в конце салона стояла святыня с иконой, а перед ней постоянно горела лампада. Греки серьезно относятся к своей религии и, похоже, делают ее частью своей жизни на плаву и на берегу. В Страстную пятницу, например, наш национальный флаг спускали до полумачты и держали там в знак скорби по распятому Господу, пока церковь не провозглашала Его воскресение из мертвых, и тогда он снова радостно поднимался на пике. Люди, похоже, были настроены религиозно, и по просьбе всего экипажа, высказанной, когда мы стояли в гавани Санторина, было решено отправиться на север от этого острова к Ниосу, который находился недалеко и обладал одной из лучших гаваней в Эгейском море, чтобы местные моряки и капитан могли соблюсти церковный праздник по обычаю - просьба была удовлетворена тем охотнее, что всем нам не терпелось увидеть кульминацию церемонии в канун Пасхи. Те, кто наблюдал ее в предыдущие годы, ругались, что она очень интересна, и так оно и оказалось; между самой церемонией и волнением, вызванным прибытием на место, этот вечер стал одним из самых приятных из всех наших островных впечатлений.

В ответ на вопросы об удаленности церкви в Ниосе от места высадки второй офицер, говоривший по-итальянски, с большим пренебрежением к истине заверил нас, что это "vicino! vicino!". Но прежде чем мы приблизились к Ниосу, наступила кромешная тьма, и, поскольку луна в эту ночь должна была взойти поздно, мы не смогли увидеть землю, а узнали о ее приближении только по бесформенной массе в темноте, внезапно появившейся по обе стороны, вход в гавань был смутно обозначен единственным фонарем, мимо которого мы пробирались не более чем дрейфующим шагом, пока не стали смутно различать холмы вокруг, которые скорее угадывались, чем были видны во мраке. Затем вдалеке послышался звон деревянных колоколов, столь знакомый тем, кто знаком с южноевропейскими церквями. То, что они звучали так далеко, сразу натолкнуло нас на мысль, что "vicino" приятеля может оказаться весьма обманчивым обещанием, но по звуку мало что можно было сказать, кроме того, что церкви, из которых доносился звон, находились где-то справа и, по-видимому, на холме. Света не было, даже проблеска; и наши три лодки в торжественном молчании направились к берегу по туманному морю, туда, где мрак, еще более плотный, чем небо, указывал на то, что там есть земля. Все это производило любопытное впечатление, и в нем было не мало торжественности, когда мы осторожными гребками пробирались к берегу, а затем нащупывали в темноте место для высадки. Передняя лодка вскоре объявила, что найдены каменные ступени, ведущие вверх из воды, и гребцы тут же подняли крик о свете, когда нас одного за другим повели вверх по склизкой лестнице к вершине широкой каменной набережной, на которой смутно виднелись какие-то белые здания. Из какого-то укромного уголка среди призрачных домов таинственным образом материализовался фонарь и, покачиваясь, спустился к кромке воды, однако это не имело особого значения, разве что делало остальную тьму еще более непроглядной. Под его слабым лучом группа собралась в компактное тело и получила наставление держаться вместе и следовать как можно ближе за лидером, который нес фонарь.

Эти указания, хотя и были достаточно простыми, оказались весьма сложными для выполнения. Луна была далеко за горизонтом, а звезды, хотя и были многочисленными и яркими, мало помогали незнакомцам в чужой стране, которые могли видеть только то, что находятся на пустынном пирсе, окруженном тусклыми складами, и на большом расстоянии от колоколов, созывающих набожных людей на полуночную молитву. Фонарь отправился по брусчатке пустынной деревушки, а за ним в едином строю двинулись остальные, не

отставая, как могли. Вскоре мы вышли из маленькой группы хижин у пристани и оказались в обширной и безмолвной стране, где все было еще темнее, чем прежде, за исключением того места, где ведущий фонарь продолжал свой фантастический путь вверх по тому, что оказалось грубо вымощенной дорожкой для мулов, ведущей на холм. Как и большинство троп для мулов, она проходила скорее по ступеням, чем по склонам, и продвижение длинной колонны нашей группы было медленным и мучительным, что требовало частых остановок проводника с фонарем, в то время как предупреждающее слово постоянно передавалось назад вдоль спотыкающейся линии пешеходов, когда каждый по очереди оступался на ногах из-за непредвиденного повышения уклона. Опасность сбиться с пути была невелика, так как его окаймляли высокие берега. Единственная проблема - удержаться на ногах и не споткнуться, пока мы карабкались в темноте, с трудом различая друг друга и тем более не видя ничего на пути. Колокола перестали звонить, и даже эта тусклая подсказка о расстоянии до города была потеряна. Странная это была прогулка по незнакомому и безлюдному острову в темноте ночи, ведь на часах было уже давно за одиннадцать, а пасхальная месса, как мы знали, должна была достигнуть своей самой интересной точки около двенадцати. Зная это, мы спешили изо всех сил, и маленький городок Ниос настиг нас раньше, чем мы успели опомниться: его серые безмолвные здания смыкались с дорогой и окружали нас, не давая о себе знать, пока внезапный поворот дороги не заставил фонарь далеко впереди полностью исчезнуть из нашего поля зрения в лабиринтах города.

Он был таким же пустынным, как и маленькая пристань. Более того, он был таким же кривым и темным. То тут, то там из открытого дверного проема пробивалась полоска желтого света, но большинство домов было безмолвно, как могила, - их хозяева и обитатели давно уже были в церкви. Мы шли все дальше и дальше по лабиринту маленьких улочек, и длинная нить группы служила единственным указателем пути, как и шнур Ариадны, потому что из-за поворотов и изгибов шоссе фонарь теперь не был виден заднему охраннику. Дважды нам встречались запоздалые прихожане, спускавшиеся с боковых тропинок со своими крошечными фонариками, и изумление на их лицах при виде такого неожиданного наплыва иностранцев в этот неземной час ночи было столь же забавным, сколь и естественным. Однажды на повороте ниточка партии прервалась, и в течение тревожного мгновения шел военный совет, по какой улице идти. Однако это была удачная догадка, потому что внезапный поворот вывел отставших из темноты на освещенную площадь перед дверями самой церкви - крошечной, с белыми стенами и низкой крышей, заполненной, казалось, до отказа, а из ее открытых порталов доносилось монотонное пение мужского хора, голоса которого постоянно возвращались к хорошо знакомому и не лишенному мелодичности рефрену.

Каким-то таинственным образом для нас нашлось место в душной церкви, переполненной мужчинами и женщинами. Единственным источником света были свечи. Справа на хор из мужчин и мальчиков под руководством местного школьного учителя распевал свою нескончаемую, навевающую тоску минорную литанию. Из дверей иконостаса на прихожан взирал пожилой священник с пренебрежительным выражением лица. Прихожане приходили и уходили. Особенно набожными казались мужчины, которые брали икону перед входом и страстно и многократно целовали ее. Каждый из нас при входе прижимал к себе тонкую бумажку из желтого воска, около фута в длину, и мы толпились в маленькой аудитории, держа их перед собой в ожидании и с живым и добродушным любопытством рассматривая добрых людей внутри. Вскоре священник вышел из алтарной кулисы с зажженной свечой, что послужило сигналом для возбужденной беготни дюжины ближайших к нему мальчишек, чтобы первыми зажечь свои факелы, после чего огонь переходил от свечи к свече, пока

каждый не зажег свой маленький факел; вслед за старым священником мы все вышли на площадь перед церковью, где продолжалась служба.

Это было зрелище, которое нелегко забыть: крошечная площадь, в центре которой стоял катафалк с изображением Христа, а вокруг толпились богомольцы, каждый нес свой горящий факел, и все вокруг было залито желтым сиянием. Монотонность службы продолжалась, как и прежде. Легкий ночной ветерок то и дело гасил незажженную свечу, но как только это происходило, прохожие передавали свой огонь, и освещение возобновлялось так же часто, как и прерывалось.

Кульминацией причудливой службы стало провозглашение священника о том, что Христос воскрес, - "Christos anéste", - при этих волшебных словах все сдерживание было отброшено, и молящиеся предались приступам святой радости. Крепкий мужчина ухватился за колокольный канат, свисавший снаружи церкви, и зазвонил в колокола, а буйные мальчишки пускали взрывные торпеды по стенам соседних домов, создавая веселый шум в истинно средиземноморском стиле; ведь религиозные праздники всех южных стран, похоже, служат поводом для демонстраций, сходных с теми, что мы имеем обыкновение отмечать в день рождения нашей собственной страны. Вскоре мы узнали, что и другие окрестные церкви достигли "Христос анесте" примерно в тот же час, потому что далекие колокола и другие петарды и торпеды быстро возвестили о восходе Господа.

Несомненно, пасхальное веселье объясняется реакцией греков на строгое соблюдение Великого поста, а также благочестивыми чувствами, которые ежегодно возобновляются в этот праздник с пылом, который вполне может означать первое новое открытие вечного спасения как божественной истины. Греческий Великий пост - это аскетичный сезон, в котором воздержание от пищи и вина поражает своей тщательностью. Действительно, различные путешественники, побывавшие в Элладе в прошлые годы, рассказывали, что испытывали серьезные неудобства из-за невозможности получить достаточное количество пищи, особенно на Страстной неделе; крестьяне единодушно постились, и неожиданные путники в глубине страны могли найти лишь небольшое развлечение. В течение сорока дней местным жителям удастся продержаться на удивительно скудном пропитании.

Неудивительно, что в день Пасхи он бросает сдержанность на произвол судьбы и проявляет безграничный восторг. Однако из этого не следует делать вывод о чрезмерной распушенности, поскольку это, очевидно, было не так - во всяком случае, не в Ниосе. После перерыва, вызванного звоном колоколов и канонадой, служба возобновилась и, как говорят, продолжалась до трех часов ночи; этот факт может свидетельствовать о том, что пасхальное веселье можно было прилично сдержать и отложить, хотя Господь официально воскрес и смерть поглощена победой.

Наша собственная набожность была не в состоянии выдержать эту длинную мессу, поскольку было уже далеко за полночь, а мы провели долгий и напряженный день. Поэтому, неоднократно обменявшись "Christos anéste" между собой и жителями деревни, мы снова отправились по узким закоулкам города и по грубой дороге на мулах к кораблю, каждый из нас нес свой горящий огарок и как можно лучше защищал его от ночного ветра; ведь моряки стремились заполучить на борт хоть немного этого священного пламени, и поэтому следили за тем, чтобы погасшие свечи быстро зажигались вновь, чтобы мы совсем не потеряли драгоценный огонь. Мы образовали длинную и призрачную процессию из мерцающих огней, когда спустились по склону холма и вышли к лодкам - достойная кульминация одного из самых любопытных опытов, которые Эгейское море нам предоставило.

Когда мы поднялись на борт, нас ждали "красные яйца", характерные для греческой Пасхи, - яйца, сваренные вкрутую и окрашенные свекольным соком или другим подобным красящим веществом, миски с которыми должны были стать привычным зрелищем в течение недели или двух, следующих за пасхальным сезоном. Греки считают, что это память о чуде, которое однажды было совершено, чтобы убедить скептически настроенную женщину в реальности воскресения. Она шла домой с фартуком, полным купленных ею яиц, и тут встретила подругу, чье лицо выражало необыкновенное ликование, которая побежала ей навстречу с криком: "Ты слышала новость?". "Конечно, нет", - был ответ. "Что это за новость?" "Да вот, Христос Господь воскрес!" "Воистину, - ответила скептик, - в это я не могу поверить; и не поверю, пока яйца, которые я ношу в фартуке, не станут красными". И они оказались красными, когда она взглянула на них!

Из-за усталости, вызванной празднествами предыдущей ночи, мы нашли Пасхальное воскресенье на Паросе действительно спокойным днем. Улицы маленького городка оказались практически пустынными, ведь это был день домашних хлопот и, несомненно, пиршеств. Когда мы высадились на моле, служащем главному городу Пароса пристанью, и отправились на короткую утреннюю воскресную прогулку по улицам, до нас донесся злобный треск петард. С посадочной площадки самым заметным объектом Пароса была большая белая церковь недалеко от воды, радующаяся имени "Богородицы ста ворот", как нам сказали, мы должны интерпретировать эпитет "гекатонпилиани". Это оказалась своего рода тройная церковь, имеющая боковые часовни справа и слева от основного зала и почти такие же большие. В той, что справа, можно было увидеть крестообразную крестильную купель, очень почтенную и лишь немного приподнятую над уровнем пола, что говорит о том, как использовалось это помещение церкви. Поражает также наличие древних мраморных колонн, встроенных в это раннехристианское здание. В главной церкви наиболее заметным было использование каменной алтарной перегородки, или иконостаса, с тремя дверями, ведущими в апсиду, вместо обычной одной, о которой часто говорили, что она напоминает проскенион античного театра. Здесь было пустынно, в воздухе витал запах старых благовоний и бальзамических духов листьев и веток, упавших на пол и растоптанных во время мессы предыдущей ночи. Все это было очень неподвижно, сыро и прохладно, и, очевидно, очень старо, несомненно, вытеснив какое-то прежнее языческое святилище.

Во дворе перед церковью стояло что-то вроде заброшенного монастыря, как на перевале Дафны, только этот был безупречно белым и своими стенами полностью закрывал пространство перед самой церковью. В части зданий этого монастыря находится небольшой музей, примечательный прежде всего надписями, одна из которых относится к Архилоху, писателю ямбического стиха, жившему на Паросе в седьмом веке до Рождества Христова.

СТАРЫЕ КОЛОННЫ В ЦЕРКВИ. ПАРОС

Главная слава Пароса, конечно же, связана с мрамором. Каменоломни, из которых добывают эти превосходные глыбы, находятся на северо-востоке, и, если бы только позволяло время, их можно было бы исследовать с пользой. Парийский мрамор был самым любимым для статуй, благодаря его несравненной чистоте и прозрачности, а также удобству, с которым его можно было обрабатывать до высокой степени отделки. Его добывали под землей, и поэтому он получил название "лихнит", или "добытый при свечах". Те, кто побывал

в подземных камерах, образованных людьми, которые в древности добывали мрамор в этом месте, рассказывают, что исследование каменоломен сопряжено с большим интересом и немалой опасностью из-за сложного характера галерей и перепадов уровней.

Бродя по маленькому современному городку, который занимает место древнего города Парос и носит название Паройкия, мы нашли не мало цветов, радующих глаз, хотя улицы в целом довольно грязные и убогие. На южной стороне гавани, где основная скала острова поднимается на значительную высоту, в древности находился небольшой акрополь, который до сих пор венчает довольно массивная башня, построенная франками из кусков древних мраморных конструкций. Снаружи бросался в глаза любопытный эффект бревенчатого домика, вызванный использованием для стен мраморных колонн, каждый барабан которых был уложен концами наружу. Внутри мы обнаружили крошечное святилище, заброшенное, как и большая церковь, но все же свидетельствующее о недавней религиозной деятельности. Кроме остатков старых храмов, служащих мраморными бревнами этой франкской крепости, на Паросе, кажется, мало что напоминает о тех временах, когда он был одним из самых богатых афинских притоков. Было обнаружено несколько доисторических домов и несколько древних гробниц. Но самыми долговечными из всех классических памятников являются каменоломни, ныне заброшенные, но все еще хранящие следы древних резцов, откуда поступало сырье для большинства знаменитых греческих скульптур, дошедших до нас.

К нам, сидящим на галечном пляже и праздно слушающим плеск эгейских волн, пока мы загорали и ждали времени отплытия, явился туземец, одетый в одежду подозрительно американского покроя. Он приблизился, откровенно улыбаясь, и всеобъемлющим жестом, который явно включал в себя дам, сказал: "Откуда вы, парни?". Оказалось, что он служил в американском флоте и плавал вплоть до Филиппин. Другие парижане расположились на почтительном расстоянии и с восхищением смотрели на своего земляка, который понимал, как разговаривать с иностранцами, и шел с дамой по обе стороны, к которой он постоянно обращался "вы, парни", к их безграничному удовольствию и восторгу. Мы проводили его в придорожный трактир неподалеку от набережной, под двумя раскидистыми платанами, и напоили кофе в награду за его вежливость и интерес; а потом оставили стоять с обнаженной головой, глядя, как наш маленький корабль уплывает на запад, навстречу заходящему солнцу и той земле, куда он надеялся однажды снова отправиться за нами.

Возвращение в Афины после круиза по островам проходило по юго-восточному побережью Пелопоннеса с остановкой в Монемивасии, скалистом мысе у самого южного мыса, соединенном с материком очень узким перешейком, который в одном месте даже пришлось перекинуть; так что, строго говоря, Монемивасия - это остров, а не мыс или полуостров. Это удивительная скала, по форме напоминающая Гибралтар, хотя и значительно меньшая. Фактически, как и Гибралтар, он имеет историю важного стратегического пункта, хотя уже не является таковым. Его вершину до сих пор венчает система оборонительных сооружений, построенных франками, а на территории, занимающей всю вершину скалы, находится разрушенная церковь. Узкий и не очень живописный городок раскинулся вдоль берега прямо под возвышающейся скалой, как и город Гибралтар, и в нем можно увидеть другие разрушенные церкви, относящиеся в основном к франкскому периоду и не используемые сейчас. Вход в эту деревню через грозные каменные ворота в стене, которая спускается с отвесной скалы. Крутая зигзагообразная тропа ведет от города к форту, который, хотя и заброшен, но заперт, так что перед подъемом необходимо раздобыть ключ.

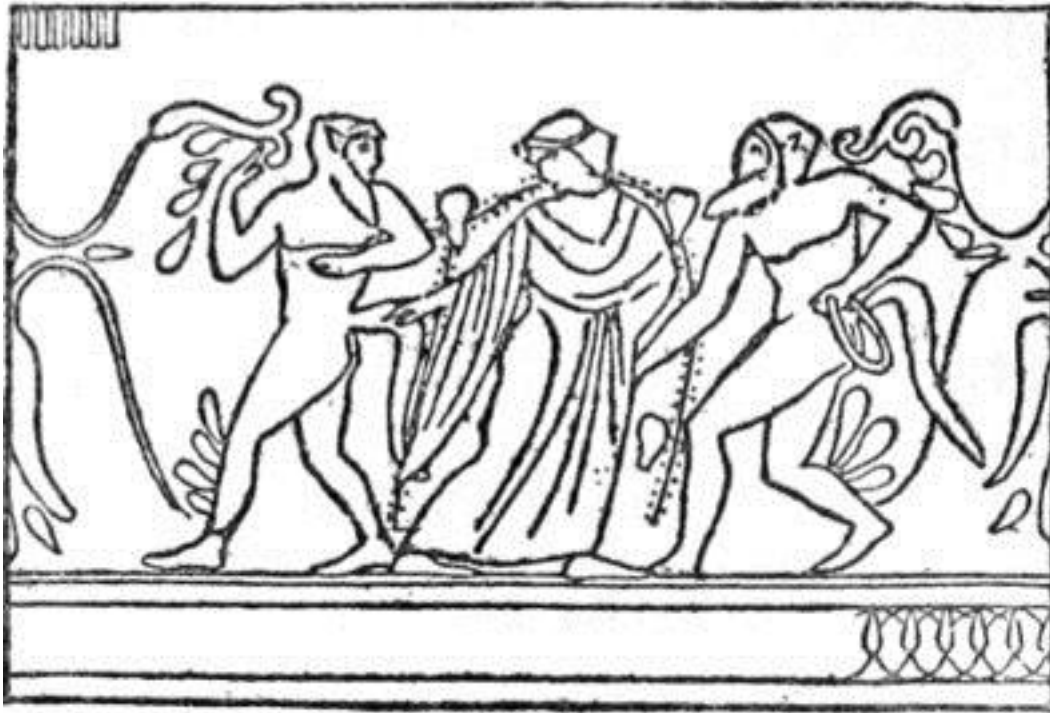
Те, кто видел норманнские оборонительные сооружения на мысе Чефалу, на северном побережье Сицилии, сразу же заметят поразительное сходство между ними и греческим

фортом, причем не только с топографической точки зрения, но и по расположению стен наверху и ниже, у ворот, преграждающих путь наверх. Однако сегодня Чефалу находится в более разрушенном состоянии, чем эта франкская крепость. С точки зрения общего положения и вида с вершины они, конечно, очень похожи, с их широкими перспективами на море и материк. Отвесные бока мыса делают его практически недоступной цитаделью почти со всех сторон, кроме той ограниченной части, к которой ведет тропа, и защитить ее от любого врага, кроме голода, было проще простого. Даже осаждающим было нелегко уморить гарнизон голодом, ведь известно, что крепкий старый крестоносец Виллехардуэн просидел перед воротами Монеувасии три года, прежде чем жители были вынуждены капитулировать.

Название Монеувасия происходит от того, что изолированная скала, увенчанная крепостью, соединена с материком единственным узким выступом, обеспечивающим единственный вход. Таким образом, греческое *μόνη ἔμβασις* (*moné emvasis*) было объединено в современном произношении для образования не слишком музыкального названия этого места и имеет вполне естественное объяснение. Более того, это же название, еще более сокращенное, снова живет в названии вина "Мальмси", которое делают из винограда, выращенного на скалистых виноградниках, и дают ему увянуть перед сбором, как это было принято в старом виноделии Монеувасии.

Конечно, деревня у подножия скалы сейчас совершенно не важна. Мальмсейское вино больше не является главным продуктом этого уединенного места, его привозят из Санторина, Португалии, Мадейры и десятка других мест, а Монеувасия и происхождение этого слова в значительной степени забыты. Город погрузился в нищету, а что касается форта, то ни искусством, ни природными условиями он не способен защитить ничего ценного, а значит, не имеет стратегического значения. У него был свой день и, вероятно, никогда не будет другого. Тем не менее, он очень красив, а город, пусть и деградировавший и полуразрушенный, все еще очень живописен, хотя, к сожалению, редко посещается греческими паломниками. Он стал достойным завершением нашего круиза по острову, который, как мы обнаружили, на самом деле является островом: перешеек, соединяющий его с Пелопоннесом, был разорван много лет назад, когда Монеувасия была достойна считаться крепостью. Теперь через этот разрыв перекинут постоянный мост, так что практически Монеувасия - это все еще мыс, возвышенный и изрезанный, но не лишенный изящества; его внушительная громада маячила за кормой, пока мы плыли вдоль побережья к Пирею и дому.

ГЛАВА XX. КОРФУ

Город Патры, из порта которого мы собираемся покинуть Грецию, пожалуй, самый несочетаемый город в королевстве. Конечно, по значимости он уступает Пирею, и последний является столь же откровенно торговым городом. Но близость Пирея к Афинам и наличие Акрополя, увенчанного разрушенными храмами, всегда находящимися в поле зрения, призваны немного снять современный лоск с крупного порта и тем самым не дать ему проявить полное отсутствие гармонии с теми классическими атрибутами, которые являются главным очарованием Эллады. В Патрах нет такого окружения. У него нет такой истории. Это оживленный портовый город, железнодорожный центр, в котором есть все, чего нет в остальной Греции. Здесь даже есть троллейбусная линия, которой на данный момент нет ни в одном греческом городе, хотя, конечно, годы принесут это удобство в Афины, как они уже принесли к морю межгородскую дорогу с третьим рельсом.

В древности Патры, похоже, были столь же неинтересны, как и сегодня, хотя, несомненно, благодаря своему выгодному положению на берегу Коринфского залива они всегда были более или менее процветающим местом. По весьма сомнительному преданию, здесь был распят апостол Андрей Первозванный, и независимо от того, так это было или нет, святой Андрей Первозванный остается покровителем города. В любом случае, Патры разделяют с Коринфом славу одного из самых ранних очагов христианства в Греции, хотя эта слава настолько затмевает Коринф, что о бедных Патрах обычно забывают. Вероятно, для большинства эллинских путешественников, как и для нас, он представляется либо входом, либо выходом, и не более того. И все же после двухнедельного или более длительного пребывания в диких горах Пелопоннеса вечерняя прогулка по ярко освещенным улицам города не помешает, а после длительного пребывания в пасторали и архаике вновь даст ощущение цивилизации.

В начале этой книги говорилось, что идеальным вариантом для отъезда из Греции, вероятно, является путь через Пирей, так как на этом маршруте вы попадаете на Акрополь, который должен считаться венцом всего этого. Но поскольку, путешествуя по этим страницам, мы решили войти восточными воротами, нам выпала участь выйти западными и вернуться в

Италию через Корфу, остров Наусикаа. В конце концов, об этом не стоит жалеть. Можно долго искать более прекрасный вид, чем тот, что открывается из гавани Патры. Узкий пролив, ведущий в Коринфский залив, открывает великолепную панораму гор и холмов на дальней стороне, когда северное побережье уходит на восток; а снаружи, в лучах заходящего солнца, можно увидеть огромные синие формы "тенистого Закинфа" и "низменной" Итаки, которая, как мне всегда казалось, вовсе не низменная, а явно холмистая. Через проливы и мимо этих островов пароходы прокладывают себе путь, поворачивают на север в Адриатику и направляются на Корфу - как правило, увы, ночью.

Искупительная черта такого расположения заключается в том, что, хотя оно и лишает человека самого впечатляющего вида удаляющейся Греции, оно компенсирует его прекрасным подходом к Корфу на следующее утро; а более очаровательного острова в мире не найти. Он лежит недалеко от албанского берега, и по отношению к путешествию между Патрами и Бриндизи занимает почти ровно половину пути. По-гречески он до сих пор носит название Керкира, сохранившееся от древнего Коркира, под которым он был известен в те времена, когда за него боролись Афины и Коринф. Древние склонны были считать, что это остров, упоминаемый в "Одиссее" как "Схерия", фейская земля, которой правил царь Алкиной; и нет никаких веских причин, почему бы и нам не принять эту историю и не назвать ее той самой землей, где хитроумный Одиссей был выброшен на берег, тем более что его корабль, превращенный в камень разгневанным Посейдоном, все еще можно увидеть в устье крошечной бухты недалеко от города! Мы можем легко доехать до него и, если захотим, выбрать на берегу то место, где герой был разбужен ото сна криками Наусикаа и слуганок, игравших в мяч на берегу, пока сушилось белье.

В древние времена, когда навигация осуществлялась примитивно, без помощи компаса, и единственным средством безопасности было переползание с острова на остров и прижимание к берегу, Корсира стала важнейшим стратегическим пунктом. Завоевывая запад, греки обычно плыли на север до этого острова, огибая материковую часть Греции, а затем уходили на запад, к пяткам Италии, где земля снова давала им ориентиры и припасы, пока они не достигали Мессинского пролива. Таким образом, путь Одиссея из мест обитания Сциллы и Харибды и острова Ортигия был отнюдь не необычным и не кружным. Этот курс западной навигации привел к постоянным спорам между великими державами древности за контроль над Корсирой, и Фукидид считает спор за остров настоящей отправной точкой трудностей, которые достигли кульминации в Пелопоннесской войне и свержении Афинской империи.

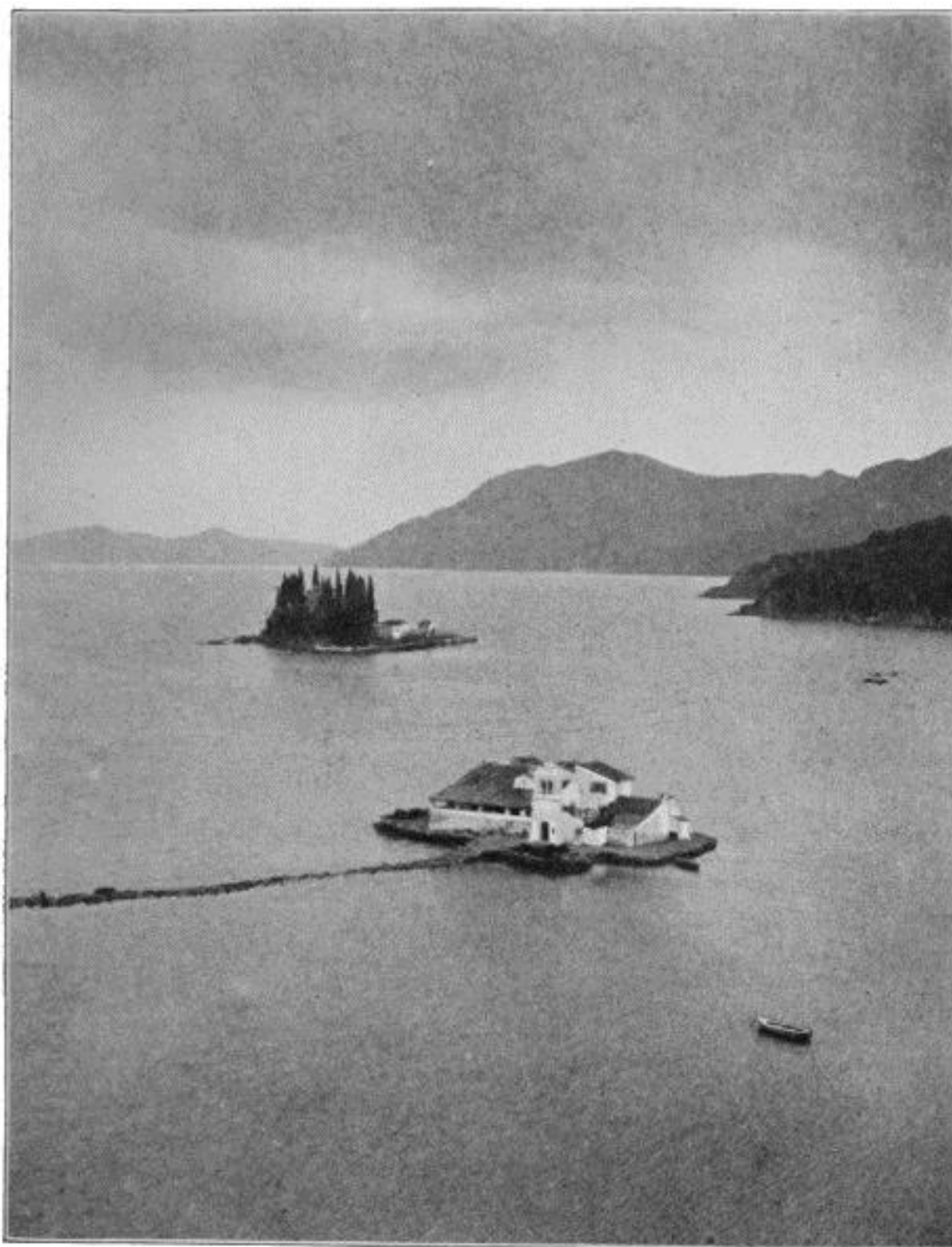
Современный Корфу имеет очень хорошую внешнюю гавань, подходящую для больших судов, хотя высадка, как обычно, возможна только с помощью небольших лодок. Заявление в газете *Bædeker* о том, что лодочники наглые и хищные, похоже, больше не соответствует действительности. Вопрос переправы на берег, похоже, стал предметом разумного регулирования, и плата за короткую греблю больше не является непомерной. С воды город выглядит довольно грозно, поскольку защищен массивными укреплениями, которые, несомненно, считались неприступными в свое время, но сейчас не имеют никакого значения. Они построены венецианцами, как и многие крепости в греческих водах. Если не считать хмурых валов этих древних оборонительных сооружений, город выглядит очень мирно, с его высокими бело-серыми домами с зелеными шторами и аккуратной отделкой. Этот город отнюдь не лишен живописности, хотя достаточно нескольких минут осмотра, чтобы убедить посетителя в том, что Корфу по своей природе скорее итальянский, чем греческий, несмотря на то, что он входит в состав владений короля Георга. Корфу всегда находился в более тесном контакте с Западной Европой, чем с Восточной, и, несомненно,

именно потому, что он имел столь тесную связь с Италией, его внешние черты не похожи на эллинские. Кроме того, англичане в течение нескольких лет были сюзеренами острова и оставили на нем свой отпечаток, хотя прошло уже много лет с тех пор, как британское правительство с честью передало эти земли Греции, уважая желание жителей.

Несмотря на венецианский характер крепостей, они постоянно напоминают Гибралтар, хотя, конечно, бесконечно менее обширны. Особенно это касается "Новой крепости", которую стоит осмотреть из-за прекрасного вида на город и гавань, открывающегося с ее самой высокой точки. В крошечной хижине на высоте живет смотритель, который предлагает совершенно ненужный телескоп в надежде на гонорар, хотя сомнительно, что многие когда-либо заботились о том, чтобы дополнить свой взгляд, прибегая к помощи стекла.

Перспектива, конечно, несравненно прекрасна. Внизу лежит город с его узкими улочками и высокими зданиями, а перед ним - бухта, усыпанная белыми кораблями, контрастирующими с почти невероятной голубизной воды, ведь океан нигде не бывает голубее, чем на Корфу. За проливом, на расстоянии многих миль, возвышается обрывистый и гористый материк Албании и Эпира, простирающийся на север и юг в необозримые дали. За городом страна расстилается на плодороднейшие поляны и луга, ограниченные на севере высокой и, кажется, бесплодной горой. Вся узкая южная часть острова - настоящий сад, хорошо поливаемый, поросший лесом, травой и цветами, то тут, то там поднимающийся на невысокие, поросшие деревьями холмы. Нарядные виллы усеивают пейзаж, а на дальнем холме виднеются сверкающие стены дворца, принадлежавшего злосчастной императрице Австрии.

От крепости на юг, к заливу, где лежит "корабль Улисса", тянется прекрасная эспланада вдоль водного фронта, обсаженная деревьями и окруженная со стороны суши виллами с самыми роскошными садами. Несмотря на то, что британская оккупация закончилась еще в 1865 году, дороги острова несут на себе следы британской тщательности, и ездить по ним на Корфу одно удовольствие. Дома по дороге в основном летние, принадлежащие скорее богатым иностранцам, чем коренным корфиотам, а их сады, особенно весной, - это буйство роз, переваливающих через высокие стены или облепляющих сами дома, и наполняющих воздух их ароматом. Деревья не менее красивы, и дороги хорошо затенены ими. После месяца, проведенного в сравнительно безлесной и зачастую бесплодной материковой части Греции, этот изобильный Эдем доставляет острое удовольствие своим безудержным цветением.

"КОРАБЛЬ УЛИССА". КОРФУ

От города Корфу до небольшого холма, с которого открывается вид на бухту и "Корабль Улисса", не более двух миль, а возможно, и меньше, по ровной дороге и через непрерывную череду садов, и вид на этот живописнейший островок и на спокойные воды узкого рукава моря, в котором он находится, представляет собой одну из самых красивых перспектив на острове. Сам "корабль" представляет собой довольно миниатюрную скалу недалеко от берега, почти полностью окутанную мрачными стройными кипарисами, которые придают ему предполагаемое сходство с феакийской корой хитрого Итакана. Но это сходство не совсем воображаемое. Если смотреть издалека, то остроконечные деревья, сгруппированные в темную массу на этом крошечном островке, действительно создают общий эффект судна. Тех, кто знаком с картиной "Остров смерти", сразу же поразит сходство

между "кораблем" и идеалом художника - обителью теней; и не без оснований, ведь говорят, что именно этот остров был взят за образец. В полумраке среди деревьев можно различить монастырь, который, как нам сказали, занимает один монах, а на соседнем острове, ближе к берегу и соединенном с ним чем-то вроде скалистой дороги, находится еще один монастырь, занятый группой религиозных братьев. Этот остров также не лишен своих прелестей, но взгляд всегда возвращается к скорбному заброшенному "кораблю", который по своему странному очарованию превосходит все остальное, что может показать Корфу.

Вилла Ахиллеон, расположенная к югу на возвышенности, разделяет с кораблем Улисса внимание обычного посетителя, и не только из-за красоты самой виллы с ее фресками на классические темы и чудесными садами, но и из-за восхитительного вида, открывающегося с этого места на остров. Живая зелень, яркая синева моря и мрачные скалы турецкого берега - все это создает картину, которую не скоро забудешь. Что касается самого Ахиллеона, то он был построен для императрицы Австрии, которая была убита несколько лет назад, и теперь, я полагаю, поместье перешло в частные руки. Дорога к нему отличная, а отдельные пейзажи по пути весьма живописны: то тут, то там из-за деревьев неожиданно выныривает одинокая многоарочная кампанила, украшенная множеством колоколов на греческий манер.

Вокруг острова, несомненно, существует множество прогулок, не менее приятных, чем эта, но обычный посетитель, несомненно, тот, кто останавливается здесь всего на несколько часов, во время стоянки парохода в порту, и поэтому у него мало времени на большее, чем описанные достопримечательности. Те, кому удастся сделать остров более чем кратковременной остановкой на пути в Грецию или из нее, говорят, что очарованы им, а количество привлекательных вилл, построенных иностранцами по средствам, как бы подчеркивает это утверждение. Корфу как остров в целом прекрасен.

Сам город уже упоминался как скорее итальянский, чем греческий. Тем не менее, он действительно греческий, и его магазины, конечно, больше похожи на афинские, чем на итальянские, а обычные вывески на улицах написаны греческими буквами. Именно высота домов, узость улиц, редкие арки и тот факт, что почти все говорят по-итальянски, придают Корфу безошибочный итальянский оттенок после того, как человек увидел более широкие магистрали и низкие строения Афин. Но каким бы греко-итальянским он ни был, невозможно отделаться от мысли, что, в конце концов, он напоминает Гибралтар, как ничто другое. Город делает это не меньше, чем крепости, своими узкими улочками и очевидным космополитизмом. Магазины, хотя и посвящены в основном греческим товарам, во многом напоминают гибралтарские базары и так же неотразимы для кармана: великолепные вышитые куртки, синие и золотые одеяния и другие варварские, но невероятно великолепные вещи, только что из рук портного, а не, как в Афинах, как правило, подержанные у торговцев. Чтобы увидеть крестьянские куртки и жилеты красного и синего цвета, обильно украшенные золотым орнаментом, отправляйтесь на Корфу. Ничто в Афинах не сравнится с корфиотской демонстрацией.

На Корфу есть несколько археологических памятников, но они не столь заметны, и обычный посетитель, занятый созерцанием красоты страны и причудливости города в течение нескольких коротких часов, вероятно, не станет их искать, как это сделали мы сами. Самые очевидные памятники прошлого - это памятники средневекового периода, венецианские крепости, которые служили для защиты Корфу, когда остров был важным оплотом против сарацин. От тех времен, когда соперничающие державы классической Греции воевали за Коркиру и ее плодородный остров, сохранилось мало следов. В южном пригороде Кастрадеса есть очень старая гробница и фундамент древнего храма, но ни то, ни другое не может сравниться по интересности с множеством памятников такой же древности, которые

можно увидеть в Греции и даже на Сицилии. Корфу, как и Италия, лишился свидетельств своей древности из-за того, что постоянно находился на великом шоссе, ведущем в Западную Европу. Она никогда не оставалась в стороне, как Греция. Ее плодородие не позволило ей превратиться в бесплодное пастбище, как это случилось в самой Элладе, и ее положение делало ее важной на протяжении всего средневековья, так же как и в период расширения Афинской империи. И как Рим, благодаря активному и непрерывному существованию, постепенно уничтожил свои собственные древние памятники, прежде чем они достигли ценности великого возраста, так и Корфу почти полностью утратил все следы того, что построили древние корсирийцы; в то время как Афины, в течение долгих веков своей неважности, сохранили большую часть своей классической монументальной славы нетронутой, и благодаря пробудившемуся пониманию их будут бережно хранить их в течение всех времен.

Долгие годы, в течение которых Греция лежала без дела и была заброшена, теперь кажутся не напрасными. В течение всего этого периода забвения ее древние памятники и достопримечательности лежали погребенными и забытыми, но нетронутыми. Люди были слишком заняты исследованиями и развитием других стран, чтобы тратить время на изучение мертвого прошлого. Даже возрождение образования, которое вывело классические труды из забвения в монашеских кельях и заставило литературу Греции снова жить, было недостаточным, чтобы вернуть миру реальные физические памятники того классического времени. Только в наши дни, когда земля почти полностью захвачена, а у людей не хватает новых миров для завоевания, нашлось время и интерес, чтобы вернуться в Грецию, очистить ее от векового мусора и вернуть свету дворцы Агамемнона, крепости Тирин и старый лабиринт Миноса. На окраинах Magna Græcia, где империя соприкасалась с непрекращающимися потоками западной цивилизации, как на Сицилии и Корфу, остатки древних времен пережили не лучшие времена. Именно в горных крепостях Пелопоннеса и в мрачных Дельфах сохранилось так много древнего, даже доисторического и догероического, чтобы дать нам, современным, даже более определенное знание о временах ахейцев и троянцев, чем, возможно, было у самого Гомера.

Издательство "Риверсайд

КЕМБРИДЖ - МАССАЧУСЕТС

U - S - A

1. Геродот, книга I, разделы 46-48.
2. Геродот, книга I, разделы 50-51 .
3. Геродот, книга III, раздел 60.

Примечание транскриптора

В таблице в конце данного примечания приведены все исправления в тексте, которые были сочтены ошибками типографии.

В написании греческих географических названий может иногда использоваться терминал "-us" вместо греческого "-os", особенно в Индексе. Оба варианта сохранены.

Латинизированное греческое слово "lepta" иногда дается с ударением на "а", либо "à", либо "á". Все они сохранены в печатном виде.